

Айзек Марион Тепло наших тел

: Индиль; SpellCheck: Mist

«Айзек Марион. Тепло наших тел»: Астрель; Санкт-Петербург; 2011
ISBN 978-5-271-33804-5

Аннотация

Американскому блогеру Айзеку Мариону удача улыбнулась неожиданно, ослепительно и совершенно заслуженно. Крупное издательство в поисках нераскрытых талантов обнаружило его оригинальный роман, переворачивающий с ног на голову концепцию современной мифологии хоррора, и книга немедленно произвела грандиозный фурор и легла в основу сценария для фильма. В настоящее время готовится экранизация.

Мир поражен чумой и стоит на грани вымирания. Покойники ходят по земле и норовят употребить в пищу живых, которые, оставшись в катастрофическом меньшинстве, с трудом держат оборону. Перемены начинаются, когда один зомби, чье имя при жизни начиналось на "Р", спасает девушку, вместо того чтобы ее съесть. Дружба, завязавшаяся между представителями враждующих сторон, грозит обоим самыми нехорошими последствиями. Но Р и Джули, сами того не подозревая, держат в руках простой и единственный ключ к спасению гибнущего мира.

Айзек Марион Тепло наших тел

Приемным детям, чьи имена я никогда не забуду

*Ты знал, о Гильгамеш,
Чего я жажду —
Припасть к источнику бессмертия.
А значит, мертвые восстанут из гробниц,
Из тюрем узники,
Нечистые — из прегрешений.
Мне кажется, что поцелуй любви
Губителен для плоти.
Один лишь только путь есть к вечной жизни.
Ее невыносимо провести
Меж увядающих цветов,
Прощальных криков,
Простертых рук загубленных надежд.*

Герберт Мейсон, "Гильгамеш: пересказ в стихах" ¹
«...» Эпос о Гильгамеше, Таблица 2 Строки 147, 153, 278, 279

ШАГ ПЕРВЫЙ Хочу

Мертвым быть не так уж плохо. Я сжился со смертью. Извините, представиться не могу. У меня больше нет имени. У нас их почти не осталось. Мы теряем имена, как ключи, забываем, как годовщины. Кажется, мое начиналось с "Р". Не помню. Смешно, а ведь когда я был жив, то забывал *чужие* имена. Мой друг М говорит, что, когда ты зомби, все смешно. Вот только не улыбнуться. Ведь твои губы давно сгнили и отвалились.

Красавчиков среди нас не водится, хотя время пощадило меня гораздо больше, чем некоторых. Не знаю, как давно я умер, но разложение все еще на ранней стадии. Серая кожа, трупный запах, запавшие глаза — и все. Я мог бы сойти за живого, которому пора в отпуск. Даже одет прилично. При жизни я был бизнесменом, банкиром или брокером. Как минимум — офисным мальчиком на побегушках и с амбициями. Одет я очень неплохо. Черный костюм, серая рубашка, красный галстук. М иногда над ним насмехается. Тычет пальцем в мой галстук и где-то в животе производит глубокий, рокошующий, полупридушенный смех. Сам он ходит в дырявых джинсах и простой белой футболке. На эту его футболку страшно взглянуть. Ему стоило бы выбрать не такой маркий цвет.

Одежда — наша любимая тема для взаимных подначек, ведь только она и связывает нас с теми, кем мы были раньше, прежде чем стать никем. Некоторым не повезло, они одеты безлико. Шорты и толстовка. Юбка с блузкой. Тогда мы просто гадаем.

Ты была официанткой. Ты — студентом. Ничего не припоминается?

Нет, ничего и никогда.

Настоящих воспоминаний не осталось ни у кого из моих знакомых. Только смутные образы, нутряное чувство чего-то давно утраченного. Тусклые контуры бывшего мира, привязчивые, как фантомные боли. Мы узнаем плоды цивилизации: дома, машины, общий пейзаж, но нам самим среди всего этого нет места. У нас нет истории. Мы *здесь и сейчас*. Год за годом мы — то, что мы есть. Никто не жалуется. Не задает вопросов. Как я сказал, не

---

¹ Перевод Н. Просунцовой.

так уж это и плохо. Мы только кажемся безмозглыми. Но это не так. Ржавые поршни разума все еще крутятся и приводят в движение шестерни — такие истертые, что снаружи практически ничего и не заметно. Мы мычим и хмыкаем, пожимаем плечами, киваем, а иногда даже удается что-нибудь произнести. Не так уж это отличается от жизни.

Все-таки очень жаль, что мы позабыли имена. Из всех наших потерь эта самая печальная. Моего мне просто недостает. Имена остальных я оплакиваю. Я бы очень хотел полюбить их, но мы даже не знакомы.

Мы живем в аэропорту на окраине большого города. Здесь наш дом, и нас тут сотни. Не знаю, когда и как мы сюда пришли. Нам, конечно, не нужен ни кров, ни тепло, но иметь крышу над головой приятно. Иначе пришлось бы бродить где-нибудь под открытым небом, и — почему-то — это было бы чудовищно. Наверное, такая она и есть — окончательная смерть. Когда кругом пустота, не на что посмотреть, не к чему прикоснуться, только ты — и разверстая пасть небес. Безграничное, абсолютное ничто.

Думаю, мы здесь уже очень давно. Мое тело еще не разложилось, но среди нас есть и старцы, мало чем отличающиеся от скелетов, с иссохшими, как будто вялеными телами. Непонятно как, но они до сих пор в состоянии передвигаться — мышцы тянутся и сжимаются. Я ни разу не видел, чтобы кто-нибудь из нас "умер" от старости. Не знаю, может, мы вечные. Будущее для меня в таком же тумане, как и прошлое. Я не могу заставить себя беспокоиться ни о чем, кроме настоящего, да и настоящее меня не очень-то волнует. Видимо, смерть меня расслабила.

М находит меня на эскалаторе. Я катаюсь на эскалаторах по несколько раз в день — каждый раз, когда они включаются. Это своего рода ритуал. Аэропорт заброшен, но время от времени электричество еще просыпается. Наверное, где-то глубоко в подвалах до сих пор трудятся какие-то аварийные генераторы. Загораются лампы, мигают экраны, эскалаторы начинают свой ход. Я дорожу такими минутами. Когда все вокруг оживает. Я встаю на ступень и, как бесплотная душа, возношусь в небеса, в эту приторную мечту нашего детства, обернувшуюся теперь грубой издевкой.

Тридцать, наверное, поездок спустя я поднимаюсь снова, и наверху меня встречает М. Сотни фунтов жира и мышц, намотанных на двухметровый костяк. Бородатый, лысый, помятый и подгнивший — моя ступень выползает наверх, и на меня нисходит этот не слишком-то привлекательный образ. Не он ли ангел, ждущий у ворот? Из его перекошенного рта тянется струйка черной слюны.

Он указывает в неопределенном направлении и выдавливает:

— Город.

Киваю и ковыляю следом.

Мы идем за едой. Плетемся к выходу, и постепенно вокруг нас собирается целый охотничий отряд. Найти спутников для такой вылазки несложно, даже если никто не голоден. Ясностью мысли мы блещем нечасто. Стоит тебе ее выказать, все направляются за тобой. Иначе мы только бы и делали, что стояли на месте и мычали. Мы и без того тратим на это столько времени, что можно с ума сойти. Годы и годы. Наша плоть усыхает, а мы стоим и дожидаемся, когда же она наконец облетит с костей. Я часто гадаю, сколько мне на самом деле лет.

До города живых недалеко, добираться удобно. К полудню мы уже на месте и принимаемся за поиски живой плоти. Новый голод — очень странное чувство. Он происходит не из желудка — у некоторых из нас и желудков-то не осталось. Он пронизывает тебя целиком — это тянущее, ноющее чувство, как будто каждая клеточка в твоём теле постепенно усыхает. Прошлой зимой, когда у нас было большое пополнение, некоторые из моих друзей у меня на глазах умерли окончательно. Сначала я расстроился, но замечать, когда кто-то из нас умирает, — дурной тон. Так что я отвлекся мычанием.

Наверное, конец света все-таки наступил. Города, по которым мы бродим, такие же прогнившие, как и мы. Многие здания в руинах. Повсюду ржавые машины. Почти все окна побиты, и ветер завывает в лестничных пролетах, как умирающий зверь. Я не знаю, что произошло. Чума? Война? Социальный крах? Или просто мы? Мертвые, явившиеся на смену живым? По-моему, не так уж это и важно. Если конец света наступил, то не все ли равно как?

Мы приближаемся к полуразрушенному многоквартирному дому, и до нас доносится запах живых. Не мускусная смесь пота и кожи — кипение жизни, наподобие озоновой свежести лаванды и грозы. Мы нюхаем не носами. Этот запах чувствуется глубже, как васоби, каким-то специальным отделом мозга. Мы стекаемся ко входу и вламываемся внутрь.

Они прячутся в маленькой студии с заколоченными окнами. Одеты даже хуже нас, в рваные обноски. Небритые. За исключением М, которому до конца своего телесного существования суждено носить коротенькие белесые усики и куцую бородку, все мы гладко выбриты. Одно из преимуществ смерти, еще одна мелочь, о которой нам больше не приходится беспокоиться. Бороды, волосы, ногти... Мы больше не воюем со своими первобытными телами. Они наконец-то укрощены.

Медленно и неуклюже, но с неизменным упорством, мы надвигаемся на живых. Выстрелы наполняют затхлый воздух порохом и багряной дымкой. На стенах возникают черные кровавые пятна. Отстреленная рука, нога, вырванный бок — все это не имеет значения, все это мелочи. Падают лишь те, кому попадают в головы. Видимо, что-то еще теплится там, внутри, в тухлявых серых губках. Стоит лишиться мозга — и ты труп. По обе стороны от меня зомби мягко, глухо падают на пол. Но нас много. Мы берем числом. Мы хватаем живых, и мы едим.

Еда — дело не из приятных. Я отрываю чью-то руку, и мне противно. Мерзко. Мне отвратительны его крики, я не люблю боль и не люблю ее причинять, но так устроен мир. Так устроены мы. Конечно, если я не съем его целиком, если останется достаточно, то он поднимется и вернется с нами в аэропорт, отчего, быть может, вечером мне будет не так гадко. Я всем его представляю, а потом мы, наверное, постоим и помычим. Теперь уже сложно сказать, что такое "друзья". По-моему, что-то в этом духе. Если только я удержу себя в руках, если я оставлю достаточно...

Но я, конечно, не оставлю. Не могу. Как всегда, я хватаюсь за самое вкусное, за то, от чего моя голова снова озаряется, как нутро проектора. Я съедаю мозг, и примерно тридцать секунд я помню. Парады, запах духов, музыку... *жизнь*. Потом все угасает, я поднимаюсь, и мы тащимся прочь из города, все такого же холодного и серого, как и прежде... Но чувствуем себя немного лучше. Не сказать чтобы "хорошо", и, конечно, "живыми" нас тоже не напить... разве чуть менее мертвыми. На большее не стоит и рассчитывать.

Город исчезает вдали, и я волочусь позади всех. Мои шаги чуть тяжелее, чем у остальных. М отстает, дожидается меня и хлопает по плечу. Он знает, как мне противно многое из того, что для всех — рутина. Знает, что я чувствительнее многих. Вот как он иногда надо мной шутит: собирает мои спутанные темные волосы в два хвостика и говорит: "Дев... чонка". Но он чувствует, когда шутить не стоит. Сейчас М просто смотрит на меня и хлопает по плечу. Его лицо давно не способно выражать эмоции, но я все понимаю. Киваю в ответ, и мы идем дальше.

Не знаю, почему мы должны убивать людей. Не понимаю, какая может быть необходимость впиваться зубами в чью-то шею. Я краду у живого то, чего не хватает мне. Он исчезает — я остаюсь. Таков нерушимый закон безумного небесного законотворца — простой, но бессмысленный. Но этот закон определяет мое существование, и я соблюдаю его неукоснительно. Я ем, пока не прекращаю есть, а потом ем снова.

Как все это началось? Как мы стали тем, чем стали? Что это было — какой-то вирус? Гамма-лучи? Древнее проклятие? Или что-то еще более нелепое? Мы нечасто об этом говорим. Вот они мы: мы существуем. И все идет, как идет. Мы не жалуемся. Мы не задаем вопросов. Мы ни во что не вмешиваемся.

Между мной и всем остальным миром — огромная пропасть. Такая широкая, что моим чувствам ее не пересечь. Крики гложут, и той стороны достигают лишь стоны и мычание.

В зале прибытия собралась небольшая толпа — нас встречают взгляды голодных глаз и глазниц. Мы бросаем добычу на пол: два почти целых мужчины, несколько мясистых ног, один расчлененный торс — все еще теплое. Зовите это обедами, если хотите. Или доставкой на дом. Наши мертвые товарищи бросаются на еду, как дикие звери, и устраивают пиршество прямо на полу. Остаточная жизнь, сохранившаяся в этих мертвых клетках, не даст им умереть окончательно. Но тот, кто не ходит на охоту, никогда не почувствует настоящей сытости. Ему всегда будет чего-то не хватать, как ослабшим, обессиленным морякам, лишенным фруктов и овощей. Наш новый голод — одинокое чудовище. На безрыбье он довольствуется свежим мясом и теплой кровью, но на самом деле все, что ему нужно, — эта близость, страшное чувство единения, смыкающее наши взгляды в предсмертные мгновения, этот негатив любви.

Машу М рукой и отхожу от толпы. Мне хочется подышать. Я давно привык к всепроникающему запаху мертвечины, но сегодня от моих собратьев исходит особенно зловонный дух. Забредая в соседний зал и встаю на конвейер. Стою и смотрю в окно на проползающий мимо пейзаж. Смотреть особо не на что. Давно заросшие травой и кустами, зеленеют взлетные полосы. Самолеты, белые и величественные, неподвижно лежат на бетоне, как выбросившиеся на берег киты. Моби Дик наконец-то повержен и убит.

Я ни за что не позволил бы себе такое раньше, когда был живым. Стоять неподвижно, смотреть, как мир проплывает мимо, почти ни о чем не думать. Я помню усилия. Помню цели и дедлайны. Задачи и амбиции. Помню, что почти все и всегда делал *не просто так*. Теперь же я катаюсь и катаюсь себе на конвейере, совсем один. Доезжаю до конца, переступаю на соседнюю ленту и еду обратно. Мой мир чист от посторонних примесей. Быть мертвым легко.

Несколько часов спустя на соседнем конвейере я замечаю женщину. В отличие от большинства из нас, она не мычит и не шатается, и лишь иногда у нее странно подергивается голова. Мне нравится, что она не мычит и не шатается. Я ловлю ее взгляд и так и не отрываю глаз. Мы сближаемся. На долю секунды оказываемся совсем рядом, всего в нескольких футах. Разъезжаемся, и нас уносит в противоположные концы зала. Там разворачиваемся и смотрим друг на друга. Снова встаем на конвейер. Снова проезжаем мимо. Я корчу рожу, она отвечает тем же. На третьей нашей встрече отключается электричество, и мы замираем друг перед другом. Выдавливая "привет", она дергает плечом.

Она мне нравится. Протягиваю руку и касаюсь ее волос. Как и я, она еще на ранней стадии. Бледная кожа, впалые глаза, никакие кости и внутренние органы наружу не торчат. Ее радужки чуть светлее обычного для всех мертвых свинцово-серого цвета. Она одета в черную юбку и аккуратную белую блузку. Возможно, бывшая секретарша.

К ее груди приколот серебристый бейджик.

У нее есть имя.

Я вглядываюсь — наклоняюсь, пока от моего лица до ее груди не остается всего пара дюймов, но все без толку. Я не могу удержать буквы в голове, они вертятся, уворачиваются от моего взгляда. Я вижу лишь череду бессмысленных черточек и линий, а их смысл, как и всегда, от меня ускользает.

Еще одна шутка от М: на бейджиках, в газетах — ответы на все наши вопросы написаны прямо у нас под носом, но мы не умеем читать.

Ткнув в бейджик, говорю:

— Тебя... зовут?

Она смотрит на меня пустым взглядом.

Я указываю на себя и произношу все, что осталось от моего имени: "Эррр". Потом показываю на нее. Она опускает глаза. Качает головой. Не помнит. У нее нет даже первой буквы, как у меня или М. Она никто. Но не слишком ли много я хочу? Я беру ее за руку. Мы

сходим с конвейера в разные Стороны, сцепившись пальцами. У нас с этой женщиной любовь. Вернее, то, что от нее осталось.

Я помню, какой любовь была прежде. Мешанина эмоций и биологии. Выдержать все проверки, занести много общего, пройти огонь, воду и медные трубы — вот чего она требовала. Любовь была пыткой, упражнением в самоистязании, любовь была живой. Новая любовь проще. Легче. И слабее.

Моя девушка не из болтливых. Мы идем по гулким коридорам аэропорта, время от времени минуя кого-нибудь уставившегося в окно или в стену. Пытаюсь придумать, что сказать, но в голову ничего не приходит. А если бы и пришло, вряд ли я смог бы это произнести. Речь — мое главное препятствие, самый большой валун в том завале, что загромождает мой путь. Пока я молчу, мое красноречие без труда карабкается по лесам слов и расписывает высочайшие кафедральные потолки картинами моих мыслей. Но стоит открыть рот, как все рушится. Мой рекорд — четыре слога подряд. Потом что-то заст... ре... ва... ет. Вполне возможно, что при этом я самый болтливый зомби в аэропорту.

Не знаю, почему мы все время молчим. Не могу объяснить ту удушающую тишину, нависшую над нашим миром, отсекающую нас друг от друга, как плексиглас на тюремном свидании. Предлоги даются с трудом, артикли утомляют, прилагательные — прыжки выше головы. Физический ли это недостаток? Или немота — один из многих признаков смерти? Или нам просто больше нечего сказать?

Я пытаюсь пообщаться со своей девушкой, пробую несколько неловких фраз и пустых вопросов, пытаюсь добиться хоть какой-то реакции, малейшей судороги ума. Она лишь смотрит на меня как на ненормального.

Мы бесцельно бродим несколько часов, потом она куда-то тянет меня за руку. Спотыкаясь, мы минуем подножия эскалаторов и выходим на летное поле. Я устало вздыхаю.

Мы идем в церковь.

Церковь находится на взлетной полосе. Однажды давным-давно кто-то сдвинул автотрапы в круг, образовав некое подобие амфитеатра. Здесь мы собираемся, чтобы постоять и помычать, подняв руки. В самом центре круга — древние Кости. Они взмахивают своими скелетными руками и скрежещут длинные бессловесные проповеди сквозь оскаленные зубы. Я не понимаю, какой во всем этом смысл. И никто не понимает. Но это единственное, ради чего мы готовы собираться под открытым небом — этой вселенской пастью, готовой нас проглотить, ошетилившейся на горизонте зубами — горными пиками. Готовой затянуть нас туда, где, наверное, нам самое место.

Моя девушка набожнее меня. Она закрывает глаза и машет руками, будто и впрямь искренне молится. Стою рядом, воздев руки, и молчу. Как по указке, а может быть, привлеченные ее рвением, Кости прерывают свою проповедь и оборачиваются к нам. Один скелет цепко хватает нас за запястья и ведет в круг. Поднимает наши руки в воздух. Издаёт странный рык — жутковатый, как будто дует в сломанный охотничий рог, и неожиданно громкий. С деревьев срываются испуганные птицы.

В ответ раздаётся приглушенное бормотание прихожан — дело сделано. Нас поженили.

Мы возвращаемся на наш трап. Служба продолжается. Моя новоиспеченная жена закрывает глаза и снова машет руками.

На следующий день после свадьбы мы обзаводимся детьми. Кости находят нас в коридорах аэропорта, подводят друг к другу и знакомят. Мальчик и девочка лет по шесть. Мальчик белокурый и кудрявый, с серой кожей и такими же глазами, скорее всего, бывший скандинав. Девочка смуглее, с черными волосами, пепельно-коричневой кожей и еще более темными синяками вокруг впалых свинцовых глаз. Возможно, при жизни она была арабкой. Кости подталкивают детей вперед, и они, нерешительно улыбаясь, обнимают нас за ноги. Глажу их по голове и спрашиваю, как зовут, но у них нет имен. Вздыхаю. Мы с женой берем их за руки и бредем дальше.

Честно говоря, я этого не ожидал. Дети — большая ответственность. У них нет

естественных охотничьих инстинктов, как у взрослых. О них нужно заботиться, их нужно обучать. К тому же они никогда не вырастут. Наше общее проклятие останавливает рост. Дети навсегда остаются маленькими и рано или поздно сгнивают окончательно, превращаются в карликовые скелеты с мозгами-погремушками, мертвые, но забывшие замереть навсегда. Каждый день они повторяют одни и те же ритуалы, и так будет продолжаться, пока их кости не рассыплются в прах и от них ничего не останется.

Нет, вы только посмотрите. Стоит отпустить их руки, они убредают играть. Они дразнятся, улыбаются. Их игрушки и игрушками-то не назвать: степлеры, кружки, калькуляторы. Они хихикают и визжат — пусть эти звуки и застревают на полпути. Мы выхолостили им мозги, украли их дыхание, а они все цепляются за край обрыва. Сопроtestляют до самого конца.

Я смотрю им вслед, они удаляются в тусклый свет на другом конце зала. Во мне — в какой-то черной, оплетенной паутиной камере — что-то сжимается.

Пора за едой.

Не знаю, сколько времени прошло с нашей последней охоты. Наверное, всего несколько дней. Но я уже чувствую. Ток, бегущий по моим венам, гаснет, затухает. Мысли заполняются кровью — удивительной, гипнотической, багровой, бегущей по ярко-красным сосудам, тончайшим паутинкам, фракталам Поллока, пульсирующей, трепещущей жизнью. Нахожу М в ресторанном дворике — он разговаривает с какими-то девушками. М не такой, как я. Ему нравится женское общество, и его выдающаяся дикция привлекает их, как фонарь мотыльков. Но слишком близко он их не подпускает. Отшучивается. Как-то раз Кости вздумали навязать ему жену, а он взял и ушел. Иногда я гадаю, что им движет. Может, у него есть философия? Или даже картина мира? Я бы очень хотел как-нибудь посидеть с ним, поговорить за жизнь, попробовать его мозг на вкус — маленький-маленький кусочек откуда-нибудь из лобной доли, только чтобы прикоснуться к его мыслям. Но он крепкий парень и никогда так не подставится.

— Город, — говорю я и тычу пальцем в живот. — Еда.

Девушки, с которыми он разговаривал, посмотрели на меня и зашаркали прочь. Я давно заметил, что рядом со мной многим делается не по себе.

— Я... ел, — отвечает М, чуть заметно нахмурившись. — Два дня... назад.

Снова хватаюсь за живот.

— Я пуст... ой. Внутри. Мертвый... внутри.

Он кивает:

— Жен... атик.

Смотрю на него свирепо. Качаю головой и сжимаю живот.

— *Надо*. Иди за... другими.

Вздыхнув, он направляется прочь, толкнув меня плечом по дороге. Не факт, что нарочно. Зомби все-таки.

Он находит еще несколько таких же, как я — с аппетитами, — и мы объединяемся в небольшой отряд. Очень небольшой. Небезопасно маленький. Но наплевать. Не помню, чтобы я когда-нибудь был таким голодным. Мы идем в город прямо по автостраде. Как и всё на свете, дороги давно сдались на милость природы. Мы бредем по пустынным улицам под заросшими выюном мостками эстакад. В моих остаточных воспоминаниях эти дороги совсем другие. Я вдыхаю сладкий, застывший воздух. Мы зашли даже дальше обычного, но в воздухе только два запаха — ржавчины и пыли. Бесприютных живых становится все меньше, а остальные все реже рискуют покидать свои убежища. Подозреваю, что их стадионы-крепости становятся автономными. Мне представляются огромные подземные плантации моркови и бобов. Загон для скота в ложе для прессы. Рисовые террасы на бейсбольном поле. Вдалеке на горизонте маячит самая большая из этих крепостей — с крышей, издевательски открытой навстречу солнцу.

Наконец мы чуем добычу. Запах жизни — сильный, резкий — переполняет наши

ноздри. Они близко, их очень много. Не удивлюсь, если нас всего в два раза больше. Мы неуверенно останавливаемся. М смотрит на меня. Потом на весь наш небольшой отряд, потом — опять на меня.

— Нет, — выдавливают он.

Я тычу пальцем в покосившийся, а местами и обвалившийся небоскреб, из которого, будто мультяшным призрачным щупальцем, манит аромат: *иди-ка сюда*.

— Еда, — не сдаюсь я.

М качает головой:

— Их... много.

— *Еда*.

Он снова смотрит на наш небольшой отряд. Втягивает воздух. Остальные растерялись. Некоторые настороженно принимают, но многие, как я, думают только об одном. Эти мычат, пускают слюни и клацают зубами.

Я теряю терпение.

— Еда! — гавкаю я, буравя М глазами. — Пошли!

Поворачиваюсь и как могу быстро ковыляю к небоскребу. Остальные бездумно бредут за мной. Увлеченные ясностью мысли. М обгоняет всех и шагает рядом, тревожно на меня поглядывая. Подгоняемые силой моего отчаянного голода, мы проламываемся через дверь-вертушку и спешим дальше по темным коридорам. То ли взрыв, то ли землетрясение своротило фундамент, и весь дом кренится под головокружительным углом, словно какой-то аттракцион. Идти под таким углом тяжело, коридоры петляют, но запах уже нестерпим. Поднявшись на несколько этажей, мы их не только чуем, но и слышим: они ходят и переговариваются ровными, мелодичными голосами. Я вздрагиваю: речь живых всегда действовала на меня как самый настоящий акустический афродизиак. Я еще не встречал другого зомби, который разделял бы мою любовь к этим изысканным звукам. М — тот вообще считает меня извращенцем.

Стоит нам подойти поближе, самые нетерпеливые начинают громко стонать. Живые нас слышат и поднимают тревогу. Щелкают взведенные курки — но нас это не останавливает. Сносим последнюю дверь и бросаемся вперед. Увидев, сколько их, М недовольно хмыкает, но тут же кидается на ближайшего и держит за руки, пока я вырываю ему горло. Мой рот наполняется огненно-красным вкусом крови. Искра жизни брызжет из его клеток, как едкий сок из апельсиновой шкурки, — и жадно я втягиваю ее в себя.

Тьму освещают лишь редкие выстрелы. По нашим меркам силы отнюдь не равные. Против каждого из них — всего трое наших. Но удача не на их стороне. Мы кидаемся в бой с умопомрачительной для мертвых скоростью. Они к этому не готовы. Неужели все из-за меня? Существа, лишённые желаний, редко могут похвастаться какой-то особенной прытью, но на сей раз их веду я, а я быстр, как смертоносный вихрь. Что на меня нашло? Или просто встал не с той ноги?

Нам повезло и в другом. Эти живые — не опытные солдаты. Юнцы. В основном подростки. У одного по всему лицу такие прыщи, что в темноте он рискует нарваться на выстрел. За главного мальчишка чуть постарше остальных, с клочковатой порослью на лице. Стоит на офисном столе в центре комнаты и командует перепуганным голосом. Один за другим они падают под бременем нашего голода, и кровь выписывает на стенах пуантилистские картины. Наконец он спрыгивает, чтобы заслонить собой маленькую фигурку, скорчившуюся под столом. Это девушка — молоденькая блондинка, — худеньким птичьим плечиком она упирается в приклад дробовика, вслепую паля из него во все стороны.

Прыгаю через полкомнаты и хватаю мальчишку за ноги. Дергаю — он падает, и его череп разбивается об угол стола. Тут же прокусываю ему шею. Залезаю пальцами в дырку в черепе и разламываю его, как скорлупку. Мозг — горячий, розовый — трепещет в моих руках. Я ненасытно впиваюсь в него и...

Меня зовут Перри Кельвин, мне девять лет, я живу в сельской глуши. До нас доходят

слухи о бедствиях где-то далеко, на побережьях, но здесь у нас все спокойно. Если не считать забора из рабицы, которым реку недавно отделили от гор, то жизнь идет, как всегда. Я хожу в школу. Учю про Джорджа Вашингтона. Я в шортах и майке еду на велике по пыльной дороге, и палящее солнце жжет мне затылок. И шею. Шея у меня болит, она...

Я с мамой и папой, мы едим пиццу. У меня день рождения. Они пытаются порадовать меня, чем могут, хотя в последнее время деньги почти ничего не стоят. Мне только что исполнилось одиннадцать. Меня наконец-то отведут на какой-то фильм про зомби — их сейчас как грибов после дождя. Мне так не терпится в кино, что я глотаю не жуя. Откусываю огромный кусок, и сыр застревает в горле. Выкашливаю его обратно — родители смеются. Вся моя рубашка заляпана кетчупом, как будто...

Мне пятнадцать лет, я глазею в окно на мрачные стены моего нового дома. Серый свет сочится с пасмурного неба через открытую крышу стадиона. Я снова в школе, нам объясняют грамматику. Я стараюсь не пялиться на девчонку за соседней партой. У нее короткие светлые кудряшки и голубые глаза, пляшущие в такт тайным мыслям. У меня потеют ладони. Мой рот набит ватой. После урока я подхожу к ней в коридоре:

— Привет.

— Привет.

— Я новенький.

— Знаю.

— Меня зовут Перри.

Она улыбается. Она говорит:

— Я Джули.

Она улыбается. Ее глаза сверкают. Она говорит:

— Я Джули.

Она улыбается. У нее брекеты на зубах. Ее глаза — стихи и проза. Она говорит:

— Я Джули.

Она говорит...

— Перри, — шепчет Джули мне в ухо. Я целую ее в ответ. Она переплетает мои пальцы со своими и сжимает. Я глажу ее свободной рукой по голове, запускаю пальцы ей в волосы. Смотрю ей в глаза.

— Ты хочешь?.. — выдыхаю я.

Она улыбается. Закрывает глаза и говорит:

— Да.

Я прижимаю ее к себе. Я хочу слиться с ней воедино. Не погрузиться в нее, а наоборот — вобрать в себя. Чтобы наши ребра раскрылись и сердца поменялись местами. Чтобы наши клетки сплелись в одну живую нить.

Я старше и мудрее. Я мчусь на мотоцикле по пустынному бульвару в центре города. Джули сидит сзади, обхватив меня руками и ногами. В ее темных очках отражается солнце, она смеется, сверкая идеальными белыми зубами. Мне больше не разделить с ней этот смех. Я смирился с тем, что ничего не изменить, что все останется как есть, пусть даже она и отказывается в это верить. Но хотя бы со мной она в безопасности. Я могу ее защитить. Она так невыносимо красива, что я хочу прожить вместе с ней всю жизнь, она не идет у меня из головы, моей головы, у меня болит голова. Господи, моя голова...

Стой.

Кто ты? Гони воспоминания прочь. Твои глаза пересохла — моргни. Сделай рваный вдох. Ты снова ты. Ты никто.

С возвращением.

Ворс ковра под пальцами. Выстрелы. Встаю и озираюсь, меня пошатывает. Еще ни разу меня не посещало такое яркое видение. Перед моими глазами как будто пронеслась целая жизнь. Слезы щиплют глаза, но железы давно иссякли. Как из перцового баллончика в лицо. Впервые с тех пор, как я умер, мне больно.

Слышу крик и поворачиваюсь. Это она. Она здесь. *Джули* здесь. Она стала старше — ей, может быть, девятнадцать. Весь детский жирок давно сгорел, его сменили тонкие черты, гордая осадка и крепкая мускулатура. Она сжалась в углу: плачет и вскрикивает — к ней, безоружной, подбирается М. Он всегда находит себе женщин. Их воспоминания для него как порнуха. Я все еще не до конца пришел в себя, но...

Отбрасываю его в сторону и рычу:

— *Нет*. Моя!

Он скрипит зубами, как будто вот-вот на меня бросится, но тут ему летит пуля в плечо. М ковыляет прочь на помощь еще двум зомби, которые никак не управятся с каким-то хорошо вооруженным сопляком.

Я подхожу к девушке. Она вся сжимается, ее нежная плоть манит всем тем, что я привык брать без спросу. Инстинкты снова берут надо мной верх. Пальцы и зубы жаждут впиваться и рвать. Она снова вскрикивает — и что-то дергается у меня внутри, будто крошечный мотылек в паутине. Одно краткое мгновение нерешительности — пока вкус воспоминаний Перри еще не рассеялся, и я делаю свой выбор.

Ласково мычу и тянусь к девушке, пытаюсь придать своему лицу доброе выражение. Я не никто. Я девятилетний мальчик, я пятнадцатилетний мальчик, я...

Она втыкает мне в голову нож.

Клинок застревает между глаз. Он вошел всего на полдюйма, чуть царапнул лобную долю. Выдергиваю его и бросаю на пол. Протягиваю руки, издаю нежные звуки — но ничего не выходит. Как ей не испугаться, если с моего подбородка сочится кровь ее возлюбленного? Между нами всего пара метров. Она шарит по карманам в поисках какого-нибудь другого оружия. У меня за спиной мертвые довершают резню. Вскоре всеобщее внимание переключится на этот плохо освещенный угол. Делаю вдох.

— *Джу... ли*.

Ее имя на вкус словно мед. Даже произносить приятно.

Она потрясенно замирает.

— Джули, — повторяю я. Показываю пустые руки. Показываю на зомби у меня за спиной. Качаю головой.

Она уставилась на меня. Если и понимает, то не подает виду. Но я протягиваю руку — и она не шарахается. И не бросается на меня с ножом.

Опускаю вторую руку в рану на голове павшего зомби и набираю в горсть черную, безжизненную кровь. Медленно, ласково размазываю кровь по ее лицу, шее и одежде. Она даже не вздрагивает. В шоке, наверное.

Беру ее за руку и помогаю подняться. М с остальными уже насытились и озираются по сторонам. Они смотрят на меня. Смотрят на Джули. Иду к ним и веду ее за собой. Она ковыляет следом, смотрит в одну точку и не сопротивляется.

М настороженно втягивает воздух. Но чувствует то же, что и я: ничего. Только антизапах мертвой крови. Она везде: ей заляпаны стены, ей пропитана наша одежда, ей тщательно обмазана живая девушка — и тьма этой крови скрывает дух жизни, ее нестерпимое сияние.

Мы без слов выходим на улицу и направляемся к аэропорту. Я как в тумане, в голове вертится калейдоскоп причудливых мыслей. Джули вяло держится за мою руку и косится на меня своими огромными глазами. Ее губы дрожат.

Мы отнесли добычу тем, кто не охотится — Костям, детям и мамашам этих детей, — и я веду Джули к себе домой. Мертвые посматривают на нас с любопытством. Чтобы обратить живого в мертвого, мало одного желания. Нужно еще и огромное самообладание. Обращение

почти никогда не случается по чьей-то воле. Разве что по воле случая: зомби убивают или как-то иначе мешают ему доделать свое дело — *voro interruptus* ². Гораздо чаще наши ряды пополняют жертвы болезни, несчастных случаев или обычного для живых насилия — всего того, что нам абсолютно чуждо. То, что я привел с собой несъеденную девушку, — чудо, наравне с чудом рождения. И М, и прочие глядят на нас с удивлением, но не беспокоят. Если бы они знали правду, то вели бы себя... куда менее сдержанно.

Сжав руку Джули, я веду ее прочь от пристальных взглядов. Мы идем через выход номер 12 на посадочную полосу, в мой дом — коммерческий "боинг-747". В нем не очень просторно, да и планировка бестолковая, но это самое тихое место в аэропорту, и здесь я люблю предаваться уединению. Иногда в памяти даже всплывают какие-то смутные воспоминания. Видимо, при жизни я много путешествовал. Иногда я "ложусь спать", и меня охватывает ощущение полета — поток кондиционированного воздуха будто бы снова бьет в лицо, а меня подташнивает от размякших бутербродов. А потом — лимонная свежесть рыбы в Париже, пряный вкус марокканского таджина. Что там теперь? Пустые улицы и кафе, полные пыльных скелетов?

Мы с Джули стоим в центральном проходе и смотрим друг на друга. Тычу пальцем на место у окна и поднимаю брови. Не сводя с меня глаз, она пятится назад и опускается на сиденье. Ее пальцы сжимают подлокотники, как будто самолет в огне и несется в пропасть.

Я сажусь у прохода, гляжу на мою коллекцию, сложенную на передних рядах, и издаю невольный хрип. Каждый раз, отправляясь в город, я приношу какой-нибудь сувенир. Головоломку. Рюмку. Барби. Вибратор. Цветы. Журналы. Книги. Приношу их домой и раскладываю по сиденьям, а потом часами разглядываю. М все спрашивает, зачем я это делаю. Не знаю ответа.

— Не... съем, — выдавливаю я, глядя Джули в глаза. — Я... не съем.

Она не сводит с меня глаз. Поджимает бледные губы. Показываю на нее. Открываю рот и тычу в свои кривые, окровавленные зубы. Качаю головой. Она прижимается к окну. Не понимает.

— Не съем, — со вздохом говорю я. — Я... за... щи-ща... ю.

Встаю и направляюсь к проигрывателю. Копаюсь в коллекции пластинок на багажных полках, достаю одну. Надеваю на нее наушники. Она все в таком же ужасе застыла на сиденье.

Включается пластинка. Фрэнк Синатра. Его голос едва звучит, доносится как будто издалека, как надгробное слово в осенней тиши.

Вчера... мы были молоды...

Я закрываю глаза и наклоняюсь вперед. Моя голова покачивается в такт музыке, слова заполняют самолет, растворяются в воздухе, и снова собираются у меня в голове.

И жизнь казалась такой новой... такой настоящей, такой простой...

— Защищаю, — бормочу я. — За... щищаю. Тебя.

Это было так давно... вчера...

Когда я открываю глаза, Джули переменилась в лице. Ужас отступил, она смотрит на меня, будто не веря своим глазам.

— Кто ты? — шепчет она.

Я отворачиваюсь. Встаю и выхожу из самолета. Ее растерянный взгляд провожает меня до конца коридора.

На парковке рядом с аэропортом стоит классический "мерседес"-родстер. Я вожусь с ним уже несколько месяцев. Первые недели я его просто разглядывал, затем наконец сообразил наполнить бак дебутанизированным бензином, который нашел в подсобке. Смутное воспоминание подсказало, как повернуть ключ, и, вытолкав иссохший труп хозяина

---

² Прерван во время пожирания (лат.)

наружу, я завел мотор. Но, как водить, я так и не вспомнил. Самая удачная попытка закончилась тем, что я задом выехал с парковки и воткнулся в стоявший неподалеку "хаммер". Иногда я просто завожу мотор и сижу в салоне, вяло опустив руки на руль, пытаюсь оживить воспоминания. Не смутные ощущения родом из нашего коллективного подсознательного, а что-нибудь четкое, яркое, настоящее. Что-нибудь действительно мое — и я изо всех сил стараюсь выцарапать это из темноты.

Вечером я захожу к М. Он живет в женском туалете. Сидит перед телевизором, подключенным через удлинитель, и смотрит легкое порно, которое нашел в чемодане у какого-то мертвеца. Не знаю зачем. Эротика для нас — пустой звук. Наша кровь больше не бежит по венам, страсти не горят. Я не раз заставлял М с его "подружками" — они просто стоят голые и смотрят друг на друга, а иногда трутся телами с усталым и потерянным видом. Наверное, это агония смерти. Отдаленное эхо мощного стимула, разжигавшего когда-то войны, вдохновлявшего на симфонии, выгнавшего человечество из пещер в открытый космос. Пусть М еще держится, но для всех остальных с этим покончено. Секс, когда-то такой же универсальный закон, как гравитация, теперь опровергнут. Уравнение стерто, доска сломана. В чем-то оно и к лучшему. Я помню нужду, ненасытный голод, правивший мной и всеми вокруг. Иногда я рад, что секса больше нет. Так меньше проблем. Но то, что мы потеряли главную человеческую страсть, лишь подытоживает все остальное. Все стало спокойнее. Проще. Самый верный знак, что мы мертвы.

Я смотрю на М с порога. Он сидит на складном железном стульчике, засунув кулаки между коленей, как школьник перед директором. Иногда из-под всей этой горы гниющей плоти проглядывает тот человек, которым он был когда-то, и в мое сердце словно игла втыкается.

— П... принес? — спрашивает он, не отводя взгляд от экрана.

Протягиваю к нему руки. В них — человеческий мозг с сегодняшней охоты, уже остывший, но все еще розовый и полный жизни.

Мы садимся на пол, вытянув ноги и упершись спинами в кафельные стены, и передаем мозг друг другу. Отщипываем по кусочку, каждый из которых — краткая вспышка человеческой жизни.

— Хоррр... рошо, — хрипит М.

В мозге заключена жизнь молодого городского солдата. Его существование — бесконечная вереница тренировок, приемов пищи и истребления зомби. Не особенно интересно, но М, кажется, нравится. У него неприятный вкус. У меня на глазах его губы складываются в немые слова. На его лице сменяются эмоции. Страх, злоба, радость, похоть. Все равно что смотреть на вздрагивающую, поскуливающую во сне собаку — только сердце разрывается. Когда М очнется, все исчезнет. Он опять станет пустым. Мертвым.

Час или два спустя у нас остается крошечный розовый комочек, который забрасывает в рот М. Его зрачки расширяются — к нему приходят видения. Мозг кончился, но мне мало. Украдкой засовываю руку в карман и вытаскиваю комок величиной с мой кулак. Я берегу его для себя. Он не такой, как все. Особенный. Отщипываю кусочек и кладу в рот.

Я Перри Кельвин, мне шестнадцать лет, я смотрю на свою девушку, которая пишет что-то в дневник. У него черная потертая обложка, а внутри — целый лабиринт записок, рисунков, закорючек и цитат. Я сижу на диване с найденным в городе первым изданием "На дороге" Керуака и мечтаю жить в любое время, кроме нынешнего, а она лежит у меня на коленях и что-то яростно строчит. Мне интересно, я заглядываю ей через плечо. Но она смущенно улыбается и закрывает страницы.

— Нет. — И снова принимается строчить.

— О чем ты пишешь?

— Не ска-а-жу-у.

— Просто дневник или стихи?

— И то и то, глупый.
— А про меня там есть?
Она смеется.

Я обвиваю руками ее плечи. Она прижимается ко мне крепче. Наклоняюсь и целую ее в затылок. Пряный запах ее шампуня...

М внимательно смотрит на меня.
— Есть... еще? — цедит он.

М протягивает руку, чтобы я поделился. Но я не делюсь. Отщипываю еще кусочек и закрываю глаза.

— Перри, — говорит Джули.
— Чего?

Мы на крыше стадиона. Это место — наше убежище. Лежим на красном одеяле, расстеленном на белых стальных щитах, и шуримся в ослепительно-голубое небо.

— Мне не хватает самолетов, — говорит она.

Я киваю:

— Мне тоже.

— Не летать, понимаешь? Правда, папа и так никогда бы меня не отпустил в небо. Но все равно. Самолеты. Гул вдалеке, белые полосы... которые режут небо узорами... Мама говорила, получается очень похоже на такую детскую игрушку — "волшебный экран". Так красиво было.

Я улыбаюсь. Она права. Самолеты были красивые. Как и фейерверки. И цветы. Концерты. Воздушные змеи. Все эти роскошества, которых мы больше не можем себе позволить.

— Как хорошо, что ты все это помнишь, — говорю я.

Она поднимает на меня глаза:

— А как же иначе? Мы должны помнить все. Иначе оно исчезнет навсегда, не успеем мы стать взрослыми.

Я закрываю глаза, и палящее солнце сочится сквозь мои веки, пропитывает мою голову насквозь. Поворачиваюсь к Джули и целую ее. Мы занимаемся любовью прямо там, на одеяле, расстеленном на крыше в двухстах пятидесяти метрах над землей, а солнце в небе стоит на стреме, улыбаясь, как добродушная дуэнья.

— Эй!

Я резко открываю глаза. М пытается испепелить меня взглядом. Он тянется к кусочку мозга у меня в руке, но я успеваю ее отдернуть.

— Нет! — рычу я.

Наверное, мы с М друзья, но сейчас я скорее убью его, чем поделюсь. Стоит подумать, что он заграбастает эту память своими грязными лапами — и хочется выломать ему ребра, и вырвать из них сердце, и раздавить его в руках, и разможжить ему голову, и растоптать его мозг — пока не оборвется его существование. Эти воспоминания *мои*.

М смотрит на меня. Видит сигнальные огни в моих глазах, слышит аварийную сирену. Убирает руку.

— Жмот, — ворчит он и запирается в туалетной кабинке.

Я покидаю туалет неестественно решительным шагом. Захожу в мой самолет и останавливаюсь в овале тусклого света. Джули лежит в откинutom назад кресле и негромко посапывает. Стучу по внутренней обшивке — вскакивает, как будто и не спала, и настороженно следит за моим приближением. У меня опять горят глаза. Хватаю ее сумку, нахожу кошелек, а в нем фотографию молодого человека. Показываю ей.

— Мне... жаль, — говорю.

Она смотрит на меня с каменным лицом.

Я показываю на рот. Хватаюсь за живот. Показываю на ее рот. Кладу руку ей на живот. Киваю в окно на безоблачное небо, полное бессердечных звезд. Это самое беспомощное оправдание для убийства, но другого у меня нет. Сжимаю зубы и щурюсь, но глаза все еще горят.

Джули поджала нижнюю губу. Глаза у нее красные, мокрые.

— Кто из вас это сделал? — спрашивает она дрожащим голосом. — Толстый? Тот жирный ублюдок, который и меня чуть не достал?

Смотрю на нее удивленно и не понимаю. Наконец меня осеняет.

Она не знает, что это был я.

Там было темно, я напал сзади. Она не видела. Она не знает. Смотрит на меня, как будто я этого достоин, и не знает, что я убил ее возлюбленного, сожрал его душу и до сих пор ношу в кармане изрядный кусок его мозга. Он жжет меня, как уголь.

Делаю шаг назад, не в силах осмыслить такую невероятную удачу.

— Почему, — не унимается Джули, раздраженно смахивая слезинку, — почему ты спас меня? — Отвернувшись, сжимается в комок, обхватив плечи руками. — Одну из всех... — бормочет она в подушку — Почему?

Вот о чем она спрашивает. Не о том, что важно здесь и сейчас, не о себе, не откуда я знаю, как ее зовут, не о чудовищных планах, которые я на ее счет наверняка лелею, — не этот голод она бросается утолять. Она думает о других. О друзьях, о любимом, о том, почему не смогла занять их место. Я жалкая тварь. Я копошусь на самом дне вселенной. Роняю фотографию на сиденье и смотрю в пол.

— Мне... жаль, — повторяю я и ухожу прочь.

У входа в зал ожидания, прямо на пороге, собралось несколько мертвых. Они смотрят на меня своими пустыми глазами. Мы стоим в молчании, неподвижные, как статуи. Наконец я проскальзываю мимо и удаляюсь в темные коридоры.

Потрескавшийся асфальт хрустит под колесами. Подвеска старого "форда" этому не рада, он завывает, будто захлебывается собственной яростью. Я смотрю на папу. Он кажется старше, чем на самом деле. И слабее. Его пальцы впились в руль. Костяшки белые-белые.

— Пап... — говорю я.

— Что, Перри?

— Куда мы едем?

— Туда, где будет безопасно.

— Такие места еще остались? — осторожно спрашиваю я.

Он отвечает не сразу:

— Туда, где безопаснее, чем здесь.

Улица позади — тут мы ходили в бассейн и растили клубнику, ели пиццу и смотрели кино, тут я родился, и вырос, и узнал все, что теперь знаю, — улица клубится черным дымом. Горит автозаправка, где раньше продавались коктейли с колой. У моей школы заколочены окна. В бассейне больше никто не плавает.

— Пап, — говорю я.

— Что?

— А мама вернется?

Наконец он смотрит на меня. Но не отвечает.

— Она станет одной из них?

— Нет. — Он снова переводит взгляд на дорогу.

— А я думаю, что да. Сейчас ведь все так.

— Перри, — произносит папа. Слова, похоже, даются ему с трудом. — Нет. Я об этом позаботился.

На его лице прорезались глубокие морщины. Они меня одновременно завораживают и отталкивают.

— Почему? — спрашиваю я. У меня дрожит голос.

— Потому что она умерла. На самом деле они не возвращаются. Понимаешь?

Пустоши и отдаленные холмы затуманиваются у меня на глазах. Я пытаюсь смотреть на лобовое стекло, считаю пятна от насекомых и крошечные царапины. Но и они расплываются.

— Главное — помни, — продолжает папа. — Помни ее так долго, как сможешь. Теперь она может вернуться только в воспоминаниях. Благодаря им она все еще жива. И никакие проклятия это не изменят.

Я смотрю ему в глаза, силясь разглядеть в них правду. Он еще ни разу не говорил мне такие вещи.

— Наши тела — это просто мясо. Все, что в ней было самого важного... все это останется с нами.

— Джули.

— Чего?

— Иди сюда. Посмотри.

Мы в заброшенной больнице, собираем все, что может пригодиться. Ветер со свистом рвется внутрь сквозь трещины оконного стекла. Джули подходит ко мне и смотрит вниз.

— Что он делает?

— Не знаю.

Внизу, на засыпанной снегом улице, более-менее по кругу бредет одинокий зомби. На наших глазах он врезался в автомобиль, пошатнулся, отступил к стене, развернулся — и зашаркал в обратную сторону. Все это беззвучно, ни на что не глядя. Мы с Джули следим за ним еще несколько минут.

— Не нравится мне это, — говорит наконец она.

— Ага.

— Как-то... грустно.

— Ага.

— Что с ним такое?

— Не знаю.

Зомби замирает посреди улицы и лишь чуточку покачивается. Его лицо абсолютно пустое. Кожа, натянутая на череп.

— Интересно, как это.

— Что?

— Быть как они.

Я смотрю на зомби. Покачавшись еще немного, он падает. И лежит на боку, и смотрит на замороженный асфальт, и совсем не шевелится.

— Что это?.. — начинает Джули и замолкает. Переводит удивленный взгляд с меня на зомби. — Он что, умер?

Мы молча ждем. Но труп не встает. Меня охватывает гадкое чувство, как будто по позвоночнику ползут маленькие-маленькие насекомые.

— Пошли отсюда, — командует Джули и отворачивается. Я иду за ней. Всю дорогу домой мы молчим, не знаем, о чем говорить.

Стой.

Сделай бессмысленный вдох. Отпусти этот кусочек жизни, который прижимаешь к губам. Где ты? Давно ты здесь? Стой. Ты должен остановиться. Зажмурь нестерпимо горящие глаза и съешь еще кусочек.

Утром меня находит жена. Я сижу, привалившись к стеклянной стене, выходящей на взлетную полосу. Мои глаза открыты и полны пыли. Голова свесилась набок. Я редко позволяю себе выглядеть таким... мертвым. Со мной что-то не так. В животе зияет болезненная пустота, что-то среднее между смертельным голодом и похмельем. Жена

хватает меня за руки и заставляет встать. Идет вперед и тащит за собой, как чемодан на колесиках. Меня вдруг кидает в мучительный жар — и я начинаю говорить.

— Имя, — требую я, уставившись на ее ухо. — Имя?

Она только бросает на меня холодный взгляд и идет дальше.

— Рабо... та? Школа? — Я уже не спрашиваю, я обвиняю. — Фильм? Песня? — Меня прорвало, как нефтяную вышку. — Еда? Дом? *Имя?*

Жена поворачивается и плюет в меня, попадает на рубашку. Рычит как животное. Но стоит мне посмотреть ей в глаза — и слова застревают у меня в горле. Ей... страшно. У нее дрожат губы. Что я творю?

Я смотрю в пол. Несколько минут мы стоим и молчим. Наконец она идет дальше, а я следую за ней, пытаюсь стряхнуть странное черное облако, окутавшее мои мысли.

Мы приходим в давно разоренную сувенирную лавку, и она издает ласковый стон. Из-за перевернутого шкафа, полного бестселлеров, которых нам никогда не прочесть, выходят наши дети. Оба гложут по человеческой руке, не очень свежей, заветрившейся по краям.

— От... куда? — спрашиваю. Онижимают плечами. Я поворачиваюсь к жене. — Надо... лучше.

Она хмурит лицо и тычет в меня пальцем. Презрительно хмыкает. Меняюсь в лице, подобающе пристыженный. Это правда. Я не самый лучший отец. Можно ли схлопотать кризис среднего возраста, если даже не знаешь, сколько тебе лет? Может быть, мне за тридцать, а может, еще и двадцати нет. Может, я младше Джули.

Жена хмыкает детям и указывает на коридор. Они вешают носы и издают сильные хнычущие звуки, но идут за нами. Мы ведем их в школу.

Кто-то, возможно, те же трудяги, что возвели для Костей их церковь из автотрапов, сложили в ресторанном дворике стены из чемоданов и обустроили "школу". Едва мы подходим поближе, как до нас доносятся стоны и крики. Ко входу в эту импровизированную арену тянется небольшая очередь из детей. Ставим своих в хвост и идем внутрь посмотреть на урок.

Пятеро мертвых окружили тощего пожилого живого. Он вжимается спиной в чемоданную стену и лихорадочно озирается по сторонам. Его руки пусты и сжаты в кулаки. Двое детей пытаются удержать его за руки, а третий откусывает от плеча маленький кусочек — он кричит, как будто получил смертельную рану. Впрочем, так и есть. В современном мире много способов умереть — от голода и укуса зомби и до старых добрых болезней и преклонных лет. Прекратить жить можно по-разному. Но за некоторыми полностью переваренными или обезмозглными исключениями, все эти способы ведут к нам, мертвым. К нашей неприглядной разновидности бессмертия.

Осознав неизбежность превращения, живой деревенеет. Одна девочка вцепилась зубами ему в ногу, а он даже не дергается. Просто колотит ее кулаками, пока в черепе не появляется вмятина, а шея не щелкает. Насупившись, девочка отступает. Ее голова заметно свернута на сторону.

— Нет! — рычит учитель. — Горло!

Дети настороженно отходят, не спуская с живого глаз.

— Горло! — повторяет учитель. Они с помощником врываются на арену, бросаются на живого и быстро валят его на землю. Учитель добывает жертву и поднимается — по его подбородку стекает кровь. — Горло, — снова повторяет он, указывая на труп.

Пятеро детей выходят с пристыженными лицами. Заходят следующие. Мои нервно смотрят на меня. Глажу их по голове.

Убитого оттаскивают на съедение, а на арену заталкивают следующего. Он старый, уже седой, но крупный — наверное, когда-то служил в охране. Чтобы он не вырвался, его тащат сразу трое мертвых. Бросают в угол и быстро возвращаются сторожить выход.

Дети нервничают, но учитель рывкает, и все пятеро идут вперед. Они действуют как одна команда: по двое повисает на руках, последний целится в горло. Но живой слишком силен. Резко развернувшись, он таранит стену, и сверху падает крепкий металлический кейс. Им он изо всех сил бьет нападающего мальчика по голове и проламывает ему череп. Мозг брызжет наружу. Мальчик не кричит и не дергается, просто падает на пол, как мешок, как будто он мертв уже не один месяц. Его забрала смерть, запоздалая в своей неизбежности.

Наступает полная тишина. Дети пятятся прочь из класса, и их никто не останавливает — взрослые бросаются на живого. Мы смотрим на труп ребенка с унылым смирением. Кто из присутствующих взрослых его родители, непонятно — у всех одинаковое выражение лица. В любом случае они скоро забудут о своей утрате. Завтра к ним придут Кости и приведут другого мальчика. Или девочку. Позволяем себе еще несколько секунд скорби. Затем урок возобновляется. Некоторые переглядываются, гадая, что значит этот опрокинутый, вывернутый наизнанку круговорот жизни. Впрочем, возможно, я сейчас додумываю за них.

Мои дети следующие. Они напряженно всматриваются в происходящее на арене, иногда даже поднимаются на цыпочки, чтобы лучше видеть. Им не страшно. Они моложе остальных. Скорее всего, против них выставят кого-нибудь совсем слабого, кто не сможет оказать сопротивление. Но дети этого не знают, и не страшно им не поэтому. Когда весь твой мир построен на смерти, когда все твое существование тонет в кошмаре безысходности, сложно волноваться о чем-то конкретном. Конкретные страхи давно потеряли всякий смысл. Мы укрылись от них удушающим одеялом ужаса, превосходящим их все, вместе взятые.

Около часа я брожу вокруг "боинга", не решаясь войти. Наконец тихо открываю дверь. Джули спит в бизнес-классе, скрючившись на сиденье. Укрывается лоскутным джинсовым одеялом, которое я принес несколько недель назад. Утреннее солнце озаряет нимбом ее светлые волосы, причисляя ее к лику святых.

— Джули, — шепчу я.

Она приоткрывает глаза. На этот раз не вздрагивает и не шарахается. Просто смотрит усталыми, опухшими глазами.

— Чего тебе?

— Как... ты...

— А ты как думаешь?

Джули отворачивается и натягивает на себя одеяло.

Некоторое время наблюдаю за ней, но она как стена. Опускаю голову и собираюсь уходить. Однако стоит мне шагнуть на порог, она говорит:

— Подожди.

Оборачиваюсь. Она сидит с одеялом на коленях.

— Я хочу есть.

Смотрю на нее и не понимаю. Есть? Принести ей ногу или руку? Свежую кровь, мясо, жизнь? Живая... она хочет съесть сама себя? Потом вдруг вспоминаю, чем голод был раньше. Бифштексы и блинчики, крупы, фрукты и овощи, нелепая "пищевая пирамида". Теперь, когда я питаюсь чистой энергией, мне часто недостает вкуса, но об этом я стараюсь не думать. Пищей живых не насытить наш новый голод. Даже сочное мясо свежееубитого кролика или оленя не соответствует нашим кулинарным запросам — его энергия нам просто не подходит. Все равно что пытаться запустить компьютер на дизеле. Никаких вариантов, никакой гуманной альтернативы для излишне щепетильных. Новый голод требует жертв. Цена нашим мелким, бессмысленным радостям — человеческие жертвы.

— *Еда*, понимаешь? — подсказывает Джули и демонстративно жует. — Бутерброд? Пицца? Что-нибудь, ради чего *убивать* не надо?

— По... ищу, — киваю я.

Поворачиваюсь, но она снова меня останавливает.

— Отпусти меня. Зачем я тебе? Зачем ты меня тут держишь?

Я думаю. Потом подхожу к окну и показываю на взлетную полосу. Там идет месса. Моления в самом разгаре, все качаются и мычат. Кости — бессловесные, но непонятным образом верховодящие всем процессом — побрякивают и скалят свои потрескавшиеся зубы. Их там целая толпа, не один десяток.

— Тут... безо... пасно.

Не могу расшифровать выражение ее лица. Глаза прищурены, губы поджаты. Но это не ярость. Ярость совсем другая.

— Откуда ты знаешь, как меня зовут?

Ну вот. Рано или поздно это должно было произойти.

— Ты назвал меня по имени. Я помню. Откуда ты его знаешь?

И не пытаюсь ответить. С моим словарным запасом и дефектами речи, достойными умственно отсталого ясельника, невозможно объяснить, что я знаю и откуда. И я отступаю. Выхожу из самолета и тащусь вперед, острее, чем когда-либо, ощущая все свои недостатки.

Стою у выхода номер 12 и думаю, куда двинуться дальше. Но тут кто-то появляется у меня за спиной и трогает за плечо. Это Джули, она неуверенно остановилась, засунув руки в карманы узких черных джинсов.

— Дай мне немножко походить. Я в этом самолете скоро с ума сойду.

Я не отвечаю. Я оглядываюсь вокруг.

— Да ну тебя! Сюда-то я пришла, и никто меня не съел. Давай я схожу с тобой за едой. Ты же не знаешь, что мне нравится.

Это не совсем правда. Ей нравится тайская лапша. Она обожает суши. У нее слабость к жирным чизбургерам, несмотря даже на жестокий спортивный режим Стадиона. Но все это знание не мое. Это краденое знание.

Медленно киваю и показываю на нее пальцем:

— Зомби.

Клацаю зубами и демонстративно волочу ноги.

— Ладно.

Медленно, неуверенными шажками, изредка постанывая, я делаю перед ней круг.

— Поняла.

Беру ее за руку и веду за собой. Показываю пальцем во все стороны, на группы зомби, блуждающие по размытым утренним сумеркам. Смотрю ей в глаза:

— Не бе... ги.

— Не побегу, — отвечает она, положив руку на сердце.

Я стою так близко, что снова чувствую ее запах. Она стерла с себя большую часть мертвой крови, и в прорехи пробивается энергия ее жизни — пузырится и сверкает, как шампанское, искрами бьет в ноздри. Я все еще смотрю ей в глаза. Растираю ладонью свежий порез на руке. Он почти засох, но мне все же удастся выдавить несколько капель. Медленно размазываю эти чернила ей по лицу и шее. Джули вздрагивает, но не отстраняется. Все-таки она очень умная девочка.

— О'кей, — говорю я, приподняв брови.

Она закрывает глаза, делает глубокий вдох и морщится от запаха моей крови. Наконец кивает:

— О'кей.

Иду вперед, а Джули ковыляет за мной — театрально волочит ноги и каждые три-четыре шага постанывает. Она перебарщивает, переигрывает, как в школьной шекспировской постановке, но ничего. Кругом бродят толпы мертвых, и на нас никто не смотрит. Удивительно, но, невзирая на очевидную опасность, ее страх, похоже, испарился. После очередного наигранного стога я замечаю, что она с трудом сдерживает смех. Тоже улыбаюсь, пока она не видит.

Это... это что-то новое.

Приходим в ресторанный дворик. Я сразу направляюсь к тайскому прилавку, и Джули

бросает на меня подозрительный взгляд. Подходим ближе — она морщится и зажимает нос.

— Боже мой, — вырывается у нее.

Лотки для горячей еды полны слизи, гнили идохлых опарышей. Обоняние мне почти совсем отказало, но, судя по лицу Джули, вонь тут стоит нестерпимая. Обыскиваем подсобку, но благодаря непостоянству здешнего электропитания в холодильниках все давно протухло. Я направляюсь к прилавку с гамбургерами. Джули смотрит на меня с удивлением и идет следом. Находим в холодильной камере несколько холодных упаковок с котлетами, но, очевидно, они уже не раз размораживались. Пол камеры усыпан дохлыми мухами.

— Ну что? — вздыхает Джули.

Уставившись в пустоту, я думаю. В аэропорту есть суши-бар... но про суши я кое-что помню. Филе лакедры протухает за несколько часов, и, во что его могут превратить годы, выяснять не хочется.

— Господи... — Пока я обдумываю оставшиеся варианты, Джули открывает пару коробок с заплесневелыми булочками и морщит нос. — Ты никогда раньше этого не делал, да? Не приводил домой человека?

Я сокрушенно качаю головой, хоть меня и коробит слово "человек". Мне не нравится это разделение. Она живая, я мертвый, но хочется верить, что мы оба люди. Можете считать меня идеалистом.

Поднимаю палец, как бы призывая ее помолчать.

— Еще... место.

Миновав несколько дверей, мы добираемся до главного аэропортового склада. Открываю холодильную камеру, и наружу вырывается облако морозного воздуха. Я пытаюсь скрыть облегчение — а то мне уже становилось неловко.

Входим внутрь — стеллажи заставлены лотками с самолетной едой.

— Ну-ка, что у нас тут, — говорит Джули и принимается придирчиво изучать замороженные котлеты и картофельное пюре на нижних полках. Не знаю, что в них за волшебные консерванты, но содержимое лотков выглядит вполне съедобным. Джули рассматривает верхние полки, куда ей не дотянуться, и вдруг ее лицо озаряется белоснежной улыбкой, совершенной с тех самых пор, как в ранней юности она сняла брекеты.

— Смотри, тайская лапша! Обожаю... — Словно внезапно застеснявшись, она замолкает. — Возьму вот это, — поправляется она и указывает на полку.

Хватаю с верхней полки несколько лотков. Не хочу, чтобы мертвые застучали нас с этими отходами, этими пустыми калориями, поэтому веду ее за столик, скрытый за несколькими опрокинутыми стояками с открытками. Я стараюсь держаться подальше от школы, но эхо все равно доносит до нас отчаянные крики. Лицо Джули совершенно спокойно даже во время самых пронзительных воплей. Она чуть ли не насвистывает, лишь бы показать, что ничего не замечает. Интересно, для кого старается — для себя или для меня?

Мы садимся за столик. Ставлю перед ней один из лотков.

— Прият... ного.

Она тычет в замороженную лапшу пластиковой вилкой и поднимает на меня глаза.

— Ты ничего не помнишь, да? Давно ты ел в последний раз по-настоящему?

Пожимаю плечами.

— Давно ты... умер, или как это назвать?

Стучу пальцем по виску и качаю головой. Она внимательно меня разглядывает.

— Не может быть, чтобы давно. Для трупа ты очень неплохо выглядишь.

Меня коробит ее язык, но она не может знать, какой непростой культурный багаж у слова "труп". М его любит — такие у него шуточки, — да и у меня порой в сердцах вырывается. Но стоит услышать его от живой, и во мне поднимается возмущение, которого ей никогда не понять. Делаю глубокий вдох и заставляю себя больше об этом не думать.

— В общем, так я есть не могу, — сообщает Джули, для наглядности тыкая в лоток вилкой, пока у нее не отламывается зубчик. — Пойду поищу микроволновку. Сейчас

вернусь.

Она встает и пружинящей походкой уходит в один из пустых ресторанчиков — забыла, что надо подволакивать ноги. Это рискованно, но мне почему-то наплевать.

— Ну вот, — говорит она, вернувшись, и втягивает носом пряный запах. — М-м, сто лет не ела тайской кухни. У нас в Стадионе вообще никакой настоящей кухни не осталось. Только базовый набор и карбтеин. Карбтеиновые таблетки, карбтеиновый порошок, карбтеиновый *сок*! Гадость! — Она садится и кладет в рот кусочек перемороженного тофу. — Ух ты! Это почти *вкусно*.

Я сижу рядом и смотрю, как она ест — с трудом глотает слипшиеся комки лапши. Встаю и приношу теплую бутылку красного эля из ресторанного холодильника.

Джули смотрит на пиво. Потом на меня — и улыбается.

— Надо же, мистер зомби. Ты прямо читаешь мои мысли. — Отвинчивает крышечку и делает большой глоток. — Пива я тоже сто лет не пила. В Стадионе оно запрещено. Запрещено все, что влияет на психику. И начеку им будь, и бдительность сохраняй, и вообще... — Делает еще один глоток и изучает меня насмешливым взглядом. — Может, не такое ты и чудовище, мистер зомби. Раз любишь хорошее пиво, ты как минимум ничего — так я считаю.

Поднимаю на нее глаза и прижимаю руку к груди.

— Меня... зовут... — начинаю я, но не знаю, как продолжить.

Она отставляет пиво в сторону и наклоняется ко мне:

— У тебя есть имя?

Я киваю.

Ее губы складываются в изумленную полуулыбку.

— И как же тебя зовут?

Я зажмуриваюсь и напрягаюсь, пытаюсь вытащить его из небытия, как делал уже не одну сотню раз.

— Р-р-р, — рычу я, силясь его произнести.

— Рур? Тебя зовут Рур?

Я трясую головой:

— Р-р-р-р...

— Р-р-р? Начинается с "Р"?

Киваю.

— Роберт?

Качаю головой.

— Рик? Родни?

Качаю головой.

— Э-э... Рэмбо?

Вздыхаю и опускаю глаза.

— Давай я буду звать тебя Р. Неплохо для начала, а?

Бросаю на нее быстрый взгляд. Р. Мое лицо медленно расплывается в улыбке.

— Привет, Р, — говорит она. — А я Джули. Правда, ты и так уже знаешь. Видимо, я тут знаменитость. — Она толкает пиво в мою сторону. — На, выпей.

Смотрю на бутылку, и от одной мысли о том, что внутри, меня охватывает странная тошнота. Темная янтарная пустота. Безжизненная моча. Но я не хочу портить неожиданно теплый момент своими зомби-комплексами. Беру пиво и делаю большой глоток. Через мелкие проколы в животе оно выливается на рубашку. И, к моему огромному удивлению, мозг слегка затуманивается. Конечно, этого не может быть — ведь у меня нет кровообращения, и алкоголя не с чем смешиваться, — но факт остается фактом. Может, психосоматика? Отзвук прежней жизни? Если так, то, видимо, пить я не умел.

Джули смотрит на мое ошарашенное лицо и ухмыляется:

— Допивай. Все равно я больше люблю вино.

Делаю еще один глоток. На горлышке следы ее малинового блеска для губ — и я

чувствую его вкус. Вдруг она представляется мне наряженной перед походом на концерт, с аккуратно уложенными волосами до плеч, худенькая, в красном вечернем платье, и я целую ее, и ее помада размазывается по моему рту и окрашивает ярко-красным мои серые губы...

Отталкиваю бутылку на безопасное расстояние. Джули хихикает и возвращается к еде. Несколько минут она ковыряется в своей лапше, как будто меня и нет рядом. Я почти уже решаюсь на безрассудную попытку заговорить о погоде, когда она поднимает на меня серьезные глаза и спрашивает:

— Ну так что, Р? Почему ты меня здесь держишь?

Ее вопрос звучит как пощечина. Смотрю в потолок. Обвожу рукой вокруг, имея в виду доносящиеся издалека стоны мертвых.

— Защи... щаю.

— Гонишь.

Наступает тишина. Она сверлит меня взглядом. Я опускаю глаза.

— Слушай, — продолжает она. — Ну да, ты спас мне жизнь. И я, наверное, даже благодарна. Вот так. Спасибо, что спас мою жизнь. Или пощадил. Не важно. Но раз ты смог привести меня *сюда*, то можешь и обратно вывести. Спрашиваю еще раз: зачем ты меня здесь держишь?

Ее взгляд жжет меня как клеймо. Понимаю, что на этот раз не выкрутиться. Кладу руку на грудь, на сердце. На "сердце". Как будто этот жалкий орган все еще что-то значит. Оно давно замерло в груди, но кажется, чувства у меня рождаются где-то там же, где и прежде. Приглушенная печаль, туманная тоска, редкие угольки радости. Все они сочатся из моей груди, слабые, разбавленные, но все-таки настоящие.

Я кладу руку на сердце. Потом медленно тянусь к Джули и кладу другую руку на ее. Как-то умудряюсь встретиться с ней глазами.

Она строго смотрит на мою руку, потом опять на меня.

— Ты охренел.

Понурившись, убираю руку. К счастью, покраснеть мне нечем.

— Надо... ждать. Ду... мают... ты... новый... зомби. Заметят.

— Сколько ждать?

— Не... сколько... дней. Они... забудут.

— Господи, — вздыхает она и качает головой, закрыв лицо руками.

— Все... будет... хорошо, — говорю я. — Правда.

Джули не отвечает. Достает из кармана айпод и затыкает уши наушниками. Возвращается к еде под музыку, от которой до меня доносится лишь отдаленное шипение. Неудачное получилось свидание. И снова я поражаюсь нелепости всего происходящего, и мне хочется выползти из кожи, избавиться от этой уродливой, неловкой плоти и стать голым, безмянным скелетом. Я собираюсь встать и уйти, но тут Джули выдергивает один наушник и, прищурившись, внимательно меня изучает.

— Ты... не такой, как все, да?

Не отвечаю.

— Я никогда не слышала, чтобы зомби разговаривали. Если не считать это ваше идиотское мычание, ну и "М-м-о-озг!", конечно. Или чтобы кто-то из них интересовался людьми не в гастрономическом смысле. И тем более ни один зомби еще не угощал меня пивом. Скажи... а есть еще такие, как ты?

Снова чувствую, что покраснел бы, если бы мог.

— Не... знаю.

Джули перебрасывает вилок комок лапши от одного края лотка к другому.

— Несколько дней, — повторяет она.

Киваю.

— И чем мне прикажешь заниматься? Надеюсь, ты не думаешь, что все это время я буду сидеть у тебя в самолете и принимать кровавые ванны?

Я задумываюсь. Передо мной мелькает вереница образов, скорее всего из фильмов,

которые я когда-то видел, все как один глупые, романтические и совершенно невыносимые. Надо держать себя в руках.

— Я... развлеку, — выдаю наконец с неубедительной улыбкой. — Ты гость.

Она закатывает глаза и снова утыкается в лоток. Не глядя берет со стола второй наушник и протягивает мне. Я вставляю его в ухо, и голова наполняется голосом Пола Маккартни, повторяющим печальные антонимы — да-нет, вверх-вниз, привет-прощай-привет.

— Знаешь, что Леннон эту песню терпеть не мог? — говорит тем временем Джули в мою сторону, но на самом деле обращаясь не ко мне. — Считал, что она полный бред. И это человек, который сочинил "Я — морж".

— "Гу гу... гаджуб".

Она с удивлением вздергивает голову:

— Да-да, вот именно!

Джули рассеянно отхлебывает пива из бутылки, забыв, что из нее пил зомби, и я в панике замираю. Но ничего не происходит. Видимо, для заражения необходима агрессия. Укус.

— Ну ладно, — говорит она, — все равно эта песня для меня сейчас слишком веселая. — И переключает на следующую.

Ава Гарднер затягивает что-то из кино, но Джули переключает еще несколько раз, пока не начинается незнакомая мне тяжелая мелодия. Она делает погромче. Я слышу музыку, но не слушаю. Я смотрю на Джули, которая закрыла глаза и качает головой. Даже здесь, даже сейчас, в самом мрачном месте и самой чудовищной компании, какие только можно вообразить, она целиком отдается музыке — и жизнь пульсирует в ней все сильнее. Я снова ее чувствую — белый сияющий пар, пробивающийся из-под моей засохшей крови. И даже ради ее безопасности у меня не поднимается рука снова его замазать.

Что со мной? Смотрю на свою ладонь, на бледную, серую плоть, прохладную, застывшую — и она представляется мне теплой, розовой, ловкой, способной на созидание, силу и нежность. Мои омертвевшие клетки словно просыпаются от летаргического сна, наполняются, загораются, как рождественские огни. Неужели все это — опьянение? Эффект плацебо? Оптимистический мираж? Так или иначе, больничный монитор моего существования, давно работавший вхолостую, внезапно рисует холмы и долины.

— Ты резче поворачивай. А то когда надо направо, ты чуть с дороги не съезжаешь. Сжимаю тонкий, обтянутый кожей руль и роняю ногу на педаль газа. "Мерседес" дергается вперед, мы бьемся затылками о подголовники.

— Господи, ну ты даешь! Полегче нельзя?

Резко торможу, забыв про сцепление, и мотор глохнет. Джули закатывает глаза, но изо всех сил старается быть терпеливой:

— Давай еще раз.

Она снова заводит мотор, придвигается ко мне поближе и ставит свои ноги на мои. С ее помощью я мягко жму на педали, и машина скользит вперед.

— Вот так, — говорит она и возвращается на сиденье. Я довольно хмыкаю.

Под ласковым вечерним солнцем мы рулим туда-сюда, кружим по аэродрому. Наши волосы развеваются на ветру. Сидя рядом с красивой девушкой за рулем леденцово-красного родстера шестьдесят четвертого года, я не могу удержаться и не представить себя в другой, чужой жизни, подсмотренной где-то в старых фильмах. Мысли уносятся так далеко, что я окончательно перестаю смотреть, куда еду. Меня сносит со взлетно-посадочной полосы в передний бампер одного из автотрапов — и церковь Костей лишается былой симметрии. От удара нас отбрасывает на спинки кресел, и у моих детей на заднем сиденье щелкают шеи. Они протестующе мычат, я на них шикаю. Мне и так уже стыдно, нечего теперь меня еще и пилить. Источник: <http://darkromance.ucoz.ru/>

Джули осматривает вмятину на капоте и качает головой:

— Черт, Р. Какая была машина!

Сын неуклюже бросается вперед и пытается укунить Джули за плечо. Даю ему подзатыльник. Он падает на сиденье с надутым видом.

— Не кусаться! — командует Джули, все еще оценивая причиненный мной ущерб.

Джули учит меня водить уже несколько дней. Не знаю, зачем я сегодня взял с собой детей, — вдруг охватила смутная потребность *побыть отцом*. Передать знание. Да-да, не очень-то это безопасно. Но дети слишком малы, чтобы опознать живую речь на слух, а тем более чтобы наслаждаться ею, как я. Мне уже несколько раз приходилось подновлять кровавый камуфляж, но истинная природа Джули все равно прорывается наружу. Дети ее чувствуют, и пока еще слабый охотничий инстинкт то и дело берет над ними верх. Пытаюсь одергивать их как можно мягче.

Возвращаемся к нашему терминалу, но тут из погрузочного отсека выходят мертвые. Похоронная процессия наоборот. Медленно, тяжелыми шагами, мертвецы маршируют к церкви. Возглавляет богомольцев группа Костей. Они двигаются с куда большей целеустремленностью, чем любой из нас. Очень немногие зомби всегда выглядят так, будто соображают, что делают и почему. Кости не спотыкаются, не останавливаются и не меняют маршрут, их тела больше не растут и не разлагаются. Они остановились во времени. Один скелет смотрит прямо мне в глаза, и я вспоминаю средневековую гравюру — гниющий труп, ухмыляющийся пухлой юной деве.

Quod tu es, ego fui, quod ego sum, tu eris.

Я был как ты. Ты станешь как я.

Отрываю взгляд от пустых глазниц. Мы едем вдоль процессии, и некоторые зомби без особого интереса бросают на нас скучающие взгляды. В том числе и моя жена. Жена идет рядом с другим зомби, они держатся за руки. Дети замечают ее, встают на сиденье и с громким мычанием машут руками. Она машет им в ответ. Джули поворачивается ко мне:

— Это что... твоя жена?

Я молчу. Смотрю на жену и жду какого-нибудь упрека. Но в ее глазах почти нет узнавания. Она смотрит на машину. Смотрит на меня. Смотрит вперед и идет дальше под руку с другим мужчиной.

— Это твоя жена? — насаждает Джули. Киваю. — И что это с ней за тип? — Пожимаю плечами. — Она тебе что, изменяет? — Пожимаю плечами. — И тебе *все равно*?

Пожимаю плечами.

— Хватит плечами пожимать, дубина! Скажи что-нибудь и не прикидывайся, будто не умеешь!

Я думаю. Провожая взглядом жену, уходящую вдаль, и прижимаю руку к груди.

— Мертво... — Машу рукой в сторону жены. — Мертвое. Хочу... чтобы... больно. Но... ничего.

Джули как будто ждет продолжения. Я начинаю сомневаться, что мне со всеми моими запинками удалось произнести хоть что-то осмысленное. Слышно ли хоть что-нибудь, когда я говорю? Или слова раздаются только у меня в голове, а те, к кому я обращаюсь, так и остаются без ответа? Я так хочу изменить свою пунктуацию. Мне так нужны восклицательные знаки — но я тону в многоточиях.

Джули смотрит на меня еще с минуту, потом отворачивается к окну, к проплывающему мимо пейзажу. Справа — разинутые пасти выходов, когда-то живые и полные счастливых путешественников, торопящихся повидать мир, расширить горизонты, обрести любовь, славу и богатство. Слева — почерневший остов "дримлайнера".

— Мой парень однажды мне изменил, — говорит Джули в окно. — Еще когда приюты только строились. У них жила одна девчонка. Однажды они напились до беспамятства, и все вышло само собой. Случайно, в общем. Он прощения просил, Богом клялся, что на все готов, лишь бы я его простила... и так далее, очень искренне, даже трогательно. Но я как будто заикнулась. Не могла выкинуть из головы. Все внутри просто горело. Плакала каждую ночь. Все самые слезливые диски чуть не до дыр заиграла. — Она качает головой, ее взор

устремлен вдаль. — Знаешь... иногда я так остро все чувствую. Когда Перри... когда с ним это случилось... я бы многое отдала, чтобы быть как ты.

Я смотрю на нее. Она накручивает прядь волос на палец. На руках и запястьях у нее тонкие, чуть заметные шрамы — слишком симметричные, чтобы быть случайными. Вдруг Джули трясет головой и бросает на меня быстрый взгляд, как будто я ее только что разбудил.

— Не знаю, зачем я тебе это рассказываю, — говорит она раздраженно. — Короче, урок окончен. Я устала.

Без лишних слов везу нас домой. На стоянке забываю вовремя затормозить и лихо въезжаю в радиатор "миаты". Джули вздыхает.

Вечером мы сидим, поджав ноги, в проходе самолета. На полу перед Джули стынёт лоток тайской лапши только что из микроволновки. Она тычет в нее пилкой, я на это смотрю. На Джули интересно смотреть, даже когда она молчит и ничего не делает. Она вертит головой, ее взгляд исследует все вокруг, она улыбается, ерзает. Мысли мелькают на ее лице, как пейзаж в зеркале заднего вида.

— Что-то тут слишком тихо. — Она встает и начинает копаться в моих пластинках. — Зачем тебе столько пластинок? Не разобрался с айподом?

— Звук... лучше.

Она смеется:

— Так ты пурист, значит!

Я кручу пальцем в воздухе.

— Насто... ящий. Живой.

— Да, правда, — кивает она. — Но и возни с ними гораздо больше. — Просматривает пластинки и вдруг хмурится. — Тут нет ничего новее девяносто девятого. Ты что, умер тогда?

Думаю, потом пожимаю плечами. Возможно. Понятия не имею, когда я умер. Можно было бы предположить, исходя из стадии моего разложения, но мы все гнием с разной скоростью. Некоторые годами остаются свеженькими, как в день похорон, а другие высыхают до костей за несколько месяцев. Плоть облезает с них, как засохшая пена морская. Не знаю, почему так. Наверное, тела подчиняются разуму. Кто-то быстро сдается, кто-то держит оборону.

Еще одно препятствие: понятия не имею, какой сейчас год. 1999-й мог закончиться десять лет назад, а мог и вчера. Можно попытаться определить время по состоянию улиц, обвалившихся домов и их фундаментов, но города тоже разрушаются каждый по-своему. Одни напоминают ацтекские руины, а другие словно опустели не больше недели назад — по ночам в окнах все еще гудят телевизоры, а омлеты на лотках в кафе едва подернулись плесенью.

То, что случилось, случилось не сразу. Не помню, что это было, у меня есть лишь слабые, остаточные воспоминания. Тлеющий ужас все никак не разгорался — а потом вдруг и гореть стало нечему. Каждый раз мы лишь удивлялись. Потом однажды проснулись — а ничего уже нет.

— Ну вот, опять ты отключаешься, — говорит Джули. — Мне так интересно, о чем ты думаешь, когда на тебя находит. — Пожимаю плечами, и она раздраженно фыркает. — Опять ты пожимаешь плечами! Хватит уже! Отвечай на вопрос! Почему у тебя нет новой музыки?

Я чуть снова не пожимаю плечами, с трудом себя останавливаю. Как ей объяснить словами? Долгая смерть Дон Кихота. Забытые походы, преданные мечты, домоседство и вечный покой — неизбежная судьба мертвых.

— Мы не... думаем... новое, — начинаю я, продираясь через ошметки своей дикции. — Иногда... я... нахожу. Но... мы... не ищем.

— Да ну, — говорит Джули. — Надо же, какая трагедия.

Она продолжает копаться в пластинках, и ее голос звенит все громче:

— Не думаете о новом? "Не ищите"? Что это вообще значит? Чего ты не ищешь? Музыку? Музыка — это *жизнь*! Это материальное воплощение эмоции — ее потрогать можно! Это неоновая метаэнергия, сцеженная из человеческих душ и превращенная в звуковые волны, специально чтобы твои уши могли ее воспринимать! И ты хочешь мне сказать, это скучно? У тебя нет на это времени?

Мне нечего ей ответить. Я молюсь разверстой пасти небес, чтобы Джули никогда не изменилась. Чтобы никогда не обнаружила, что вдруг стала старше и мудрее.

— Хотя у тебя тут неплохие вещи попадают, — смягчается она. — Даже отличные. Давай опять эту. С Фрэнком не прогадаешь.

Она ставит пластинку и возвращается к своей лапше. Салон наполняется первыми нотами песни "Она ветреница", Джули ухмыляется.

— Мой лейтмотив, — сообщает она и набивает рот лапшой.

Меня вдруг охватывает нездоровое любопытство — я беру с лотка макаронину и кладу в рот. У нее нет никакого вкуса. Это как будто воображаемая еда — с тем же успехом я мог бы жевать воздух. Отворачиваюсь и сплевываю в руку. Джули ничего не заметила. Она погрузилась в свои мысли, на ее лице опять мелькают кадры немого кино. Несколько минут спустя Джули проглатывает свою лапшу и поднимает на меня глаза.

— Р, слушай, — начинает она тоном праздного любопытства, — а кого *ты* убил?

Я застываю. Музыка куда-то исчезает.

— Там, в небоскребе. Перед тем, как меня спас. У тебя лицо было в крови. В чьей?

Молча смотрю на нее. Зачем ей это? Почему ее память не стирается так же быстро, как моя? Что ей стоит жить вместе со мной в чернильной бездне вычеркнутой истории?

— Мне просто нужно знать.

Ее лицо не выражает ничего. Она смотрит мне в глаза не моргая.

— Никого, — бубню я. — Какого... то... парня.

— Говорят, вы едите мозги, чтобы пережить чужую жизнь. Это правда?

Пожимаю плечами, стараясь не скорчиться под ее взглядом. Я чувствую себя как ребенок, которого застали рисующим на стене. Или убивающим десятки людей.

— Кто это был? — не унимается она. — Ты помнишь?

Я хочу соврать. Я помню несколько лиц — можно выбрать любое наугад. Наверняка она окажется с ним даже не знакома и никогда больше не поднимет эту тему. Но я не могу. Соврать ей так же немыслимо, как сказать чудовищную правду. Я попался в ловушку, из которой нет выхода.

Джули долго буравит меня взглядом, но наконец сдается и опускает глаза на грязную ковровую дорожку

— Может, Берг? — говорит она тихо, почти про себя. — Прыщавый такой. Наверняка Берг. Он был полный козел. Обзывал Нору мулаткой и всю дорогу пялился на мою задницу. А Перри, конечно, и не замечал. Если Берг, то его почти и не жалко.

Пытаюсь поймать ее взгляд, чтобы понять хоть что-то, но теперь она не хочет на меня смотреть.

— Просто... я хочу, чтобы ты знал... кто бы ни убил Перри, я его не виню.

Я снова напрягаюсь.

— Не... винишь?

— Нет. Я, кажется, понимаю. У вас ведь нет выбора, да? Если честно... я не думала, что когда-нибудь такое скажу... — она старательно мешает лапшу, — но то, что это наконец случилось, — почти облегчение.

Я хмурю брови.

— Что?

— Наконец-то я могу не бояться.

— Смерти... Перри?

Я тут же жалею, что произнес это имя. Каждый звук отдает у меня на языке вкусом крови.

Джули молча кивает, все еще не поднимая глаз. Когда она снова подает голос, он тих и едва слышен — это голос воспоминаний, жаждущих быть забытыми.

— С ним... что-то случилось. Даже много чего. Наверное, однажды он просто не выдержал. И сделался совсем другим. Он был такой сумасшедший, огненный, смешной мечтатель и вдруг... все бросил, вступил в Оборону... так быстро изменился, что страшно. Говорил, что все это для меня, что настала пора вырасти и научиться брать на себя ответственность и так далее. А все, что я в нем любила — все, чем он был, — постепенно начало отмирать. Он сдался. Плюнул на свою жизнь. И смерть была этому естественным финалом. — Она отодвигает тарелку. — Перри все время говорил о смерти. Постоянно. Представляешь, мы целуемся, мне уже крышу сносит, а он вдруг такой: "Джули, как ты думаешь, какая теперь средняя продолжительность жизни?" Или: "Джули, когда я умру, отрежь мне, пожалуйста, голову сама". С ума сойти, как романтично!

Она смотрит в окно на горы на горизонте.

— Я пыталась с ним поговорить. Я так *старалась* удержать его, но за каких-то пару лет это стало ясно всем. Он просто... исчез. Не знаю, что могло бы его вернуть, разве что второе пришествие и возвращение короля Артура, вместе взятые. Меня одной было мало. — Она смотрит на меня. — Скажи, он вернется? Станет зомби?

Я опускаю глаза и вспоминаю вкус его сочного розового мозга. Качаю головой.

Некоторое время Джули молчит.

— Нет, мне жаль, что он погиб, правда, просто... — Ее голос дрожит. Она замолкает и откашливается. — Мне очень жаль. Но он сам этого хотел. Я знаю.

По ее щеке ползет слезинка. Джули вдруг пугается и стряхивает ее, как паука.

Встаю и иду выбрасывать лоток. Когда я возвращаюсь, ее глаза еще красные, но сухие. Джули шмыгает носом и вяло мне улыбается.

— Я, наверное, много гадостей про Перри говорю, но и сама ведь я не воплощение счастья, понимаешь? Я тоже чокнутая, просто... еще живая. В процессе. — Она издает резкий, нервный смешок. — Странно. Никогда ни с кем об этом не говорила. Но ты... Ты такой *тихий*, просто сидишь и слушаешь. С тобой все равно что с... — Тут улыбка исчезает с ее лица, и на мгновение Джули уносится далеко-далеко. Придя в себя, она продолжает ровным, осторожным голосом, ее глаза блуждают по салону, изучая оконные клепки и предупреждающие наклейки. — Я когда-то баловалась наркотиками. С двенадцати лет. Почти все успела перепробовать. До сих пор пью и травку курю, только дай. Как-то, когда мне было тринадцать, переспала с одним мужиком за деньги. Даже не ради денег — они и тогда уже ничего не стоили. А просто потому, что это было ужасно. И наверное, я думала, так мне и надо. — Она смотрит на свое запястье, испещренное шрамами, как концертными печатями. — Чего только люди с собой не делают... когда все равно, понимаешь? Что угодно, лишь бы заглушить свой внутренний голос. Лишь бы убить воспоминания и желательно не сдохнуть в процессе.

Джули молчит, изучая пятна на полу, а я терпеливо жду, когда она вернется в реальность. Наконец она делает глубокий вдох и пожимает плечами. — Вот ты меня и заразил, — бормочет она и натянуто улыбается.

Медленно встаю и направляюсь к проигрывателю. Достаю одну из моих любимых пластинок — ничем не примечательную подборку Синатры с разных альбомов. Не знаю, чем она мне так нравится. Однажды я проторчал над ней целый день — стоял и смотрел, как она крутится. Я знаю ее дорожки лучше, чем линии на собственной руке. Когда-то считалось, что музыка — прекрасное средство общения. Может, это правда и сейчас, в посмертном мире. Ставлю пластинку и переставляю иголку, перескакивая через куплеты, меняя песни, прыгая между бороздками в поисках тех слов, которые мне нужны. Все выходит не в такт, перебивается скрежетом, как если бы я пытался разорвать человеческое тело на части... но голос всегда безупречен. Бархатный баритон Фрэнка передает все, с чем никогда не справились бы мои усохшие связки, будь у меня даже дикция Кеннеди. Стою над проигрывателем и нарезаю свое сердце в акустический коллаж.

Мне плевать, если ты... вжик... если про тебя говорят... вжик... злая ведьма... вжик... не меняйся для меня, если только ты... вжик... потому что ты удивительна... вжик... такая, как есть... вжик... ты удивительна... удивительна... И все...

Пластинка играет дальше, а я сажусь напротив Джули. Она смотрит на меня влажными, красными газами. Кладу руку ей на грудь и чувствую мягкий удар ее сердца. Тихий голос, говорящий на своем языке.

Джули шмыгает носом и вытирает его рукой.

— Кто ты? — спрашивает она уже во второй раз.

Я улыбаюсь. Потом встаю и ухожу прочь, оставив ее наедине с вопросом, на который нет ответа. Эхо ее пульса в ладони заменяет мне собственный.

Ночью я засыпаю на полу выхода номер 12. Наш новый сон, конечно, совсем другой. Наши тела не "устают", и мы не "отдыхаем". Но иногда дни или даже недели неумолимого бодрствования прерываются — разум не выдерживает, — и мы падаем в изнеможении. Позволяем себе умереть, отключиться, и часами, днями, неделями ни о чем не думать. Столько, сколько нужно, чтобы восстановить электроны, составляющие ид, чтобы побыть собой еще немножко. В нашем новом сне нет ни капли мира и покоя, он лишний, страшный — искусственное, железное легкое для задыхающихся скорлупок наших душ. Но сегодня все иначе. Мне снится сон.

Смутные, недопроявленные, выцветшие, как столетние киноплёнки, в глубине сна мелькают кадры из моей прошлой жизни. Призрачные фигуры входят через оплывающие двери в темные комнаты. В голове, как пьяные великаны, столпились голоса — гулкие и невнятные. Я занимаюсь непонятно каким спортом, я смотрю бессвязные фильмы, я что-то говорю и над чем-то смеюсь. Среди туманных картинок моей незнакомой жизни мелькают проблески какого-то хобби, какой-то страсти, давно принесенной в жертву на непросыхающий от крови алтарь прагматизма. Гитара? Танцы? Горный велосипед? Что бы это ни было, память задыхается в густом тумане, я не могу разобрать. Все остается во тьме. Пустое. Безымянное.

Мне вдруг хочется знать, как я стал таким, какой есть. Эта спотыкающаяся неловкая развалина... осталось ли во мне хоть что-то из прошлой жизни, или я восстал из могилы чистым листом? Что я унаследовал, а что — мое, личное? Вопросы, когда-то праздные, внезапно заслонили собой все. Неужели я навсегда прикован к тому, чего никогда не вернуть? Или я свободен выбирать?

Просыпаюсь и смотрю в потолок высоко наверху. И без того выхолощенные воспоминания испаряются окончательно. Все еще ночь. Совсем рядом, за дверью ближайшего служебного помещения, моя жена занимается сексом со своим любовником. Я стараюсь не обращать на них внимания. Сегодня я уже однажды их застал. Случайно. Дверь была открыта, и я вошел. Голые, они неловко хлопали друг о друга телами, стонали и трогали себя за серую кожу. Он был обмякший, она — сухая. Они озадаченно пялились друг на друга, как будто не собственная воля, а какая-то неведомая сила превратила их в это сплетение рук и ног. Они дергались, как марионетки из мяса, а глаза их как будто говорили: "Кто ты и какого черта тут делаешь?"

Когда они заметили меня на пороге, то не остановились и даже не среагировали. Просто посмотрели и продолжали трудиться. Я кивнул, вернулся к выходу номер 12, и это была последняя капля, подкосившая мои колени. Я упал на пол и уснул.

Не знаю, почему я уже проснулся, когда прошло всего несколько часов. Мысли все еще давят, но вряд ли я теперь смогу уснуть. Мой разум не спит, терзается от странного гула и звона в ушах. Хватаюсь в за единственное, что может мне помочь, — достаю из кармана последний кусочек мозга.

Когда жизненная энергия мозга угасает, первым исчезает ненужный сор. Цитаты из фильмов, заставки радиопередач, газетные сплетни и политические слоганы — все они тают, и остается лишь самое важное, самое яркое. Когда мозг умирает, заключенная в нем жизнь

очищается. Старее, как хорошее вино.

Комок в моей руке уже чуть-чуть съезжился и посерел. Почти испортился. Если повезет, то я смогу выжать из него еще несколько незабываемых минут жизни. Закрываю глаза, кладу комочек в рот и думаю: *не бросай меня, Перри. Еще чуть-чуть. Еще немножко. Прошу тебя.*

Я вырываюсь из темного, тесного туннеля во вспышку света и шума. Меня окружает воздух — сухой и холодный. С моей кожи вытирают последние воспоминания о доме. Острая боль — что-то отрезали — меня вдруг стало меньше. Я — это всего лишь я, крошечный, жалкий и чудовищно одинокий. Наконец меня поднимают на головокружительную высоту, переносят через бескрайние пространства и отдают Ей. Она, такая огромная и мягкая, что изнутри я не мог и вообразить, окружает меня собой, и я заставляю себя открыть глаза. Я вижу Ее. Она необъятна, Она — космос. Она — это весь мир. Мир улыбается мне и говорит голосом Бога — безбрежным, исполненным смысла, звучащим в моем белоснежно чистом мозгу как полная белиберда.

Она говорит...

Я в темной, тесной комнате, собираю медикаменты в коробки. Со мной небольшая команда гражданских, каждого из которых лично выбрал полковник Росс. Каждого, кроме одной, которая выбрала сама себя. Которая посмотрела мне в глаза и испугалась. Которая хочет меня спасти.

— Ты слышал? — спрашивает Джули, нервно озираясь.

— Нет, — резко отвечаю я и продолжаю работу.

— А я слышала, — говорит Нора, отбрасывая кудри со лба. — Перри, может, нам...

— Все в порядке. Мы все разведали, тут чисто. Пошевеливайтесь.

Они непрестанно следят за мной, как больничные ординаторы, чуть что готовые вмешаться. Я не стану подвергать их опасности, но это ничего не меняет. Со мной все решено. Когда-нибудь, когда я останусь один — тогда. Я найду способ. Они не сдаются, но красота их любви только загоняет меня еще глубже на дно. Почему они не понимают, что уже поздно?

Шум. Теперь и я слышу. Шарканье ног по лестнице, хор стонов. Неужели у Джули настолько острее слух? Или я просто перестал слушать? Хватаюсь за дробовик, оборачиваюсь...

Нет! — кричу вдруг я. — *Только не это. Я не хочу на это смотреть.*

Неожиданно все замирает. Перри смотрит на меня — на голос с небес.

— Ничего, что это *мои* воспоминания? Ты тут Гость. Не хочешь смотреть — сплунь.

Вот что такое шок. Воспоминание не по сценарию. Как можно разговаривать с разумом, который переваривается в моем желудке? Не знаю, что здесь принадлежит Перри, а что мне, но меня уже понесло.

Мы должны смотреть на твою жизнь! — кричу я. — *А не на это! Зачем напоследок обязательно повторять свою грязную, бессмысленную смерть?*

— Считаешь, смерть бывает бессмысленной? — возражает он, закладывая патрон в дробовик. Джули и остальные собрались у него за спиной, как статисты. Они нетерпеливо ерзают, дожидаясь окончания внепланового перекура. — Разве ты отказался бы узнать, как умер сам, если бы получил такую возможность? Как иначе ты превратишься во что-то новое?

Новое?

— Конечно, дубина ты мертвая. — Он поднимает дробовик и осматривает комнату через прицел, на секунду задержавшись на Берге. — Во вселенной тысячи разновидностей жизни и смерти, и я сейчас говорю только о физических разновидностях. Или ты хочешь на всю жизнь так и остаться мертвым?

Нет, но...

— Тогда расслабься и дай мне сделать то, что надо.

Сглатываю комок в горле.

Хорошо.

...хватаюсь за дробовик, оборачиваюсь. Тяжелые шаги уже поднялись на наш этаж. Дверь распахивается, и они вваливаются с ревом. Стреляем, стреляем, стреляем, но их слишком много, и они *быстрые*. Как могу, закрываю собой Джули.

Нет. Господи. Я хотел совсем не этого.

Высокий, тощий зомби вдруг возникает у меня за спиной и хватается за ноги. Я падаю и ударяюсь о стол. Все заплывает красным. Все не так, но когда красное сменяется черным, у меня вырывается ликующий возглас, последний всплеск эгоизма, прежде чем я усну навсегда; *наконец-то!*

И вдруг...

— Перри. — Тычок в бок. — Перри!

— Чего?

— Не вздумай мне тут заснуть!

Я открываю глаза. Солнце битый час заливало мои сомкнутые веки, и теперь все вокруг окрашено сине-серым, как старая киноафиша в заброшенном видеопрокате. Поворачиваюсь и вижу Джули. Она лукаво улыбается и снова тычет меня в бок.

— Не обращай на меня внимания. Спи дальше.

За ее головой нависают белые балки стадионной крыши, а за ними — бесконечное лазурное небо. Я медленно перевожу взгляд с нее на небо, позволяю ее лицу расплыться в персиково-золотистое облако и снова обрести прежнюю четкость.

— Чего ты? — спрашивает она.

— Скажи что-нибудь обнадеживающее.

— В каком смысле?

Сажусь, обняв колени. Смотрю на город внизу, на рассыпающиеся дома, пустые улицы и одинокое небо, чистое, пустое и мертвенно-тихое без самолетов.

— Скажи, что это не конец света.

Минуту она лежит неподвижно, созерцает небо. Потом приподнимается, выдергивает из путаницы светлых кудрей наушник и осторожно вставляет мне в ухо. Бряцание сломанной гитары перерастает в оркестр и подвывания студийного хора и усталый, обдолбанный голос Джона Леннона, поющего про безграничную, бессмертную любовь. Все, кто делал эту запись, давно лежат в могилах, и все же они здесь, требуют внимания, настойчиво зовут за собой. С последним аккордом у меня внутри что-то рвется, и на глазах выступают слезы. Нестерпимая правда и неизбежная ложь сидят рука об руку, как мы с Джули. Могу ли я получить все? Выжить в этом обреченном мире и не потерять Джули, которая мечтает о чем-то большем?

Сейчас, привязанный к ней тонким белым проводком, я чувствую, что могу.

Ничто не изменит мой мир, — повторяет Леннон. — *Ничто не изменит мой мир.* — Джули подпевает чуть выше, я — ниже. Мы смотрим вниз с раскаленной крыши последнего оплота человечества на наш безумно, безнадежно, безвозвратно меняющийся мир и поем:

Ничто не изменит мой мир. Ничто не изменит мой мир.

Я снова пялюсь в потолок. Бросаю в рот самый последний кусочек, жую, но ничего не происходит. Выплываю его, как хрящ. Фильм окончен. Жизни больше нет. У меня снова горят глаза — требуют слез, на которые мои железы уже не способны. Я как будто потерял кого-то очень дорогого. Брата. Близнеца. Интересно, где теперь его душа? Или я и есть его захороненная жизнь?

Наконец я снова засыпаю. Погружаюсь во тьму. Атомы моего мозга разлетелись повсюду, и я плыву сквозь маслянистую черноту и ловлю их, как светлячков. Каждый раз, засыпая, я знаю, что могу больше не проснуться. И разве можно ожидать чего-то иного? Роняешь свой крошечный, беспомощный разум в бездонный колодец, скрещиваешь пальцы

на удачу и надеешься, что, пока ты тянешь его обратно на тоненькой жалкой ниточке, которая вас соединяет, его не сожрут затаившиеся внизу безымянные чудовища. Надеешься вытащить хоть что-то. Наверное, поэтому я сплю не чаще нескольких часов в неделю. Не хочу снова умереть. В последнее время я сознаю это все острее и острее, даже не верится, что такая мысль может быть моей. Я не хочу умереть. Я не хочу исчезнуть. Я хочу быть.

Меня будят крики. Распахиваю глаза, сплевываю несколько жучков, заползших в рот. Резко поднимаюсь. Кричат издали, но не из школы. Голосу недостает заунывного отчаяния, характерного для еще дышащих школьных экспонатов. Я узнаю дерзкие интонации, неотступную надежду перед лицом безнадежности. Вскрываю и бегу так быстро, как никогда не бегал ни один зомби.

Я нахожу Джули в зале вылета. Ее зажали в угол шестеро голодных мертвецов. Она взмахивает раскаленным, исторгающим дым электротриммером для живой изгороди, и они делают шаг назад, и все же медленно, но верно их кольцо сжимается. Бросаюсь на них сзади и разбрасываю их, как кегли. Того, что подошел ближе всех, бью так сильно, что у меня дробятся костяшки, а его лицо проминается внутрь. Он падает. Следующего швыряю о стену и бью головой о бетон, пока череп не трескается и мозг не вываливается наружу. Еще один заходит сзади и кусает меня за бок. Рывком разворачиваюсь, отрываю нападающему давно усохшую руку и ею же наношу удар, достойный Бейба Рута. Его голова делает полный разворот на своей оси, кренится набок и отваливается. Сжимаю оторванную руку и заслоняю Джули собой. Мертвые замирают.

— Джули! — рычу я и показываю на нее. — Джули!

Они смотрят на меня и покачиваются.

— Джули! — снова говорю я, не зная, как объяснить иначе. Подхожу к ней и кладу руку ей на сердце. Бросаю руку-дубинку, кладу другую руку на сердце себе. — Джули.

Вокруг тишина, только тихо жужжит триммер. Воздух пропитан абрикосовой горечью дебутанизированного бензина. Замечаю несколько обезглавленных трупов, которых убил не я. Слабо улыбаюсь. *Молодчина, Джули, честь тебе и хвала.*

— Твою... *мать!* — раздается у меня из-за спины глубокий голос.

С пола поднимается высокий, грузный зомби. Первый — который получил по морде. Это М. В драке я его даже не узнал. Сейчас, с вмятиной на месте одной из скул, узнать его еще сложнее. Он буравит меня глазами и потирает лицо.

— Что ты... делаешь... ты... — И замолкает, лишившись даже самых простых слов.

— Джули, — снова говорю я, как будто это все объясняет. В каком-то смысле так и есть. Одно слово — настоящее живое *имя*. Оно производит такой же эффект, как светящийся, говорящий мобильник на банду дикарей. Все, кроме М, во внезапно наступившей тишине усталились на Джули. М сбит с толку и злится.

— Живая! — сплевывает он. — Еда!

Я качаю головой:

— Нет.

— Еда!

— Нет!

— *Еда, твою...*

— *Эй, ты!*

Мы с М оборачиваемся. Джули вышла из-за моей спины. Бросив на М мрачный взгляд, она удваивает обороты на триммере.

— Отвали, — объявляет она и берет меня под локоть. Мою руку покалывает ее теплом.

М смотрит на нее, на меня, потом снова на нее и опять на меня. На его лице застыло напряженное выражение. Это похоже на затишье перед дуэлью. Но прежде чем что-то успеет произойти, до нас доносится рев, как будто дрожат стены, как будто кто-то протрубил в призрачный рог в безвоздушном пространстве.

Мы поворачиваемся к эскалаторам. Один за другим с нижних этажей поднимаются

желтые поджарые скелеты. Перед нами с Джули выстраивается небольшая делегация Костей. Под их черными, безглазыми взглядами Джули делает шаг назад. Храбрости у нее поубавилось. Она крепче сжимает мою руку.

Один скелет подходит ко мне вплотную. Из его пасти не доносится дыхание, но я чувствую отдаленный гул, который издают его кости. Так не умею ни я, ни М — никто из нас, мертвых, все еще облаченных в плоть. Внезапно меня охватывает любопытство, мне становится интересно, кто на самом деле эти иссушенные существа. Я не верю больше ни в какие заклинания вуду, ни в какие лабораторные вирусы. Это что-то гораздо более серьезное. Это пришло из космоса — со звезд или из безымянной тьмы, прячущейся за ними. Это тени из заколоченного божественного подвала.

Мы со скелетом стоим нос к носу. Игра в гляделки: я не моргаю, а ему нечем. Проходит время, кажется, что многие часы. То, что он делает потом, почему-то окончательно подрывает его авторитет в моих глазах. Он начинает передавать мне поляроиды — принес в своих костлявых лапах целую пачку. Мне представляется самодовольный старик, хвастающийся перед внуками, но ухмылка скелета далека от родственной, да и приятными его снимки не назовешь. Неаккуратный репортаж какой-то битвы. Строй солдат, стреляющих в нас ракетами, винтовки, безошибочно снимающие нас одного за другим — первого, второго, третьего. Рядовые с мачете и бензопилами, косящие нас, как ежевичные заросли, заплевывая линзы фотоаппаратов нашей спекшейся кровью. Огромные кучи заново умерщвленных мертвецов, облитые бензином и подожженные. Дым. Кровь. Семейные фотографии из поездки в ад.

Но какой бы ужасной ни была эта презентации, я ее уже видел. Кости не один десяток раз устраивали подобные демонстрации у меня на глазах. Обычно перед детьми. Скелеты вечно бродят по аэропорту с камерами, хлопающими по позвоночникам, и иногда увязываются за нами на охоту — идут в арьергарде и документируют кровопролитие. Я никогда не понимал зачем. Фотографируют всегда одно и то же: трупы. Битвы. Свежих зомби. Себя. Комнаты, в которых они живут, оклеены этими снимками от пола до потолка. Иногда они притаскивают туда какого-нибудь молодого зомби и часами, днями заставляют его стоять и смотреть, впитывать сущность их снимков. Этот скелет, ничем не отличающийся от остальных, протягивает мне поляроиды медленно и спокойно, уверенный, что они говорят сами за себя. Тема сегодняшней проповеди ясна: *неизбежность*. Непреложный двучленный результат нашего общения с живыми.

Они умирают, мы умираем.

Тем местом, где у живого было бы горло, скелет издает петушиный крик, полный гордости, упрека и непреклонной, непоколебимой уверенности в своей правоте. В этом звуке заключается все, что хотят сказать Кости, — это их девиз, их мантра. Он значит: *что и следовало доказать, и так все и должно быть, и потому что я так сказал*.

Не отводя взгляда от его пустых глазниц, я роняю фотографии на пол и обтираю ладони друг о друга, как будто хочу стряхнуть с них грязь.

Скелет не реагирует. Лишь смотрит на меня своим жутким, безглазым взглядом, такой неподвижный, что кажется, будто даже время вокруг себя он остановил. Загробный гул в его костях заглушает все остальные звуки — низкая волна, сдобренная гнилостными обертонами. Вдруг он резко — я даже вздрогнул — разворачивается и возвращается к своим собратьям. Снова трубит призрачный рог — и Кости спускаются на эскалаторах. Остальные мертвые тоже начинают расходиться, исподтишка бросая на Джули голодные взгляды. М хмуро косится на меня — и уходит последним.

Мы с Джули одни.

Теперь, когда все позади и пролитая кровь уже сохнет на полу, я наконец осознаю, что произошло, и сердце у меня в груди сжимается. Я указываю на знак, на котором наверняка написано "Зал вылета", и смотрю на нее вопросительно, не умея скрыть, какую боль это мне причиняет.

Джули смотрит в пол.

— Несколько дней уже прошло, — бормочет она. — Ты сам сказал, что несколько дней.

— Хотел... проводить. Попрощаться. Защи... тить.

— Я должна была уйти. Извини, конечно, но не оставаться же здесь. Ты ведь понимаешь?

Да. Конечно, я понимаю.

Она права, а я полный идиот.

И все же...

А что, если...

Я хочу сделать что-нибудь невозможное. Что-нибудь потрясающее, неслыханное. Отчистить космический шаттл от мха, улететь с Джули на Луну и основать там колонию, или отдрейфовать перевернутый круизный корабль на какой-нибудь далекий остров, где никто не посмотрит на нас косо, или овладеть тем волшебством, которое переносит зомби в воспоминания живых, и переселить Джули в меня. Ведь тут тепло, тихо и хорошо, и вместе мы будем не нелепым сочетанием несочетаемого, вместе мы станем совершенством.

Наконец она поднимает глаза. Как она похожа на потерявшегося ребенка. Растерянная и печальная.

— Спасибо, что... спас мне жизнь. Опять.

С усилием выдергиваю себя из задумчивости и улыбаюсь:

— Не за... что.

Она обнимает меня. Сначала робко, испуганно, и, да, с отвращением, но потом искренность берет верх. Она кладет голову на мое холодное плечо. Не верю, что это происходит наяву. Просто обхватываю ее руками, да так и стою.

Я готов поклясться, что мое сердце бьется. Хотя, конечно, это ее сердце отдается эхом в моей груди.

Мы возвращаемся к "боингу". Ничего не изменилось, но хотя бы прощание удалось отложить. После того, как из-за нас произошло целое побоище, кажется разумным ненадолго залечь на дно. Не знаю, насколько Кости будут противиться присутствию Джули и тому нарушению заведенного порядка, которое она воплощает. До сегодняшнего дня у меня не было причин с ними ссориться. Случившемуся нет прецедентов.

Мы входим в переход, нависающий над парковкой. Ветер прорывается через битые стекла и теребит волосы Джули. Когда-то ухоженные цветочные островки заросли ромашками. Джули улыбается и собирает букетик. Выдергиваю из него один цветок и неловко втыкаю ей в волосы. Цветок с листьями и торчит из ее кудрей довольно неуклюже, но она оставляет его как есть.

— Помнишь, как это было — жить среди лютей? — спрашивает она, не замедляя шаг. — До того, как ты умер?

Я делаю неопределенный жест.

— Ну вот. Теперь все изменилось. Когда нам пришлось бежать из нашего города, мне было десять, так что я все помню. Теперь все совсем по-другому. Тесно, шумно, холодно. — Она останавливается в конце коридора и смотрит на бледный закат через пустые оконные рамы. — Мы безвылазно сидим в Стадионе, как в загоне для скота. Все, что осталось важного, — пережить еще один день. Никто ничего не пишет, никто не читает, никто даже не разговаривает. — Она вертит ромашки в руках, нюхает одну. — У нас и цветов-то больше не осталось. Одни овощи.

Я встаю спиной к закату и смотрю на ночное небо.

— Из-за нас.

— Нет, не из-за вас. То есть из-за вас, конечно, но не совсем. Ты вообще не помнишь, что было раньше? Политические, общественные кризисы? Потопы? Войны, революции, бомбы? Когда вы появились, миру и так уже настал конец. А вы просто исполняете приговор.

— Но мы... вас... убиваем. Сейчас.

Она кивает:

— Да, да, сейчас зомби — главная угроза. Почти каждый, кто умирает, восстает и убивает еще двоих — даже статистика не на нашей стороне. Но главная проблема наверняка серьезнее. Или наоборот, она совсем незаметна. Даже если мы убьем миллионы зомби, ничего не изменится, потому что им нет конца.

Из-за угла появляются двое мертвых и бросаются на Джули. Я ударяю их головами друг о друга и швыряю на пол, гадая, не изучал ли в прежней жизни боевые искусства. Я гораздо сильнее, чем выгляжу.

— Папе на все это наплевать, — продолжает Джули, когда мы наконец добираемся до самолета и заходим внутрь. — Он был генералом, когда у нас еще было правительство, для него все просто. Обнаружить угрозу, ликвидировать угрозу, сидеть и ждать приказа тех, чья работа — думать о будущем. А если никакого будущего не осталось, а те, кто его придумывали, мертвы, что нам делать? Никто не знает. Вот мы ничего и не делаем. Устраиваем вылазки за провизией, убиваем зомби, расширяем стены Стадиона. В общем, папа считает, что человечество можно спасти, если построить огромную бетонную коробку, всех туда загнать и сторожить у ворот, пока мы сами не поумираем от старости. — Джули падает на сиденье, делает глубокий вдох, потом выдох. Кажется, она очень устала. — Я же не спорю, выжить — это важно, — продолжает она. — Но должно ведь быть еще что-то.

Я вспоминаю несколько последних дней, и почему-то мои мысли обращаются к детям. Они играли со степлером и смеялись. *Смеялись*. Видел ли я когда-нибудь, чтобы смеялись другие мертвые дети? Не помню. Но стоит вспомнить, как они на меня смотрели, обнимая за ноги, и я переполняюсь странным чувством. Что означал этот взгляд? Откуда он взялся? Что за музыка играет в том чудесном фильме, который показывают их лица? На каком он языке? Можно ли его перевести?

Несколько минут в самолете тихо. Джули, все еще лежа на спине, поднимает голову и смотрит в иллюминатор на перевернутый вверх ногами мир.

— Р, ты живешь в самолете! — говорит она. — Это же так здорово. Их так не хватает в небе! Я тебе говорила, как скучаю по самолетам?

Подхожу к проигрывателю. Там все еще крутится пластинка Синатры, иголка скачет по последним пустым дорожкам. Переставляю ее на "Полетели со мной".

— Ловко! — улыбается Джули.

Ложусь на пол и складываю руки на груди. Гляжу и потолок и подпеваю одними губами.

— А еще, еще я тебе говорила, — продолжает Джули, повернувшись на бок и глядя на меня, — что мне здесь у тебя, в общем, неплохо? Ну, если не считать, что меня уже раза четыре сожрать пытались. У меня очень давно не было времени, чтобы просто посидеть и подумать, глядя в окно. Да и коллекция музыки у тебя очень даже ничего. — Она тянется ко мне, втыкает в мои сложенные руки ромашку и хихикает. Когда я наконец понимаю, что похож на труп на стародавних похоронах, то вскакиваю так резко, будто ожил от удара молнии. Джули хохочет. Я тоже чуть-чуть улыбаюсь.

— Знаешь, Р, что самое безумное? Иногда я просто поверить не могу, что ты зомби. Мне кажется, что ты просто в гриме ходишь, ведь когда ты улыбаешься... трудно поверить.

Я снова ложусь, засунув руки под голову. Мне неловко, и пока Джули не засыпает, я сохраняю скучное выражение лица. Лишь тогда я позволяю себе расслабиться и улыбаюсь в потолок, и звезды в окне подмигивают всему живому.

Ее мягкое сопение стихает уже днем. Я лежу на полу и жду звуков ее пробуждения. Скрипа подушек, глубокого вдоха.

— Р, — зовет она сонным голосом.

— Да.

— А знаешь, ведь они правы.

— Кто?

— Эти ваши скелеты. Я же видела фотографии, которые он тебе показывал. Скорее всего, так и будет.

Я молчу.

— Одной из наших удалось сбежать. Нора... моя подруга. Она спряталась под столом, когда вы напали. Она видела, как ты... взял меня в плен. Войскам Обороны понадобится время, чтобы выяснить, из какого именно ты гнезда, но скоро они разберутся. И тогда папа придет за мной. Он тебя убьет.

— Уже... мертвый, — отвечаю.

— Неправда, — возражает она и садится. — Никакой ты не мертвый.

Некоторое время я обдумываю ее слова.

— Ты хочешь... назад.

— Да нет, — отмахивается она и сама как будто пугается своих слов. — То есть хочу, конечно, но... — Она нервно вздыхает. — Все равно, не важно, чего Я хочу, — я должна уйти. Иначе они придут сюда и всех перебьют. *Всех.*

Я снова молчу.

— Я не хочу быть в этом виноватой, понимаешь? — Она замолкает в нерешительности — ей хочется спросить о чем-то еще. — Меня всегда учили, что зомби — просто ходячие трупы, от которых надо избавляться, — и все. Но... ты только посмотри на себя. А что, если ты не один такой?

Я не меняюсь в лице. Джули вздыхает.

— Р... слушай. В тебе, может, и хватит дури, чтобы сложить голову мучеником, а про остальных ты подумал? Про своих детей? Их тебе не жалко?

Она подталкивает меня к неизведанному пути. Все то время, что я здесь — все те месяцы или годы, — я никогда не считал тех, кто меня окружает, людьми. Человеческими существами — пожалуй, но не людьми. Мы бредем в тумане, спим и едим в тумане, мы бежим марафон без старта и финиша, без медалей и болельщиков. Вчера я убил четверых наших, и это, кажется, никого не тронуло. Мы такие же, как живые: мы мясо. Безымянное, безликое, бросовое. Но Джули права. Я умею думать. У меня есть что-то вроде души, пусть это что-то и жалкое, и скукоженное. Может, и у других оно есть. Что-то, достойное спасения.

— Хорошо. Ты должна... уйти.

Она молча кивает.

— Но я... иду с тобой.

— Р! — смеется она. — Куда? В Стадион? С ума сошел?

Я качаю головой.

— Так, давай сначала обсудим. Ты у нас кто? Зомби. Хорошо сохранившийся, даже в чем-то обаятельный, но все-таки зомби. Теперь угадай, для чего все жители Стадиона старше десяти лет тренируются без выходных?

Молчу.

— Правильно. Чтобы лучше убивать зомби. Так что — как бы мне пояснее выразиться? — тебе со мной нельзя. Тебя *убьют*.

Я стискиваю зубы:

— И что?

Она качает головой. Сарказм исчезает из ее голоса, он становится неуверенным.

— Что значит "и что"? Или ты *смерти* хочешь? *Настоящей?*

Мне хочется пожать плечами. Я слишком долго позволял этому рефлексу равнодушия править собой. Но сейчас, когда я лежу на полу, а Джули встревожено смотрит на меня сверху вниз, я вдруг вспоминаю то чувство, с которым проснулся вчера, — "Нет!" и "Да!", сплетенные воедино. *Антирефлекс.*

— Нет, — говорю я в потолок. — Не хочу смерти.

Вот и мой новый рекорд — пять слогов подряд.

— Вот и хорошо, — кивает Джули.

Делаю глубокий вдох и встаю.

— Надо... думать, — говорю я, не глядя ей в глаза. — Скоро... вернусь. Запри.

Ухожу прочь, и она провожает меня взглядом.

На меня все смотрят. Меня и так всегда держали за чудака, но теперь слава идет впереди меня. Стоит войти в комнату, все замирают и оборачиваются. Но их лица не совсем враждебны. В осуждающих взглядах сквозит восхищение.

Наконец я нахожу М — он в зале ожидания. Изучает свое отражение в оконном стекле. Засовывает пальцы в рот и тычет в щеки. Кажется, он пытается вправить смещенные кости обратно.

— Привет, — говорю я с безопасного расстояния.

Он бросает на меня свирепый взгляд, но потом снова отворачивается к окну. Сильно ударяет по верхней челюсти, и скула с громким щелчком встает на место. Он оборачивается с улыбкой:

— Ну... как?

Делаю неопределенный жест. Половина его лица выглядит более-менее нормально, но на другой половине так и зияет... впадина.

Он со вздохом отворачивается обратно к окну.

— Не повезло... дамам.

Я улыбаюсь. Мы очень разные, но не отдать М должное невозможно. Он единственный из знакомых мне зомби, у кого сохранились какие-то остатки чувства юмора. Опять же: четыре слога без паузы. Он только что сравнялся с моим предыдущим рекордом.

— Прости, — говорю. — За... это.

Он молчит.

— По... говорим?

М медлит, потом пожимает плечами и идет за мной. Мы садимся за стол в темном, вымершем "Старбаксе". Перед нами две полные плесени кофейные чашки, оставленные много лет назад двумя друзьями, двумя партнерами по бизнесу, незнакомцами, которые встретились в зале ожидания и сдружились на почве общего интереса к человеческим мозгам.

— Правда... извини, — начинаю я. — Очень... раздра... жительный. Стал.

М хмурится:

— Что... с тобой... творится?

— Не... знаю.

— Привел... живую?

— Да.

— Ты... псих?

— На... верное.

— Ну и как... это?

— Что?

— С живой... секс.

Бросаю на него предупреждающий взгляд.

— Она... ничего. Я бы...

— Заткнись.

М хмыкает.

— Под... калываю.

— Все... не так. Это... не то.

— Тогда... что?

Сначала я не знаю, что ответить.

— Что-то... больше.

Его лицо вдруг становится пугающе серьезным.

— Что? Любовь?

Я думаю, но ответа не нахожу, остается только пожать плечами. Пожимаю, стараясь ненароком не улыбнуться.

М откидывается на спинку стула и старательно изображает хохот. Потом хлопает меня по плечу:

— Малыш! Ты Каза... нова! Ха!

— Ухожу... с ней, — говорю я.

— Куда?

— Прово... жаю. Домой.

— На... Стадион?

Киваю.

— Защи... щаю.

М задумывается ненадолго, и его помятая физиономия мрачнеет.

— Знаю, — вздыхаю я.

М складывает руки на груди.

— Что... с тобой? — опять спрашивает он.

И опять у меня нет ответа, и опять я пожимаю плечами.

— Ты как... вообще?

— Меняюсь.

Он кивает с сомнением в глазах. Я ежусь под его пронзительным взглядом. Я не привык к таким серьезным разговорам. Ни с М, ни, если на то пошло, с кем-либо из мертвых. Разворачиваю к себе кофейную чашку и вглядываюсь в ее пушистое зеленое содержимое.

— Когда... поймешь... — наконец выдавливает М неожиданно искренним тоном — я и не думал, что он на такой способен. — Скажи... мне. *Нам*.

Жду какую-нибудь шуточку, но он молчит. Он и правда серьезен.

— Хорошо, — отвечаю я. Хлопаю его по плечу и встаю. Он провожает меня тем же взглядом, каким меня преследуют и все остальные. Взглядом, в котором смешаны растерянность, страх и предчувствие перемен.

Наш с Джули уход из аэропорта напоминает не то свадебную процессию, не то очередь к шведскому столу. У стен столпились мертвые, они смотрят на нас. Собрались все до единого. Похоже, им не по себе. Они с радостью набросились бы на Джули, но почему-то стоят молча и не двигаются. Как Джули ни протестовала, я все-таки попросил М нас проводить. Он идет чуть позади и бросает на толпу подозрительные взгляды — огромный и серьезный, как агент разведки.

Кругом полно людей и царит неестественная тишина — даже противоестественная, если учесть, что никто не дышит. Готов поклясться, что слышу, как у Джули колотится сердце. Она делает вид, что все под контролем, и пытается идти спокойно, но ее выдают глаза, мечущиеся от одного зомби к другому.

— Ты уверен, что это не опасно? — шепчет она.

— Да.

— Их тут... сотни.

— Я. Тебя. Защищаю.

— Ну да, ну да, как я могла забыть. — Ее голос делается все тише. — Р, я серьезно. Я знаю, ты кого хочешь порвешь, но если хоть кто-нибудь сейчас прозвонит к обеду, я тут же окажусь закусой.

— Не... прозвонит, — возражаю я с неожиданной уверенностью. — Мы... новое. Они не... видели. Посмотри... на них.

Она вглядывается в окружающие нас лица и, надеюсь, видит то же, что и я. Их замешательство перед лицом неизвестности. Я точно знаю, что они нас пропустят. Джули отнюдь не так в этом убеждена. Ее дыхание вдруг становится сиплым, и она тянется к своей сумке. Достает ингалятор, делает вдох и не убирает его, продолжая переводить нервный взгляд с одного зомби на другого.

— Все будет... хорошо, — тихо бормочет М.

Она с резким выдохом разворачивается к нему:

— А тебя кто спрашивал, сарделька несчастная? Надо было тебя еще вчера нашинковать!

М хмыкает и ехидно смотрит на меня:

— Сколько... жизни... Р.

Весь путь до выхода мы проделываем без происшествий. Стоит шагнуть наружу, как у меня в животе начинается какой-то нервный зуд. Сначала я принимаю его за страх перед небом, нависшим над нами сероватой синюшной плотью с нарывами грозового фронта. Но дело не в небе. Это звук. Низкий, булькающий — сумасшедший баритон, напевающий колыбельную. Или он действительно стал громче, или я сделался чувствительнее. Так или иначе, на этот раз я слышу приближение Костей еще до того, как они появляются.

— Вот черт, — бормочет Джули.

Они с двух сторон обходят зону погрузки и выстраиваются перед нами. Я никогда не видел столько Костей вместе. Даже не знал, что их может быть столько — по крайней мере, в этом аэропорту.

— Проблема, — говорит М. — Они... злятся.

М прав. Сейчас Кости держатся как-то по-другому. Их движения кажутся скованными... еще более скованными, чем обычно. Если такое вообще возможно. Вчера они были присяжными, которые изучали дело. Сегодня они судьи и пришли огласить приговор. Или палачи, которые намерены его исполнить.

— Уходим! — кричу я им. — Обратно! Они не... придут сюда!

Скелеты не движутся и не отвечают. Их кости в унисон гудят отвратительную потустороннюю ноту.

— Что... хотите? — спрашиваю я.

Весь первый ряд синхронно поднимает руки и указывает на Джули. Я снова поражаюсь тому, как все это неправильно, какие они все-таки чуждые всем нам. Мертвые дрейфуют по волнам апатии. Мертвые не знают *синхронности*.

— Веду ее... *обратно!* — кричу я еще громче, оставив надежду договориться. — Если... убить... они *придут.... убьют нас!*

Ни колебаний, ни даже секундного раздумья о моих словах — их ответ быстр и предопределен. В унисон, как дьявольские монахи всенощную, они затягивают свой петушиный крик незыблемой уверенности в своей правоте — и я знаю, что он означает.

Незачем говорить.

Незачем слушать.

Все решено.

Она не уйдет.

Мы ее убьем.

Так должно быть.

Так было всегда.

Так будет всегда.

Я смотрю на Джули. Она дрожит. Хватаю ее за руку и смотрю на М. Он кивает.

Мы бежим, и ее горячий пульс сочится в мои ледяные пальцы.

Бросаемся влево, чтобы обойти костяной взвод. Они громыхают наперерез, пытаются преградить мне путь. М выскакивает вперед и падает на первый ряд, который осыпается под ним в кучу скрюченных конечностей и сцепившихся ребрами грудных клеток. Оглушительно трубит невидимый охотничий рог.

— Что ты делаешь? — задыхаясь, спрашивает Джули. Непостижимым образом я бегу *быстрее* ее.

— Я за...

— Только не начинай опять про то, как ты меня защищаешь! — кричит она. — Это еще хуже, чем все...

Ее хватает за плечо безмясая рука, она кричит. Тварь скалится подпиленными клыками и норовит впитаться Джули в шею, но я хватаю скелет за позвоночник и бросаю на бетонный пол — изо всех сил, но ни удара, ни грохота разлетающихся костей не следует. Тварь, как будто назло гравитации, замедляет падение — не успела ее грудная клетка коснуться пола, как скелет снова на ногах и бросается мне в лицо, как какое-то омерзительное, неубиваемое насекомое.

— М! — хриплю я, пытаюсь оторвать его от горла. — Помоги!

М весь в Костях — скелеты повисли у него на руках, на ногах и даже на спине, — но пошатнуть его им не удастся, видимо, он для них слишком тяжел. Пока я борюсь со своим, который пытается выдавить мне глаза, М подбирается поближе, отрывает его от меня и швыряет в двух других, пытавшихся прыгнуть на него сзади.

— Бегом! — орет он, толкает меня вперед и поворачивается к нашим преследователям. Я тащу Джули за руку. Наконец она видит, куда мы так спешим, и ахает. К "мерседесу".

— Пошли!

Мы прыгаем в машину, и я завожу мотор.

— Ах, мерсик, — говорит Джули, погладив приборную панель, как любимого питомца. — Как я рада тебя видеть.

Я давлю на газ и отпускаю сцепление. Машина срывается вперед. Почему-то сейчас это кажется просто.

М перестал отбиваться и теперь со всех ног удирает от толпы скелетов. Внутри, за дверями аэропорта, столпились сотни зомби. Они тихо стоят и смотрят. Что они думают? И думают ли вообще? Есть ли шанс, что у них в головах зарождается реакция на то, что происходит у них под носом? На этот внезапный всплеск анархии в существовании, прежде расписанном до мелочей?

М поворачивает нам наперерез. Я давлю на газ. Сначала перед нами пробегает М, потом на дорогу вылетают Кости — и чудо немецкой техники весом в тонну врзается в их хрупкие, ломкие остовы. Они рассыпаются на куски. Всюду летят обломки. Две бедренные кости, три кисти рук и полчерепа приземляются в салон, где они дергаются, ползают по сиденьям, зудят и шелестят, как засохшие насекомые. Джули выбрасывает их из машины и, дрожа от отвращения, вытирает ладони о толстовку.

— Господи, господи, — всхлипывает она.

Но теперь мы в безопасности. Джули в безопасности. Мы с ревом выезжаем из зоны прилетов на взлетную полосу, мчимся вперед, и над нами сгущаются тучи. Я смотрю на Джули. Она смотрит на меня. Капают первые капли. Мы улыбаемся.

Проходит десять минут. Начался ливень, и мы промокли насквозь. Родстер — не лучший выбор в такую погоду, особенно когда ни ты, ни твой пассажир не понимаете, как в нем поднимается верх. Едем молча. Мокрые простыни хлещут нас по головам. Но мы не жалуемся. Мы стараемся сохранять оптимизм.

— Ты знаешь, куда ехать? — спрашивает Джули минут через двадцать. Ее мокрые волосы струятся по лицу.

— Да, — отвечаю я, не сводя глаз с дороги и свинцового горизонта.

— Уверен? Потому что я понятия не имею.

— Да... уверен.

Лучше не объяснять, откуда я так хорошо знаю дорогу. Это наша охотничья тропа. Она и без того в курсе, кто я, зачем лишний раз напоминать? Неужели нельзя просто ехать вперед и позабыть обо всем на время? В свете моего воображения мы неходячий труп и девушка-подросток под проливным дождем, мы Фрэнк и Ава, мы неспешно катаемся по сельским аллеям, и где-то вдалеке, потрескивая, нам подыгрывает виниловый оркестр.

— Может, остановимся, дорогу спросим?

Я поднимаю на нее взгляд. Перевожу его на рассыпающиеся домики, почти черные в наступающих сумерках.

— Да я пошутила, — говорит она, выглядывая из-за мокрой челки. Откидывается на сиденье, заложив руки за голову. — Скажи, когда захочешь отдохнуть. А то едешь как последняя пенсионерка.

Постепенно у наших ног скапливается вода, и Джули начинает дрожать. Стоит весна, ночь теплая, но она промокла, а ехать в старом родстере — все равно что гулять в ураган. Съезжаю с шоссе, и мы погружаемся в кладбищенское безмолвие городской окраины. Джули смотрит на меня с немимым вопросом в глазах. Я слышу, как стучат ее зубы.

Медленно еду вдоль обочины, выбирая дом для ночлега. Наконец поворачиваю в заросший зеленью тупик и паркуюсь рядом с проржавевшим "плимут-вояджером". Беру Джули за руку и веду под крышу. Дом заперт, но дверь прогнила и распахивается от одного пинка. По всему дому расставлены старые керосиновые лампы. Джули зажигает их, и дом озаряется мерцанием, как будто мы разожгли костер на полу. Это создает неожиданный уют. Джули бродит по кухне и гостиной, рассматривает посуду, игрушки, старые журналы. Поднимает плюшевого коалу и смотрит ему в глаза-пуговицы.

— Милый, милый дом, — бормочет она. Затем достает из сумки "ПолярOID" и делает снимок. Проблеск вспышки как пощечина — до того здесь темно. Джули ухмыляется и показывает камеру:

— Узнаешь? Я вчера ее у скелетов стырила. — Она протягивает мне проявляющийся снимок. — Очень важно беречь память, понимаешь? Особенно сейчас, когда весь мир на ладан дышит. — Джули смотрит в видоискатель и медленно разворачивается, вбирая в себя панораму всей комнаты. — То, что ты видишь, всегда может оказаться последним.

Я трясусь фотографией в руке. На ней проявляется призрачный образ. Это я, Р, труп, возмнивший себя живым. Я смотрю себе в глаза мертвым, удивленным, свинцовым взглядом. Джули протягивает мне камеру.

— Всегда и везде делай снимки. Если у тебя нет камеры, то хотя бы в уме. Когда запоминаешь что-нибудь нарочно, такие воспоминания всегда ярче, чем случайные. — Она встает в позу и широко улыбается. — Сыр!

Жму на кнопку. Джули тянется к выползающему из камеры снимку, но я выдергиваю его первым и прячу за спину. Протягиваю ей мой. Она закатывает глаза, но потом берет фотографию и, склонив голову набок, начинает ее разглядывать.

— Ты лучше выглядишь. Наверное, дождь тебя умыл. — Она поднимает глаза от снимка и внимательно в меня вглядывается. — Почему у тебя такие глаза?

— Какие? — настороженно спрашиваю я.

— Такого странного серого цвета. У трупов они совсем не такие. Не затуманенные. Почему?

Некоторое время я думаю.

— Не знаю. Случается... во время... превра... щения.

Она так на меня уставилась, что мне хочется съежиться.

— Жутковатый у тебя с ними вид. Почти... сверхъестественный. А цвет они когда-нибудь меняют? Когда убиваешь, или еще когда?

У меня вырывается вздох.

— Кажется... ты... о вампирах.

— А, точно, — смеется она, а затем печально качает головой. — Ну хоть *этих* пока не существует. Впрочем, слишком много чудовищ развелось в последнее время, за всеми не уследишь. — Не успеваю я обидеться, как она снова смотрит мне в глаза и улыбается. — А вообще они мне нравятся. Твои глаза. Они у тебя красивые. Жуткие, конечно... но и красивые.

Кажется, это самый лучший комплимент, который мне говорили за всю мою мертвую жизнь. Джули, не обращая внимания на мой остолбенелый вид, уходит дальше в дом, напевая себе под нос.

Снаружи бушует гроза, изредка до нас доносятся раскаты грома. Я радуюсь, что в доме целы все окна. В большинстве других они давно разбиты мародерами или охотниками. На соседской лужайке лежит несколько трупов со вскрытыми черепами, но мне хочется верить, что хозяевам удалось уйти. Они и добрались до одного из стадионов, а может, даже бежали в горы, в какой-нибудь огороженный от всего мира рай, где за усеянным жемчугом титановым забором поет ангельский хор...

Я все еще стою в гостиной и слушаю дождь. Джули слоняется по дому. Вскоре она спускается с охапкой сухой одежды и сваливает ее на диван. Выуживает из кучи джинсы, которые велики ей размером на десять.

— Как тебе? — спрашивает она, обернув штаны вокруг талии. — Не полнят? — Бросает джинсы и вытаскивает грудку тряпья, которая при ближайшем рассмотрении оказывается платьем. — Если завтра мы с тобой заблудимся в лесу, мне будет из чего сделать палатку. Вот какому-то зомби повезло с обедом.

Я трясую головой и кривлю лицо.

— Что, не любишь толстячков?

— Жир... не живой. Мусор. Нужно... мясо.

Она смеется:

— Значит, ты не только меломан, а еще и *гурман*! Ну ты даешь! — Отбрасывает одежду и делает глубокий вдох. — Ну ладно. Я уже с ног падаю. Нашла там кровать, которая еще не развалилась. Пойду спать.

Я ложусь на слишком короткий для меня диван и настраиваюсь провести ночь наедине с собой. Но Джули не уходит. Она стоит на пороге спальни и смотрит на меня. Я уже видел такой взгляд. Я готовлюсь к худшему.

— Р... — говорит наконец она. — А тебе... тебе обязательно есть людей?

Я мысленно испускаю глубокий вздох, мне невыносимы эти расспросы. Но покой чудовищам не причитается.

— Да.

— Или ты умрешь?

— Да.

— Но меня ты не съел.

Я молчу.

— Ты меня *спас*. Уже раза три как.

Медленно киваю.

— И с тех пор так больше ничего и не ел?

Я морщусь лоб и напрягаю память. Она права. Если не считать нескольких кусочков мозга, с момента нашей встречи я соблюдаю строжайший гастрономический целибат.

На ее лице появляется странная полуулыбка.

— Ты... меняешься, что ли?

Как и прежде, я безмолвствую.

— Ну спокойной ночи, — говорит Джули и закрывает за собой дверь.

Я лежу на диване и разглядываю облупившуюся краску на подтекающем потолке.

— *Что с тобой?* — спрашивает М, глядя на меня поверх заплесневелой чашки кофе. — *Что-то не так?*

— *Нет. Все нормально. Я меняюсь.*

— *Как ты можешь измениться? Мы все начинаем с чистого листа, чем ты отличаешься от остальных?*

— *Может, все-таки не с чистого листа. Может, нас формируют обломки прежней жизни.*

— *Но мы их не помним. Наши дневники навсегда потеряны.*

— *Не важно. Так или иначе, мы то, что мы есть. И гораздо важнее, что мы с этим сделаем.*

— *Разве нам дано выбирать?*

— Не знаю.

— Мы мертвые. Как мы можем что-то выбирать?

— Может, и можем. Если очень захотим.

Дождь барабанит по крыше. Изнуренно скрипят стропила. Пружины старых диванных подушек царапают меня через дыры в рубашке. Пока я пытаюсь понять, постился ли я хоть раз так долго до встречи с Джули, она снова появляется на пороге. Замирает, опершись на дверной косяк, и, скрестив руки на груди, выстукивает нервный ритм по паркету.

— Что? — спрашиваю я.

— Ну... Я тут подумала. Кровать большая. И если хочешь... Мне не жалко, можешь лечь рядом. — Я немного приподнимаю брови. Она краснеет. — Слушай, я просто... я просто... мне не нужна такая огромная кровать. Тут страшно одной, понял? Не хочу, чтобы меня призрак миссис Жиртрест во сне придушил. А учитывая, что я уже неделю не мылась, то и пахнешь ты не хуже меня... может, наши запахи друг друга нейтрализуют.

Она дергает плечом — *мое дело предложить* — и исчезает в спальне.

Выжидаю несколько минут. Потом, сам не зная зачем, встаю и иду к ней. Она уже в постели, обложилась одеялами и свернулась, как младенец в утробе. Я медленно опускаюсь на противоположный край кровати. Все одеяла у нее, но уж что-то, а сохранять тепло мне незачем. Я всегда постоянной температуры — комнатной. А вот Джули, несмотря на роскошные одеяла, продолжает дрожать.

— Чертовы мокрые шмотки, — бормочет она и встает. Косится на меня. Отвернувшись, принимается стягивать мокрые джинсы и футболку. Кожа у нее на спине мертвенно-белая от холода. Почти такая же, как у меня. В одних клетчатых трусиках и бюстгальтере в горошек, Джули развешивает свою одежду на комоде и быстро возвращается под одеяло.

— Спокойной ночи, — говорит она.

Я подложил руки под голову и смотрю в потолок. Мы лежим на самом краю кровати — каждый на своем. Между нами примерно полтора метра. Меня не оставляет чувство, что ее беспокоит не только то, что я мертв. Жив я или мертв, для нее я все равно мужчина. Наверное, боится, что поведу себя как любой мужчина, оказавшийся в постели с красивой женщиной. Что захочу что-то отнять. Или что попытаюсь ее съесть. Тогда зачем она вообще меня позвала? Или это такая проверка? Для меня? Для себя? Что могло толкнуть ее на такой риск?

Я слушаю, как ее дыхание становится глубже и она засыпает. Ее страхи уснули вместе с ней. Спустя несколько часов Джули разворачивается ко мне, и расстояние между нами сокращается почти до нуля. Ее лицо обращено ко мне. Легкое дыхание щекочет мне ухо. Интересно, закричит ли она, если сейчас проснется? Смогу ли я когда-нибудь убедить ее, что со мной она действительно в безопасности? Не буду отрицать, что такая близость будит во мне не только инстинкт убивать. Но пусть даже эти новые желания и пугают своей яркостью, все, что я сейчас хочу, — просто лежать с ней рядом. Самое большее, чего я могу пожелать, — чтобы она положила голову мне на грудь, вздохнула и продолжала спать. Вот загадка, достойная лучших загробных умов. Мое прошлое в тумане, а настоящее — буйство красок и звуков. Что все это значит? С тех пор как я умер, моя память работает не лучше старого магнитофона — записи получаются блеклые, едва различимые, легко забываемые. Зато последние несколько дней я помню в малейших деталях, и сама мысль, что хоть одно мгновение я могу забыть, приводит меня в дикий ужас. Откуда вдруг эта ясность мысли? Эта четкость? Я могу вспомнить по порядку все, что произошло с первой нашей встречи до настоящего момента — до нас, лежащих в этой усыпальнице, и, несмотря на миллионы воспоминаний уже забытых, выброшенных, как мусор, я с отчаянной уверенностью осознаю, что вот это — все это — останется со мной до конца моих дней.

Я лежу на спине, хотя мне и нет нужды в отдыхе, и незадолго до рассвета перед моими глазами кинолентой пробегает сон. Не сон, а видение — слишком яркое, такое не мог бы

породить мой безжизненный мозг. Обычно, чтобы испытать вторичные воспоминания, нужен вкус крови. Но сейчас что-то пошло не так. Просто закрываю глаза — и начинается полуночный сеанс.

Обед. Длинный металлический стол накрыт со спартанской скупостью. Миска риса. Миска бобов. Буханка хлеба из льняного семени.

— Благодарим Тебя, Господи, за эту пищу, — говорит мужчина во главе стола. Его руки сложены в молитве, но глаза открыты. — Благослови ее для тел наших. Аминь.

Джули пинает под столом сидящего рядом мальчишку. Он сжимает рукой ее колено. Это Перри Кельвин. Я снова у него в голове. Его мозг умер, его жизнь съедена... а он все еще здесь. Что это, химический откат? Застрявшая где-то во мне недопереваренная крупица его мозга? Или и в самом деле *он*? Как-то, где-то, почему-то цепляющийся за последние воспоминания о своей жизни?

— Ну что, Перри, — обращается отец Джули к нему... ко мне. — Джули сказала, ты теперь земледелец?

Я глотаю свой рис.

— Да, сэр, генерал Гриджо, я...

— Перри, мы не на учениях, а просто обедаем. Зови меня мистер Гриджо.

— Ладно. Да, сэр.

За столом четыре стула. Отец Джули сидит во главе, а мы с ней — по правую руку. Напротив нас еще один пустой стул. Все, что я знаю о матери Джули, — "она ушла, когда мне было двенадцать лет". Я несколько раз начинал осторожные расспросы, но большего так и не добился, даже когда мы лежали голые на моей узкой кровати, утомленные, и счастливые, и уязвимые, как любая нормальная пара.

— Я сейчас на посадках, — сообщаю я ее отцу, — но жду повышения. Мне обещали место бригадира уборочной бригады.

— Понятно, — задумчиво кивает он. — Не такая уж *плохая* работа... Не понимаю только, почему ты не хочешь работать с отцом. Ему на постройке этого их жизненно важного коридора наверняка не хватает молодежи.

— Он звал, но я... не знаю, по-моему, строительство — это не для меня. Я люблю работать с растениями.

— С растениями, значит.

— По-моему, в наше время это очень важная работа. Почва истощена, много на ней не вырастишь, зато когда серая корка трескается и из нее появляются зеленые ростки — это настоящий праздник.

Мистер Гриджо с ничего не выражающим лицом прекращает жевать. Джули бросает на него тревожный взгляд.

— А помнишь, у нас раньше был кустик в гостиной, такой, на деревце похожий? — говорит она.

— Помню, — отвечает он. — И что?

— Ты его любил. Не прикидывайся, что ничего не понимаешь в садоводстве.

— Он принадлежал твоей матери.

— Но любил-то его ты. — Джули поворачивается ко мне. — Ты только представь: папа тогда увлекался дизайном интерьеров, и дома у нас все было такое суперсовременное, из стекла и металла. Как в филиале "ИКЕА". А мама этого *терпеть не могла*, ей нравилось все натуральное — деревянные полы, пеньковое волокно и так далее.

Мистер Гриджо каменеет лицом, но Джули либо не замечает, либо ей наплевать.

— Ну вот, и в отместку она купила этот пышным зеленый куст в огромном, оплетенном лозой горшке и поставила его в самом центре папиной идеальной бело-серебристой гостиной.

— Джули, гостиная была не *моя*, а общая, — перебивает ее отец. — И насколько я помню, мы всегда вместе решали, какую мебель покупать, и ты всегда соглашалась со мной.

— Ага, вот только мне было восемь лет, и мне нравилось притворяться, что я живу в

космическом корабле. В общем, мама покупает этот куст, целую неделю они ругаются... Папа твердит, что он "неуместный", мама грозит уйти вместе с кустом... — Тут Джули ненадолго умолкает. Лицо ее отца совсем застывает. — Короче, некоторое время так и продолжалось... а потом мама — в своем репертуаре — начала заморачиваться чем-то другим. И бросила поливать куст. Угадай, кто его взял под свое крылышко, когда он чуть не засох?

— Нам только засохшего куста в центре гостиной не хватало. Кто-то же должен был о нем заботиться.

— Пап, ты его каждый день с лейкой обхаживал. Удобрял и лишние побеги подрезал.

— Да, Джули, именно так растениям и не дают умереть.

— Пап, ну неужели так сложно признать, что ты любил этот дурацкий куст? — Джули смотрит на него с удивлением и замешательством. — Не понимаю, что в этом плохого?

— Глупости, — огрызается он, и настроение в комнате сразу падает на несколько градусов. — Растение можно поливать и подрезать, но "любить" его — невозможно.

Джули открывает рот, но ничего не говорит.

— Это бессмысленное украшение, которое занимает место, требует внимания и удобрений, а потом, что бы ты ни делал и как бы его ни поливал, все равно рано или поздно возьмет и сдохнет. Нет смысла привязываться к чему-то настолько бесполезному и недолговечному.

Несколько секунд проходит в молчании. Под тяжелым взглядом отца Джули наконец сдается и принимается хмуро ковыряться в своем рисе.

— В общем, — мямлит она, — я хотела сказать, Перри... Папа тоже когда-то был садовником. Вы, наверное, могли бы многое друг другу рассказать.

— Ну я не только садоводством интересуюсь, — заявляю я, готовый на что угодно, лишь бы сменить тему.

— Да? — поощряет меня мистер Гриджо.

— Ага, вот еще мотоциклами... Я не так давно нашел BMW R1200R, теперь вожусь с ним, бронирую, привожу в боевую готовность. Мало ли что.

— Значит, владеешь инструментами. Это хорошо. У нас на оружейном складе как раз не хватает механиков.

Джули закатывает глаза и принимается за свои бобы.

— Еще я меткость тренирую. Ходил на дополнительные уроки в школе, умею неплохо обращаться с винтовкой.

— Эй, Перри, — перебивает Джули, — а о других своих планах не хочешь рассказать? Например, о том, как ты всегда мечтал...

Наступаю ей на ногу. Она бросает на меня свирепый взгляд.

— О чем ты всегда мечтал? — спрашивает ее отец.

— Ни о чем... на самом деле я... — Хватаюсь за бокал воды и жадно выпиваю до дна. — Честно говоря, сэр, я пока еще не уверен, куда податься. Но определюсь, прежде чем пойти в старшие классы.

Что ты хотел сказать? — спрашивает вслух Р, и я чувствую рывок — мы меняемся местами. Перри смотрит на него... на *меня* нахмурившись.

— Слушай, мертвяк, не перебивай. Это моя первая встреча с ее отцом, тут и без тебя все паршиво. Нечего меня отвлекать.

— Да все нормально, — встревает Джули. — Я же тебя предупреждала. Теперь он у меня такой.

— Ты смотри, запоминай, — говорит Перри мне. — Может, когда-нибудь и тебе придется с ним встретиться. А тебе попасть к нему в фавор будет еще сложнее.

Джули гладит его по голове:

— Малыш, только не начинай о настоящем. А то я чувствую себя лишней.

Он вздыхает:

— Да, ладно. Вообще-то хорошее было время. Это потом из меня нейтронная звезда

выросла.

Перри, прости, что я тебя убил. Я не хотел, просто...

— Да ладно тебе, мертвяк. А то я не знаю. К тому же я сам этого хотел.

— Спорим, я всю жизнь буду тебя такого вспоминать, — с сожалением говорит Джули. — Ты был таким классным, пока папочка в тебя свои когтищи не запустил.

— Позаботься о ней, хорошо? — шепчет мне Перри. — Она и так уже натерпелась. Береги ее.

Хорошо.

Мистер Гриджо откашливается.

— На твоём месте, Пер, я бы уже сейчас все спланировал. С твоими навыками стоит подумать о карьере в Обороне. Пробивающиеся ростки — это, конечно, прекрасно, но фрукты и овощи — не самое необходимое. Человек может целый год жить на карбтеине, прежде чем это начнет сказываться. Самое важное — сохранять жизни. Чем мы в Обороне и занимаемся.

Джули дергает Перри за рукав.

— Ты что, правда считаешь, что мы должны тут с ним по второму разу торчать?

— Не-а, — отвечает он. — Это не стоит повторения. Пошли отыщем местечко поприятнее.

Мы на пляже. Не настоящем, выточенном волнами мастерового-океана — эти все теперь под водой. Мы на новорожденном берегу недавно затонувшего порта. Выбоины в асфальте забиты песком. Из прибоя торчат поросшие ракушками фонари. Некоторые до сих пор чуть-чуть светят, и на воде под ними мерцают оранжевые круги.

— Ладно, вопрос на засыпку, — говорит Джули и бросает в воду палку. — Кем вы хотите стать?

— Ой, здравствуйте, мистер Гриджо, — хмыкаю. Я сижу с ней рядом на прибитом к берегу бревне, бывшем телеграфном столбе.

Она не обращает на меня внимания.

— Нора, ты первая. Рассказывай о том, чего ты *хочешь*. Меня интересует не то, кем, как тебе кажется, ты станешь.

Нора сидит на песке перед бревном, играет с галькой и почесывает перепонку между средним пальцем и обрубком безымянного, от которого сохранилась лишь одна фаланга. Ее глаза цвета плодородной земли, кожа — кофе со сливками.

— Медсестрой, наверное, — говорит она. — Лечить людей, спасать жизни.... может быть, даже работать над лекарством... Было бы неплохо.

— Сестра Нора, — усмехается Джули. — Хорошее название для детского сериала.

— А почему медсестрой? — вмешиваюсь я. — Почему не врачом?

Нора фыркает:

— Ага, и семь лет учиться? Вряд ли цивилизация столько протянет.

— Протянет, — возражает Джули. — Не говори так. И что плохого в медсестрах? Они зато сексуальные!

Нора смеется и рассеянно теребит волосы. Поворачивается ко мне:

— А почему вдруг врач? Или ты хочешь быть врачом, Пер?

Я трясую головой:

— Ну уж нет! На чужие кишки и кровищу я на всю жизнь насмотрелся, спасибо.

— А кем тогда?

— Я люблю книги, — признаюсь я. — Наверное, хочу стать писателем.

Джули улыбается. Нора смотрит на меня, недоверчиво склонив голову набок:

— Правда? Неужели кто-то до сих пор этим занимается?

— Чем? Пишет?

— Да нет... издает.

Пожимаю плечами:

— Нет. Никто. Спасибо, что напомнила.

— Я просто...

— Да знаю я. Даже мечтать глупо. Полковник Россо говорит, что более-менее населены сейчас от силы тридцать процентов городов во всем мире. Не лучшее время для литературы. Разве что зомби вдруг читать научатся. Наверное, пойду в Оборону, и все.

— Перри, заткнись, — сердится Джули и бьет меня в плечо кулаком. — Люди до сих пор читают книги.

— Да ну? — не верит Нора.

— Ну я читаю. И кому какое дело, выпускают их еще или нет. А если все так заняты обороной и строительством, что им даже не хочется никакой пищи для мозгов, — ну и пошли они. Пиши в блокнотах и отдавай мне. Я буду читать.

— Целая книга для единственного человека, — говорит Нора мне. — Думаешь, это того стоит?

Джули отвечает за меня:

— Самое главное — он изольет свои мысли на бумагу. И кто-то их прочитает. И по-моему, это будет прекрасно. Какая-то часть его мозга будет целиком принадлежать мне. — Она бросает на меня пронзительный взгляд. — Перри, отдай мне кусочек мозга. Я хочу попробовать его на вкус.

— О-о! — смеется Нора. — Может, я лучше оставлю вас одних?

Приобнимаю Джули и улыбаюсь пресыщенной улыбкой, которую совсем недавно довел до совершенства.

— Ты моя малышка, — говорю я и прижимаю ее к себе. Она кривится.

— А ты, Джулс? — спрашивает ее Нора. — У тебя какая несбыточная мечта?

— Я хочу учить детей, — заявляет Джули и делает глубокий вдох. — И еще рисовать, петь и писать стихи. И управлять самолетом. И...

Нора улыбается. Я мысленно качаю головой. Нора передает косяк Джули, та затягивается и предлагает мне. Я слишком осторожен, чтобы так расслабляться. Отказываюсь. Мы любимся рябью на воде — трое детей на одном и том же бревне под одним и тем же закатом — и думаем каждый о своем, и чайки наполняют воздух скорбными криками.

У тебя все получится, шепчет Р Джули, и снова мы с ним меняемся местами. Джули поднимает глаза на меня — мертвеца, парящего в облаках, как неупокоенный дух. Она лучезарно улыбается, а я знаю, что на самом деле это не она, и, что бы я ни сказал, это не покинет стенок моего черепа. Но мне все равно. *Ты вырастешь высокая, сильная и умная, и ты никогда не умрешь. Ты переменишь этот мир навсегда.*

— Спасибо, Р, — отвечает Джули. — Ты такой хороший. Как думаешь, сможешь отпустить меня, когда придет время? Сможешь попрощаться?

Слова застревают у меня в горле. *Неужели приесться?*

Джули пожимает плечами, невинно улыбается и шепчет:

— Пожми плечами.

К утру буря стихает. Я лежу на кровати рядом с Джули. Тонкий лучик света прорезает пыльный воздух и разливается по ней горячей белой лужицей. Она так и укутана в кучу одеял. Встаю и выхожу на крыльцо. Весеннее солнце красит все вокруг белой краской, и тишину нарушает лишь скрип ржавых соседских качелей. В голове застрял жестокий вопрос из сна. Я не хочу об этом думать, но все равно понимаю: скоро все будет кончено. Верну ее к девяти вечера на папочкин порог, и все. Ворота захлопнутся, и я потащусь домой. *Смогу ли я ее отпустить?* Самый сложный вопрос в моей мертвой жизни. Месяц назад меня ничто не интересовало, я ничего не хотел и ничему не радовался. Я мог потерять все, и это ничуть меня не заботило, и все было просто. Но простота приедается.

Когда я возвращаюсь в дом, Джули уже сидит на кровати. Она выглядит квелой, не

совсем еще проснувшейся. На голове стихийное бедствие, волосы топорщатся во все стороны, как пальмы после урагана.

— Доброе утро, — говорю я.

Она сонно хмыкает в ответ. Я предпринимаю героические попытки не пялиться на нее, пока она сладко потягивается и поправляет ляпочку бюстгалтера. Мне видно каждую мышцу, каждый позвонок. Она и так голая, так что я представляю, будто на ней нет кожи. Опыт мне подсказывает, что и под ней Джули удивительно красива. Там внутри сокрыты чудеса изящества и симметрии — безупречный механизм золотых часов, не предназначенный для посторонних глаз.

— Что у нас на завтрак? — бормочет она. — Умираю с голоду.

После секундной заминки отвечаю:

— Можем... попасть... в Стадион... через час. Но нужен... бензин. Для... мерсика.

Джули трет глаза и натягивает все еще сырую одежду. И снова я стараюсь не пялиться. Ее тело извивается и пружинит — такая ловкость не доступна ни одному мертвому. Вдруг она хмурится:

— Черт. Знаешь что? Мне надо позвонить отцу.

Она подходит к старому проводному телефону. К моему удивлению, в трубке есть сигнал. Видимо, для них было крайне важно сохранить связь. Все цифровое и спутниковое, наверное, давно отключилось, но протянутые под землей кабели гораздо долговечнее.

Джули набирает номер. Замирает над телефоном и напряженно ждет. Наконец ее лицо озаряется.

— Папа? Это Джули. — На том конце взрыв бессвязных воплей и криков. Джули отдергивает трубку от уха и одаривает меня красноречивым взглядом: *ну вот, начинается*. — Да, пап, все нормально, я жива и здорова. Нора рассказала, что случилось, да? — На том конце опять вопли. — Угу, знаю, что вы искали, но не там. Я была в небольшом гнезде в Оранском аэропорту. Они заперли меня вместе с трупами, вроде бы в кладовую, но через несколько дней... кажется, обо мне просто забыли. Мне повезло — я прокралась наружу, а там стоял "мерседес" на ходу. Ну я и уехала. — Пауза. Быстрый взгляд на меня. — Э-э, нет, не надо никого присылать. Я на южной окраине рядом с шоссе, почти уже... — Вдруг она цепенеет и меняется в лице. — Что? — Глубокий вдох. — Пап, при чем тут мама? Нет, скажи! При чем тут мама? *Ни при чем!* Я еду домой! Не надо никого присылать, я уже еду... папа! — В трубке тишина. — Папа? — Тишина. Закусив губу, она смотрит в пол. Вешает трубку.

Я вопросительно приподнимаю брови, боясь задать вслух все переполняющие меня вопросы. Джули трет виски и тяжело вздыхает.

— Р, ты не сходишь за бензином без меня? Я... мне надо подумать.

Джули смотрит в сторону. Я робко кладу руку ей на плечо. Она вздрагивает, но тут же успокаивается. Затем вдруг бросается мне на шею и прижимается лицом к груди.

— Мне надо минутку побыть одной, хорошо? — говорит она, отстраняясь.

И я ухожу. Нахожу в гараже пустую канистру и отправляюсь в обход района в поисках машины с полным баком. Когда до меня доносится рев мотора, я стою с сифонной трубкой перед недавно разбитой "шевроле тахо". Я не обращаю внимания. Я сосредоточен на резком, терпком вкусе бензина. Наполнив канистру, я с закрытыми глазами возвращаюсь к дому, подставив лицо солнцу. Потом открываю глаза и некоторое время так и стою с красной канистрой — запоздалым подарком на день рождения. "Мерседес" исчез.

На столе в доме нахожу записку, полную букв, которые я не могу соединить в слова. Рядом два поляроидных снимка. Оба сняты Джули, на обоих — она сама с расстояния вытянутой руки. На первом Джули вяло, нерешительно машет рукой. На второй прижимает ту же руку к груди. Лицо у нее суровое, но на глазах слезы.

Прощай, Р, шепчет мне фотография. *Время пришло. Пора это сказать. Можешь?*

Держу фотографию перед собой. Тру ее пальцами и смазываю свежую фотоэмульсию в

радужную кляксу. Хочу оставить на память, но передумываю. Я не готов превращать Джули в сувенир.

Скажи, Р. Просто скажи.

Кладу фотографию на стол и ухожу. Без слов.

Я иду в аэропорт. Что меня там ждет? Не знаю, может, окончательная смерть? Я наделал столько шума, что Кости вполне могут избавиться от меня, как от заразы. Но я снова один. Мой мир мал, и особого выбора нет. Я не знаю, куда еще податься.

На машине путь занял бы сорок минут. Пешком придется идти весь день. Я иду. Ветер меняет направление, и вчерашний грозовой фронт подползает все ближе. Тучи кружат по горизонту, медленно стягивая голубое небо в кольцо, как гигантская фотодиафрагма. Я иду быстро, чеканя шаг, почти марширую. Голубой кружочек над головой сначала сереет, потом синее, наконец, тучи схлопываются. Начинается дождь. Льет как из ведра, так что вчерашний ливень кажется не более чем водяной дымкой у овощного лотка. Самое удивительное, что мне *холодно*. Вода насквозь пропитывает мою одежду, заливается в каждую пору — и я дрожу. Несмотря на то что в последнее время я до неприличия часто предавался сну, он опять манит в свои объятия. Уже третью ночь подряд.

Спускаюсь на следующем съезде и забираюсь в огороженный треугольник, заросший зеленью, между шоссе и дорогой. Проламываюсь через кусты к рощице из десятка кедров, посаженных в строгом порядке для услаждения взора автомобильных призраков. Съезживаюсь под одним из деревьев — хоть какое-то укрытие — и закрываю глаза. На горизонте, как старая лампочка, мелькает молния. Гром отдается в моих костях, я погружаюсь во тьму.

Мы с Джули в "боинге". Я сразу понимаю, что это сон. *Настоящий*, даже не повтор очередной серии из жизни Перри Кельвина. Все, что я вижу, — мое собственное. По сравнению с первой попыткой в аэропорту картинка улучшилась, но если сравнивать с безупречным кинематографическим качеством видений Перри, она все равно смахивает на неуклюжее домашнее видео.

Поджав ноги, мы с Джули сидим друг напротив друга на белоснежном крыле самолета, парящего над облаками. Наши волосы тормозит ветер, но не сильнее, чем если бы мы ехали в родстере.

— Теперь тебе еще и сны снятся? — спрашивает Джули.

Нервно улыбаюсь:

— Похоже на то.

В ответ Джули не улыбается, а смотрит на меня холодным взглядом.

— Значит, пока ты не связался с девчонкой, тебе не о чем было видеть сны. Ты как школьник, которому больше не о чем в дневник писать.

Мы уже не в небе — мы сидим на зеленом, залитом солнцем пригородном газоне. На заднем плане чудовищно толстая парочка жарит на гриле куски человеческого мяса. Я стараюсь отвлечь внимание Джули на себя, так чтобы она их не заметила.

— Я меняюсь.

— Наплевать, — отвечает она. — Я уже дома. Я вернулась в реальный мир, где тебя не существует. Каникулы закончились.

По небу пролетает крылатый "мерседес" и исчезает с глухим хлопком.

— Меня больше нет, — говорит она. — С тобой было прикольно, но всему приходит конец. Так всегда бывает.

Качаю головой, не поднимая глаз:

— Я не готов.

— А ты думал, как будет?

— Не знаю. Я надеялся. На чудо, наверное.

— Чудес не бывает. Есть причина и следствие, мечта и реальность, жизнь и смерть — а

эта твоя надежда нелепа. Ну а романтичность — вообще курам на смех.

Смотрю на нее тяжелым взглядом.

— Тебе пора повзрослеть. Джули вернулась домой. Все снова так, как должно быть. Как было и будет всегда.

Джули ухмыляется, и я вижу ее зубы — неровные желтые клыки. Она тянется поцеловать меня — и сжевывает мои губы, выкусывает зубы, с визгом умирающего ребенка вгрызается в череп, в мозг. Я захлебываюсь в собственной горячей крови.

Я резко открываю глаза и встаю, отводя от лица мокрые ветви. Утро еще не наступило. Дождь так и льет. Выхожу из-под деревьев на пешеходный мост. Стою, опершись на поручень, и смотрю на пустое шоссе, исчезающее во тьме горизонта. В голове, как мигрень, бьется одна-единственная мысль: *вы не правы, уроды несчастные. Вы не правы во всем.*

Краем глаза замечаю на другом конце моста чью-то фигуру. Тяжелыми, размеренными шагами она движется ко мне. Сжимаюсь, готовлюсь к драке. Мертвые, которые слишком много времени провели в одиночестве, иногда теряют способность отличать живых от себе подобных. А некоторые так погружаются в себя, что им делается все равно. Они будут есть кого угодно, что угодно и где угодно, потому что не знают другого способа общения. Представляю, что какой-нибудь из этих потеряшек напал на Джули, когда она остановилась передохнуть, обхватил своими грязными лапами ее голову и впился зубами в шею, — мариную этот образ в голове и готовлюсь разорвать того, кто ко мне приближается, на кусочки. Стоит подумать, что кто-то может причинить ей вред, и меня охватывает такая первобытная ярость, что самому впору испугаться. Пожирание людей по сравнению с ней — детские игрушки.

Фигура все ближе. Вдруг все освещает вспышка молнии — и я опускаю руки.

— М?

Я его едва узнал. Лицо ему изрядно подпортили, судя по всему, клыками и когтями. По телу тут и там вырваны мелкие клочки плоти.

— Привет, — выдавливает он. Дождь струится по его лицу и заливает раны. — Пошли... уйдем... с дождя. — Он спускается мимо моих промокших деревьев на шоссе. Мы оказываемся на грязном, но сухом пятачке под мостом, где и съеживаемся в окружении старых пивных жестянок и давно использованных шприцев.

— Что... ты... тут... де... лаешь? — спрашиваю я, с трудом выдавливая каждый слог. Меньше дня молчал — и опять как в первый раз.

— У... гадай, — хмыкает М и демонстрирует свои раны. — Кости. Выгнали.

— Плохо.

— Фиг... ня, — хмыкает М, пиная облезлую пивную банку. Вдруг его обезображенное лицо перекашивает улыбка. — Знаешь... что? Со мной... ушли... другие.

Я смотрю на него и не понимаю.

— Ушли? Зачем?

Он пожимает плечами:

— Там... все... рехнулись. Быт... заел. — Тычет в меня пальцем. — Ты.

— Я?

— Ты и... она... что-то... сдвинули.

Под мост спускаются еще девять зомби и таращатся на нас без всякого выражения.

— Привет, — говорю я.

Они покачиваются и постанывают. Один кивает.

— Где... живая?

— Ее зовут Джули. — Слова льются с моего языка легко и свободно, как будто я не говорю, а полощу рот теплой ромашкой. Шесть слогов. Я снова побил рекорд.

— Джу... ли, — с усилием произносит М. — Ладно. Где... она?

— Ушла. Домой.

М внимательно разглядывает мое лицо. Роняет тяжелую руку на плечо.

— Ты... как?

Я закрываю глаза и делаю глубокий вдох.

— Плохо. — Смотрю на шоссе, ведущее в город, и в голове что-то расцветает. Чувство превращается в мысль, мысль — в решение. — Иду за ней.

— В... Стадион?

Киваю.

— Зачем?

— Спасать.

— От... чего?

— От всего.

М долго не сводит с меня глаз. Нам, мертвым, ничего не стоит пристально смотреть по несколько минут кряду. Не знаю, понимает ли он, о чем я, — я и сам не уверен, что понимаю. Но нутром чую: я знаю, что надо делать. У меня есть пусть не план, но зародыш плана. Мягкая розовая зигота.

М поднимает задумчивый взгляд в небо.

— Вчера... сон... видел. *Насто... яций. О прошлом.*

Я в шоке молчу.

— Вспомнил... детство. Лето. Манная... каша. Девочка. — Он снова смотрит на меня. — Как это?

— Что?

— Ты... чувствовал. Ты знаешь... что это?

— О чем ты... говоришь?

Во сне... — объясняет он с восторженным лицом. Он похож на ребенка, которому подарили телескоп. — Это... любовь?

По спине бегут мурашки. Что происходит? В какие непостижимые космические дебри несется наша планета? М видит сны, вспоминает прошлое, задает невероятные вопросы. Я то и дело ставлю новый рекорд по слогам. С нами под мостом, вдали от аэропорта и шипящих приказов Костей, еще девять мертвых... стоят и ждут... *чего-то*.

Перед нами расстилается новый холст. Что мы на нем нарисует? Какая краска первой брызнет на это пустое серое поле?

— Я... с тобой, — заявляет М. — Помогу... Войти. Спасти. — Он поворачивается к остальным. — По... можете? — спрашивает он тихо, не повышая голоса — Помо... жете... спасти... — Тут он закрывает глаза и напрягает память. — Спасти... *Джули?*

При звуках ее имени мертвые как будто ускоряются — у них вдруг дергаются пальцы, мечутся глаза. М, похоже, доволен.

— Найти... то, что... потеряли? — продолжает он таким уверенным голосом, каким ни разу на моей памяти не говорил. — Вытащить... на свет?

Зомби смотрят на М. Потом на меня. Потом друг на друга. Один пожимает плечами. Другой кивает.

— С-спа-а... с-сти-и, — удается прошептать третьему. Остальные согласно сопят.

По моему лицу растекается улыбка. Пусть я не знаю, что делать, и как, и к чему это приведет, но осадная лестница растет передо мной все выше, и я знаю — я снова увижу Джули. Мне не надо прощаться. И если эти едва стоящие на ногах беглецы хотят помочь, если они видят во мне нечто большее, чем мальчишку, погнавшегося за юбкой, пускай помогут. И мы все узнаем, что будет, если сказать "да", когда трупное окоченение кричит "нет".

Мы тащимся по шоссе на север, и гроза, будто испугавшись нас, отступает в горы.

Вот мы и в пути. Значит, мы куда-то идем.

ШАГ ВТОРОЙ

Беру

Я юн, я подросток, я здоров как бык, я силен, я полон энергии, но с каждой секундой я старею, мои клетки истончаются, остывают, деревенеют, темнеют. Мне пятнадцать, но каждая новая смерть добавляет десяток лет. Каждое бессмысленное зверство, каждая трагедия, каждая минута тоски. Я старюсь с каждой секундой.

Вот я, Перри Кельвин, в Стадионе. Я слышу птиц в стенах. Курлыканье голубей, мелодичное чириканье скворцов. Смотрю вверх, вдыхаю воздух. В последнее время воздух стал удивительно чистым, даже здесь. Не знаю, может, именно так и пах наш мир когда-то, за сотни лет до появления первого дымохода. Меня это и бесит, и завораживает — несмотря на усилия всех ученых, историков и поэтов, есть вещи, которых нам не дано знать. Как звучала первая песня? Какие чувства вызвала первая фотография? Кто придумал поцелуй? И сразу ли получилось хорошо, или пришлось упражняться?

— Перри!

Улыбаюсь и машу рукой своему маленькому обожателю. Вместе с десятком приемных братиков и сестричек они идут шеренгой через дорогу.

— Привет... дружок! — кричу я. Никак не запомню его имя.

— Мы идем в сад!

— Здорово!

Мне улыбается Джули Гриджо. Она шествует впереди шеренги, как царевна-лебедь. Мы живем в многотысячном городе, но все равно сталкиваемся почти каждый день — то рядом со школами, что логично, то в самых неожиданных местах, в отдаленных уголках Стадиона, где шансы на встречу стремятся к нулю. Кто кого преследует, я ее или она меня? Не важно. Каждая наша встреча — новый укол адреналина. Гормоны разбегаются по всему телу, выходят потом через ладони, приливают прыщами к лицу. В прошлый раз она отвела меня на крышу. Несколько часов мы слушали музыку, а когда зашло солнце, кажется, чуть не поцеловались.

— Перри, хочешь с нами? — предлагает она. — Мы на экскурсию.

— Супер! Я только что восемь часов отработал там, где у вас экскурсия.

— Слушай, у нас тут выбирать особо не из чего.

— Да я знаю.

Она жестом приглашает подойти поближе, что я тут же и делаю, изо всех сил притворяясь, что не больно-то и хотелось.

— Их что, вообще на улицу не пускают? — спрашиваю я, глядя на неуклюже марширующих детей.

— Миссис Грау сказала бы, что мы *и так* на улице.

— Я серьезно. Там же деревья, реки и все такое.

— Никого младше двенадцати не выпускают.

— Ужас.

— Ага.

Мы идем молча, только дети позади щебечут. Стены Стадиона нависают над ними, как родители, которых им никогда не узнать. Моя радость от встречи с Джули меркнет под внезапной завесой меланхолии.

— И как только ты все это выносишь, — говорю я.

Джули хмурится:

— Мы же *выходим* наружу. Два раза в месяц.

— Знаю, но...

— Что "но"?

— Тебе никогда не приходит в голову, что все это того не стоит? — объясняю я, неловко указывая на стены. Ее лицо каменеет. — Или ты тоже считаешь, что лучше сидеть

тут и не высовываться?

— Перри, — перебивает она меня с неожиданной злобой. — Не начинай об этом, твою мать, даже не начинай.

Позади вдруг наступает мертвая тишина, и Джули переключается на детей.

— Прошу прощения, — извиняется она доверительным шепотом. — Так говорить нехорошо.

— Твою мать! — кричит вдруг мой обожатель, и малышня разражается громким смехом.

— Зашибись, — фыркает Джули, закатывая глаза.

— Ай-ай-ай.

— А ты заткнись. Я серьезно. Хватит гадости говорить.

Нерешительно смотрю на нее.

— Мы выходим на улицу два раза в месяц. Те, кто ходят за провиантом, чаще. Зато мы живы.

Она словно Библию цитирует. Расхожую истину. Косится на меня с таким видом, будто сама не верит в свои слова, но тут же отворачивается.

— Не смей больше говорить гадости, — тихо повторяет она, — если хочешь с нами на экскурсию.

— Извини.

— Ты слишком мало здесь прожил. Ты вырос вдали от всего этого. Ты просто не понимаешь опасности.

Меня переполняет злость, но как-то я умудряюсь сдержаться. Я еще не знаю той боли, какая сейчас говорит за нее. Знаю только, что она глубока. Она закалила Джули — и в то же время сделала чудовищно хрупкой. Из чащи ко мне тянется ее рука — и ее шипы.

— Извини, — бормочу снова и хватаю ее за руку, вытаскиваю ладонь из кармана. Теплая. Я обхватываю пальцы Джули своими, холодными, и на ум почему-то приходят противные осьминожки щупальца. Усилием воли выкидываю их из головы. — Больше никаких гадостей.

Дети рассматривают меня — широко распахнутые глаза, румяные щеки без единого пятнышка. Я не знаю, кто они, что означают и что с ними станет.

— Пап.

— Что?

— Кажется, я встречаюсь с девушкой.

Папа откладывает планшет с бумагами и поправляет каску. Глубокие морщины на его лице расползаются в улыбке.

— Да ну?

— Кажется, да.

— С кем?

— С Джули Гриджо.

Отец кивает:

— Знаю такую. Она... Эй! Дуг! — кричит он вниз с вала рабочему, несущему стальную балку. — Куда сороковую взял? У нас по всем магистралям пятидесятки! — И опять мне: — А что, она хорошенькая. Ты только осторожно, она, похоже, та еще петарда.

— А я люблю петарды.

Папа улыбается и отводит глаза:

— Я тоже.

Трещит рация, и он принимается раздавать очередные инструкции. Я рассматриваю то, что он строит, — уродливую бетонную "дорогу". Мы стоим на краю пятиметровой стены длиной — пока что — в несколько кварталов. Параллельно тянется вторая стена. Главная улица, идущая через сердце города, постепенно превращается в огороженный коридор. Внизу рабочие устанавливают опалубку, готовясь заливать стены дальше.

— Пап.

— Что?

— Думаешь, глупо, да?

— Что?

— Влюбляться.

Задумавшись, он опускает рацию.

— Пер, ты о чем?

— Ну... сейчас. Когда все так... ненадежно. Глупо, наверное, тратить на это время. Когда мир может развалиться в любую секунду.

Папа смотрит на меня долгим взглядом.

— Когда я познакомился с твоей мамой, тоже так считал, — говорит он. — А у нас тогда только и было, что несколько войн да кризисов. — Опять трещит рация. Он не обращает внимания. — Мы с ней прожили девятнадцать лет. Думаешь, я бы передумал, если бы знал, что у нас всего год? Или месяц? — Он обводит глазами стройку и качает головой. — Никто тебе не скажет, какой должна быть жизнь, Перри. Мир не идеален, и не надейся, что когда-нибудь он таким станет. Он такой, какой есть, а как в нем жить — решать тебе.

Я смотрю в черные окна разрушенных офисных зданий. Мне представляются скелеты их обитателей, сидящие за рабочими столами, корпящие над своими делами, которые им никогда уже не закончить.

— А если неделя?

— Перри... — Отец немного удивлен. — Завтра не конец света, сынок. Понял? И мы работаем над тем, чтобы все исправить. Смотри. — Показывает вниз на рабочих. — Мы строим дороги. Мы соединим вместе стадионы и другие убежища, объединим наши силы и ресурсы, может быть, даже начнем искать лекарство. И ты, и я, и мы все... мы справимся. Рано еще сдаваться. Понял?

Я со вздохом уступаю:

— Понял.

— Точно?

— Точно.

Он улыбается:

— Ловлю на слове.

Эй, мертвяк, хочешь знать, что было дальше? — Шепчет Перри откуда-то из дебрей моего сознания. — Слабо угадать?

— Зачем ты мне все это показываешь? — спрашиваю у тьмы.

Потому что от меня больше ничего не осталось.. И я хочу, чтобы это испытал ты. Я еще не готов исчезнуть.

— Я тоже.

Ну хорошо. В его голосе мне слышится холодили улыбка.

— Вот ты где.

Джули залезает по лестнице ко мне — на крышу моего нового дома. Поднимаю на нее глаза и снова опускаю голову на руки. Осторожно переступая по жестяным листам, она подбирается поближе и садится рядом. Мы болтаем ногами в холодном осеннем воздухе.

— Перри?

Я молчу. Она наблюдает за мной сбоку, проводит двумя пальцами по моим растрепанным волосам. Ее синие глаза притягивают, как мощный магнит, но мне удается удержать себя в руках. Смотрю вниз на грязную улицу.

— Даже не верится, что я теперь здесь, — говорю я. — В этом дебильном месте. Среди отбросов.

Она отвечает тихо и не сразу:

— Они не отбросы, Перри. Когда-то их тоже любили.

— Недолго.

— Родители их *не бросили*. Они погибли.

— Какая разница?

Джули смотрит на меня так пронзительно, что ничего не остается, как тоже посмотреть ей в глаза.

— Перри, твоя мама тебя любила. В этом ты не можешь сомневаться. И твой папа тоже. — Это уже слишком. Я сдаюсь и принимаю удар. Отворачиваюсь, чтобы Джули не видела прорвавшихся на волю слез. — Можешь, если угодно, считать, что тебя бросил Бог, или судьба, или все равно что — но как минимум ты знаешь: *тебя любили*.

— Какая теперь разница, — бормочу я, отводя глаза. — Кому какое дело? Это было раньше. Теперь они мертвы. Вот и все.

Несколько минут мы молчим. От холодного ветра наши руки покрываются пупырышками. Откуда-то из лесов этот ветер задувает в огромную пасть Стадиона яркие листья и роняет их к нам на крышу.

— Знаешь что, Перри... — Голос Джули дрожит от боли. — Рано или поздно все умирает. Люди, города, цивилизации. Это же не секрет. Ничто не вечно. Ну и что, по-твоему? Живое или мертвое, здесь или нет — это весь наш выбор? Тогда в чем вообще смысл? — Она поднимает глаза на летящие сверху листья и ловит один — огненный, кленовый. — Мама говорила, для того нам и нужна память. И ее противоположность — надежда. Чтобы смысл имело и то, что мы потеряли. Чтобы взять пришлое и построить из него будущее. — Она вертит лист перед лицом. — Мама говорила, у жизни есть смысл, только если воспринимать время так же, как Бог. Прошлое, настоящее и будущее одновременно.

Разрешаю себе взглянуть на Джули. Она видит мои слезы и тянет руку, чтобы их вытереть. Я не отстраняюсь. Источник: <http://darkromance.ucoz.ru/>

— И что у нас в будущем? — спрашиваю. — Прошлое и настоящее я знаю, а будущее?

— Ну... — хмыкает она. — Это самое сложное. Если прошлое — это история, факты... Наверное, будущее — это надежда.

— Или страх.

Нет. — Джули трясет головой и втыкает кленовый лист мне в волосы. — Надежда.

Спотыкаясь, мертвые идут вперед, к Стадиону. Он занимает несколько кварталов, нависает надо всем вокруг — огромный памятник погибшей эпохе роскоши, миру расточительства, нужды и обманутых надежд. Уже второй день наш загробный отряд ковыляет вперед, как Керуаковы битники, не наскребшие даже на бензин. Они голодны. По пути между М и остальными происходит короткая немая ссора. Потом они останавливаются перекусить у старого заколоченного дома. Жду снаружи. Уже не помню, когда ел в последний раз, — но почему-то я абсолютно спокоен. Это спокойствие — равновесие голода и сытости. Крики людей, прятавшихся в доме, пронзают меня еще острее, чем в те дни, когда я участвовал в охоте. Хотя сейчас меня даже нет рядом. Я стою на улице, зажав уши руками, и жду, когда все закончится.

Когда они наконец выходят, М не поднимает на меня глаз. Он вытирает кровь с губ тыльной стороной ладони и с виноватым видом проходит мимо. Остальным еще далеко даже до М, но и в них уже что-то изменилось. Они не взяли ничего про запас. Они вытирают руки о штаны. Они идут в неловком молчании. Для начала неплохо.

Мы подошли к Стадиону так близко, что до нас доносится запах живых. Я снова прокручиваю в голове свой план. Честно говоря, план так себе. Он прост, как комикс, потому и должен сработать — никто еще такого не пробовал. Никому для такого раньше не хватало ясности мысли.

За несколько кварталов до ворот мы останавливаемся в заброшенном доме. Захожу в ванную и разглядываю себя в зеркале, как, наверное, бывший здешний жилец делал тысячи

раз. Мысленно прохожу через всю суматошную утреннюю рутину, вживаюсь в роль. Будильник, душ, костюм, завтрак. Хорошо ли я выгляжу? Достойное ли произвожу впечатление? Готов ли ко всему, что жизнь швырнет мне в лицо?

Я приглаживаю волосы гелем. Брызгаюсь лосьоном после бритья. Поправляю галстук.

— Готов, — говорю наконец остальным.

М внимательно меня изучает:

— Сойдет.

Мы выступаем к воротам.

Еще несколько кварталов, и запах живых становится почти нестерпимым. Стадион похож на огромную катушку Теслы, полную розовой, ароматной энергии жизни. Все замирают в благоговении. У некоторых течет слюна по подбородку. Если бы они не поели, тут бы наш непродуманный план и провалился.

Не дойдя до ворот, мы сворачиваем в переулок и прячемся за грузовиком. Выглядываю за угол. У главных ворот Стадиона стоят четверо стражников с винтовками, до них меньше двух кварталов. Они угрюмы, переговариваются короткими фразами. Между собой они используют даже меньше слогов, чем мы.

Я смотрю на М.

— Спасибо. За помощь.

— Фигня, — говорит он.

— Не... умри.

— По... стараюсь. Готов? — Киваю. — Не забудь... ты... живой.

Я улыбаюсь. Еще раз приглаживаю волосы, делаю глубокий вдох — и бегу.

— Помогите! — кричу я, размахивая руками. — Помогите! Они... гонятся!

Изо всех сил сохраняя естественную осанку, я бегу к воротам. Мертвые во главе с М гонятся за мной, театрально постанывая.

Охранники реагируют машинально: поднимают и винтовки и открывают огонь по зомби. На землю падает рука. Нога. Один из безымянных девяти бойцов теряет голову и падает. Но в меня не стреляет никто. С упорством марафонца я бегу вперед и представляю себе Джули. Я бегу размеренным шагом, нормально, *как живой*, а значит, по их классификации, попадаю в категорию "людей". Из ворот появляются еще двое, но на меня они и не смотрят. Прищурившись, они целятся в моих преследователей и кричат:

— Давай сюда! Скорее!

У меня за спиной падают еще два зомби. Уже из-за ворот вижу, что М с остальными отступает. Стоит им повернуть, их походка меняется. Они прекращают хромать и бегут, как живые. Не так быстро, как я, не так красиво, но уверенно, целеустремленно. Охранники мешкают, стрельба прекращается.

— Что за нах?.. — бормочет один.

За воротами стоит человек с блокнотом на планшете. Пограничник. Я должен буду назвать свое имя и заполнить стопку заявок, а потом меня, скорее всего, все равно выставят. Милостью этого пограничника, регулярно выгоняющего на улицу беззащитных бродяг, район рядом с воротами давно превратился в кормушку для мертвецов.

Он подходит, листая блокнот и не поднимая на меня глаз.

— Едва ушел, да? Мне нужно будет...

— *Тед! Иди сюда, посмотри!*

Тед поднимает глаза и видит за открытыми воротами ошарашенных солдат. Бросает мне:

— Подожди здесь.

Он выбегает наружу и замирает рядом с охранниками, глядя вслед небывало бодрым зомби, бегущим, совсем как живые. Мне остается только представлять, что написано у них на лицах, когда внутри все бурлит, а земля с отвратительной очевидностью уходит из-под ног.

Пока обо мне не вспомнили, поворачиваюсь и бегу прочь. Залетаю в темный коридор и мчусь вперед, к свету на другом конце туннеля, даже не зная, где я — в родовом канале или на дороге в рай.

Что я натворил? Так или иначе, отступить некуда. Укрытый полумраком красного вечернего неба, я вступаю в мир живых.

Спортивная арена, которую Джули зовет домом, непостижимо огромная. Наверное, это один из "суперстадионов", рассчитанный на два мероприятия одновременно и построенный еще в те времена, когда величайшим затруднением для большинства людей было куда пойти развлечься. Снаружи смотреть особо не на что — гигантский бетонный забор овальной формы, бетонный ковчег, который даже Господу не удалось спустить на воду. Но изнутри у Стадиона есть душа: здесь царит хаос, стремящийся к порядку, — как если бы бесконечные бразильские трущобы спроектировал архитектор-модернист.

Вместо трибун повсюду высятся миниатюрные небоскребы — шаткие башенки, маленькие, но высокие — максимум жилья на минимум площади. Стены собраны из мешанины вторсырья: одна башня внизу бетонная, но чем выше, тем более хлипкой она становится — бетон сменяется сталью, сталь — пластиком, а завершается все это девятым этажом, сбитым на соплях из подмоченной фанеры. Кажется, большая часть зданий готова развалиться от малейшего ветерка, но их скрепляет жесткая сеть стальных канатов, тянущихся от башни к башне и накрепко соединяющих все домики в единую конструкцию. Надо всем этим нависают стены Стадиона, ошетилившиеся вырванными трубами, проводами и стержнями арматуры. Тусклые уличные фонари мерцают оранжевым, и Стадион — этот игрушечный город — задыхается в хаосе теней.

Стоит выйти из туннеля, в мои ноздри бьет сокрушительный запах жизни. Он повсюду — сладкий и до боли сильный, я как будто тону во флаконе с духами. Но даже в этом смоге я чувствую Джули. Ее запах выбивается из хаоса, зовет, как голос под водой.

Я иду на зов.

Улицы здесь не шире тротуаров снаружи — узкие дорожки, залитые асфальтом поверх искусственного газона. Местами газон пробивается наружу, как пронзительно-зеленый мох. Нигде нет ни названий улиц, ни указателей. Вместо имен президентов и названий деревьев — белые примитивные рисунки: яблоко, мяч, кошка, собака — будто иллюстрации из букваря. Грязь везде, она покрывает асфальт ровным слоем, а по углам скапливаются ошметки повседневной жизни — жестянки, окурки, использованные презервативы и гильзы.

Я очень стараюсь не глазеть по сторонам, как турист, но мой взгляд приклеивается к каждой обочине, каждой крыше — им управляет что-то посильнее праздного любопытства. Я никогда здесь не был, но мной завладел призрак узнавания, ностальгии. Иду по улице, которая, видимо, называется "улица Глаза", и во мне просыпается память.

Здесь все началось. Сюда нас отправили, когда затопило берега. Когда полетели бомбы. Когда наши друзья умерли и восстали из мертвых беспощадными незнакомцами.

Это говорит не Перри. Это нестройный хор всех поглощенных мной жизней, собравшихся во мраке моего подсознания пропустить стаканчик и предаться воспоминаниям.

Флаг-авеню, изукрашенная цветами национального флага еще в те времена, когда нации существовали и их цвета имели значение. Улица Ружей, где они разбили первые военные лагеря и планировали военные действия против бесчисленных врагов — и мертвых, и живых.

Держусь как можно ближе к стене, опустив голову. Если на пути попадаете прохожий, до последнего смотрю прямо перед собой и только потом, чтобы не показаться странным, мельком встречаюсь с ним взглядом. Неловко киваем друг другу и расходимся.

Картонный домик цивилизации развалился чуть ли не сам по себе. Несколько слабых порывов ветра — и все. Равновесие разрушено, чары рассеялись. Закопослушные граждане обнаружили, что их сковывают лишь воображаемые границы. У них были нужды, средства и возможности — и они ими воспользовались. Стоило выключить свет — все прекратили

притворяться.

Меня беспокоит мой костюм. Все, кого я до сих пор видел, одеты в плотные серые джинсы, влагооталкивающие куртки и заляпанные грязью рабочие ботинки. Из какого мира я явился? Разве остался еще хоть кто-нибудь, кто до сих пор следует моде? Даже если никто не догадается, что я зомби, все равно кто-нибудь может наступать на чокнутого пижона, который шляется в модной рубашке и при галстукке. Ускоряю шаг, отчаянно приносясь к запаху Джули.

Остров-авеню. Здесь они обустроили площадь для всеобщих собраний, и здесь, как нам тогда казалось, "они" наконец стали "нами". Мы голосовали, выбирали себе лидеров — обаятельных, с белоснежными чубами и безупречно подвешенным языком — и совали им в руки все наши страхи и мечты, ведь у людей с таким крепким рукопожатием не может быть слабых рук. И нас всегда подводили. Иначе и быть не могло. Ведь они тоже были всего лишь людьми.

Сворачиваю с улицы Глаза к центру. Запах Джули становится все сильнее, но откуда он идет, до сих пор непонятно. Я все надеюсь на подсказку от несмолкающего хора в моей голове, но мои дела мало его интересуют.

Улица Алмаза — здесь мы построили школы, когда наконец поняли, что именно этот мир и унаследуют наши дети. Мы учили их стрелять, месить бетон и убивать, а если они успевали овладеть этими навыками прежде, чем попадут кому-нибудь на обед, — читать, писать, убеждать, объяснять и понимать этот мир. Сначала, пока вера и надежда нас еще не оставили, мы старались. Но карабкаться в гору под дождем было тяжело. И многие соскользнули вниз.

Эти воспоминания несколько устарели. К примеру, улица Алмаза переименована. Табличка с названием сверкает свежей зеленой краской. К моему удивлению, на ней красуется какое-то слово. С любопытством подхожу к нетипично крупной для Стадиона металлической постройке. Запах Джули все еще слаб, да мне и не следовало бы останавливаться, но здесь, в свете этих окон, мой внутренний хор корчится в незримых муках. Стоит прижать нос к стеклу — и он резко умолкает.

Большое, просторное помещение. Ряды белых металлических столов под флуоресцентными лампами. Десятки детей не старше десяти сидят за столами, каждый ряд занимается отдельным делом. Ряд чинит генераторы, ряд очищает бензин, ряд чистит винтовки, точит ножи, зашивает раны. В самом углу, вплотную к моему окну, ряд анатомирует трупы. Только это, конечно, не трупы. Девочка лет восьми с белокурыми хвостиками срезает плоть с лица "трупа", обнажая его кривую скелетную ухмылку. Он распахивает глаза, озирается, несколько раз дергает свои оковы — и устало расслабляется со скучающим видом. Смотрит в окно, встречается со мной взглядом — но тут девочка вырезает ему глаза.

Мы пытались создать прекрасный мир, — шепчут голоса. — Многие приняли конец света за возможность начать все заново, исправить ошибки истории, смягчить нескладный пубертат человечества современной мудростью. Но все случилось слишком быстро.

С другой стороны здания доносится шум драки — скрип ботинок о бетон, удары локтей о стены из чистового железа. Потом слабый, низкий стон. Иду в обход в поисках лучшей точки обзора.

Все, кто остался снаружи — люди, чудовища, — спали к видели, как украсть то немного, что у нас есть, а внутри, в тесной коробочке бурлила наша собственная безумная мешанина культур и языков и несовместимых ценностей. Наш мир оказался слишком мал, чтобы в нем сосуществовать. Ни гармонии, ни согласия так и не наступило. И мы изменили свои цели.

В другом окне я вижу большое, плохо освещенное помещение — какой-то склад, заваленный разбитыми машинами и всякими прочими обломками, как будто нарочно разложенными так, чтобы имитировать городской пейзаж. Вокруг загона, собранного из

отсеков бетонного забора и сетки-рабицы, толпятся подростки. Это похоже на "зону свободы слова", которые когда-то устанавливали, чтобы демонстранты не разбредались куда попало. Но сейчас в клетке не толпа диссидентов с транспарантами, а всего четверо — один мальчишка, с ног до головы одетый в полицейскую броню, и трое сильно покалеченных зомби.

Можно ли винить средневековых знахарей за их методы? За кровопускания, за пиявок, за дырки в черепах? Они нащупывали свой путь вслепую, добивались чуда без помощи науки — но ведь им грозила чума, и они должны были хоть что-то делать. А когда пришел наш черед, ничего не изменилось. Несмотря на все наши знания и технологии, наши лазерные скальпели и системы социального обеспечения, мы оказались такими же слепыми и безрассудными.

Мертвые на арене заморены голодом и едва держатся на ногах. Они, очевидно, понимают, что происходит, но давно потеряли даже тот контроль над собой, который у них оставался. Они бросаются на мальчишку. Тот поднимает ружье.

Снаружи все утонуло в крови, волны уже перехлестывали к нам — стены нужно было укрепить. Мы поняли, что ближе всего к объективной правде то, во что верит большинство, — и мы выбрали большинство и наплевали на остальных. Мы назначили генералов и строителей, полицейских и инженеров, мы отказались от всего лишнего. Мы ковали наши идеалы, пока в них не осталось ни капли нежности и доброты, пока не остался один лишь жесткий каркас, способный выдержать мир, который мы сами для себя создали.

— Не так! — кричит тренер подростку в клетке, который палит по мертвым как попало, пробивает им дырки в груди, отстреливает пальцы и ноги. — В голову давай! Забудь, что там еще что-то есть! — Мальчишка делает еще два выстрела мимо — пули летят в оклеенный фанерой потолок. Самый быстрый из троих зомби выкручивает ему руки и отнимает ружье. Пару секунд мертвый сражается со спусковым крючком, настроенным на распознавание пульса, наконец отбрасывает ружье в сторону и прижимает мальчишку к забору, пытаясь прокусить его зарешеченный защитный шлем. Тренер врывается в клетку и в упор простреливает зомби голову из пистолета.

— Помните, — объявляет он, убирая пистолет в кобуру, — у любой автоматической винтовки, а в особенности у этих старых "мосбергов" отдача дергает ствол вверх, так что цельтесь ниже, иначе все ваши выстрелы уйдут в молоко. — Подобрал ружье, он пихает его обратно в дрожащие руки ученика. — Продолжай.

Мальчишка медлит, потом поднимает ружье и делает два выстрела. Брызги крови и слизи летят ему в защитную маску, окрашивая ее в черный цвет. Он срывает шлем и, тяжело дыша, замирает над двумя трупами, изо всех сил сдерживая слезы.

— Отлично, — говорит тренер. — Прекрасно. — Кто следующий?

Мы знали, что так нельзя. Мы знали, что уничтожаем себя такими способами, каким даже нет названия, и рыдали иногда, вспоминая лучшие времена. Но другого выхода не видели. Мы делали все, чтобы выжить. Мы слишком вымотались, чтобы решить уравнения, скрытые в корне наших проблем.

Шумное сопение у ног отвлекает меня от происходящего за окном. Смотрю вниз и вижу щенка немецкой овчарки. Он сосредоточенно принюхивается к моей штанине. Смотрит мне в глаза. Я смотрю на него. Щенок радостно пыхтит и начинает жевать мою икру.

— Трина, фу! — К нам подбегает маленький мальчик, оттаскивает щенка через дорогу за ошейник и загоняет в дом. — Фу, стыдно!

Трина упирается и с тоской оглядывается на меня.

— Извините! — кричит мальчишка с порога. Я машу ему рукой: *ничего страшного.*

Рядом с ним возникает девочка. Она тоже останавливается на пороге, выпячивает живот и принимается меня рассматривать. У нее большие, темные глаза и темные волосы, у мальчика — светлые кудряшки. Обоим лет по шесть.

— Вы маме не скажете? — спрашивает девочка. Качаю головой, сглатываю внезапно накатившие эмоции. Чистые голоса, безупречная детская дикция...

— Вы знаете... Джули? — говорю я.
— Джули Каберне? — переспрашивает мальчик.
— Джули Гри... джо.
— Джули Каберне очень хорошая. Она нам каждую среду читает.
— *Сказки!* — добавляет девочка.
Это имя мне не знакомо, но чье-то обрывочное воспоминание за него цепляется.
— Вы знаете... где она живет?
— На улице Ромашек, — говорит мальчик.
— Нет, на улице Цветов! Там цветок нарисован!
— Ромашка *тоже* цветок.
— Ой, да.
— Она на углу живет. Угол улицы Ромашек и Черт-авеню.
— Корова-авеню!
— Там не корова, а черт. У них у обоих рога есть.
— Ой.
— Спасибо, — говорю я и собираюсь уходить.
— А вы зомби, да? — застенчиво спрашивает девочка. Я замираю. Она ждет моего ответа, покачиваясь взад-вперед на подошвах ботинок. Беспечно улыбаюсь и пожимаю плечами:

— Джули... так не думает.

С пятого этажа детям сердито кричат что-то насчет комендантского часа и чтобы они закрыли дверь и не разговаривали с незнакомцами, так что я машу им рукой и отправляюсь на угол Ромашек и Черта. Солнце уже заходит, небо ржавеет на глазах. Громкоговоритель вдалеке тараторит какую-то последовательность цифр, и большая часть окон погружается во тьму. Распускаю узел на галстук и бегу вперед.

С каждым кварталом запах Джули все сильнее. Когда в овальном небе Стадиона загораются первые звезды, я поворачиваю за угол и замираю перед одиноким домиком, обшитым белым сайдингом. Большая часть домов тут, похоже, многоквартирные, но этот меньше и уже остальных. Он смущенно держится на расстоянии от своих набитых под завязку соседей. Четырехэтажный, максимум в две комнаты шириной, он похож на внебрачное дитя загородного дома и тюремной сторожевой вышки. Одно из окон третьего этажа выходит на балкон. На аскетичном фоне он кажется романтической нелепостью, пока я не замечаю установленные по углам снайперские винтовки.

Затаившись за ящиками во дворе, устеленном искусственным газоном, я прислушиваюсь к доносящимся сверху голосам. Закрываю глаза и наслаждаюсь, их нежными тембрами и терпкими ритмами. Я слышу Джули. Джули что-то обсуждает с другой девушкой, и их голоса полны джазовых вибраций и синкоп. Сам того не замечая, я пританцовываю под ноты их разговора.

Наконец они замолкают, и Джули выходит на балкон. Мы расстались всего день назад, но меня охватывает чувство воссоединения, такое сильное, будто я ждал его десятки лет. Джули опирается локтями на перила. Она босая и одета в одну черную футболку. Кажется, ей холодно.

— Вот я и снова дома, — говорит она, судя по всему, ни к кому не обращаясь. — Папа хлопнул меня по плечу, когда я вернулась. Натурально хлопнул, как будто он футбольный тренер какой-то. Сказал: "Рад тебя видеть", — и убежал на рабочую встречу. Какой он все-таки... правда, *душкой* он никогда не был, но... — Слышу щелчок, на некоторое время она замолкает. Еще один щелчок. — Пока я ему не позвонила, он считал, что я погибла, так? Поисковые отряды он посылал, конечно, но где это видано, чтобы после такого возвращались-то? Значит, я была для него... мертва. Может, я слишком много от него хочу, не знаю. Но вряд ли он проронил хотя бы слезинку. Не знаю, кто и как ему сообщил. Все равно. Наверное, они похлопали друг друга по плечу, сказали "крепись, солдат" и вернулись

к работе. — Джули смотрит вниз, как будто видит землю насквозь до самого адского пекла в ядре. — Что с ними со всеми творится? — шепчет она так тихо, что я едва разбираю слова. — Может, они родились такими... дефектными? Или уже потом растеряли детали?

Некоторое время Джули молчит, но когда я уже готов выйти из укрытия, вдруг закрывает глаза и со смехом качает головой.

— С ума сойти... я скучаю по этому... Я *скучаю по Р!* Безумие... а впрочем, почему? Только потому что он... такой, какой есть? И вообще, "зомби" — дурацкое слово. Название для того, чего мы не понимаем. И что такого в имени? Если бы мы... Если бы можно было... — Она замолкает, подносит диктофон к лицу и угрюмо его разглядывает. — Какая все-таки хрень этот аудиодневник, — бурчит она. — Не мое. — И швыряет диктофон вниз. Отскочив, он падает мне под ноги. Подбираю, засовываю в карман рубашки и прижимаю к груди — уголки впиваются мне в кожу. Если я когда-нибудь вернусь к себе в "боинг", то положу сувенир рядом с тем местом, где сплю. Джули запрыгивает на поручень с потрепанным "молескином" в руках и замирает спиной ко мне.

Просто дневник или стихи?

И то, и то, глупый.

А про меня там есть?

Выхожу из тени.

— Джули, — шепчу я. Даже не вздрогнув, она медленно оборачивается. Ее лицо смягчается и, как снег весной, тает в улыбке.

— Боже мой, — почти смеется она и спрыгивает с перил. — Р! Ты *здесь!* Господи!

— Привет, — ухмыляюсь я.

— Что ты здесь *делаешь?*! — шепчет она, боясь ненароком повысить голос.

Я пожимаю плечами. Этим жестом легко злоупотребить, но и он бывает к месту. В таком неопишемом мире, как наш, ему причитается главная роль, в лексиконе.

— Пришел... навестить.

— Я должна была вернуться, помнишь? А ты должен был попрощаться.

— Не знаю... почему... ты говоришь... прощай... я говорю... привет.

Сначала она не знает, как реагировать, но потом ее дрожащие губы расплываются в нерешительной улыбке.

— Господи, какой же ты придурок, Р, честное слово...

— Джулс! — раздается вдруг голос из дома. — Иди сюда, хочу тебе кое-что показать.

— Сейчас, Нора, — отвечает Джули и смотрит на меня. — Ты с ума сошел! Тебя тут убьют. Нашим главным все равно, как ты изменился, они и слушать тебя не станут, *пристрелят* — и все. Ты понял?

Киваю:

— Да.

И лезу вверх по водосточной трубе.

— Р! Господи! Ты слышишь, что я тебе говорю?! Вскоре, взобравшись примерно на метр, я понимаю, что хоть и могу бегать, говорить и, кажется, даже влюбляться, карабканье по трубам все еще не мой конек. Срываюсь вниз и падаю на спину. Джули закрывает рот руками, но все равно не может сдержать смех.

— Эй, Каберне! — снова зовет Нора. — Ты там что, с кем-то разговариваешь?

— погоди минутку, ладно? Я делаю запись на диктофон.

Поднимаюсь и отряхиваюсь. Смотрю вверх на Джули. Она глядит на меня хмуро, прикусив нижнюю губу.

— Р, — говорит она жалобно. — Тебе нельзя...

Тут балконная дверь распаивается и появляется Нора. Она очень выросла, хотя кудри у нее все такие же густые и растрепанные, как у меня в видениях. До сих пор я видел ее только сидящей — окапывается, она очень высокая, чуть не на голову выше Джули. Нора тоже босая, в юбке камуфляжной расцветки. Я думал, они с Джули одноклассницы, но теперь понимаю, что Нора старше — ей, наверное, лет двадцать пять.

— Что ты тут... — начинает она и вдруг видит меня. Ее брови ползут вверх. — Господи боже, это что, он?

Джули вздыхает:

— Нора, это Р. Р, это Нора.

У Норы такое лицо, как будто я снежный человек или, на худой конец, единорог.

— Э-э... приятно познакомиться... Р.

— Взаимно, — отвечаю я. Нора хлопает себя по губам, чтобы сдержать восторженный писк, и переводит взгляд с меня на Джули и обратно.

— Что нам делать? — спрашивает Джули, стараясь не обращать внимания на ее восторги. — Он только что пришел. Вот пытаюсь объяснить, что его тут убьют.

— Для начала надо провести его в дом, — отвечает Нора, не сводя с меня глаз.

— В дом? Ты с ума сошла?

— Да ладно тебе, твой папа еще пару дней не вернется. Тут безопаснее, чем на улице.

Джули задумывается.

— Ладно. Подожди, Р, я сейчас за тобой спущусь.

Обхожу дом и нервно жду у парадного входа. Она со стыдливой улыбкой открывает дверь. Я при галстуке и в модной рубашке. У нас выпускной бал перед концом света.

— Привет, Джули, — говорю я, как будто только что пришел.

Поколебавшись, она заключает меня в объятия.

— Ты знаешь, я по тебе скучала, — говорит она в мою рубашку.

— Я... слышал.

Она отстраняется и смотрит мне в глаза — в ее взгляде сверкают дикие искорки.

— Слушай, Р... — говорит она. — А если я тебя поцелую, я тогда... ну... тоже превращусь?

Мысли скачут, как игла проигрывателя во время землетрясения. Насколько мне известно, властью превратить живого в мертвого, кроме, собственно, смерти, обладает только укус — насильственная передача крови и лимфы. Только так можно ускорить неизбежное. С другой стороны, что-то мне подсказывает, что на такой вопрос еще никому отвечать не приходилось.

— Вряд ли... — говорю. — Но...

Другой конец улицы вдруг освещается фонариком. Ночную тишину прерывают командные голоса двух патрульных.

— Черт, патруль, — шепчет Джули, затаскивая меня в дом. — Комендантский час, надо погасить свет. Пойдем.

Она взбегаєт вверх по ступенькам, я поднимаюсь за ней. В груди бурлит смесь облегчения и досады.

Дом Джули кажется нежилым. В кухне, в общей комнате, в коротких коридорах и на крутых лестницах голые, ничем не украшенные стены. Минимум мебели, да и та пластиковая, ряды флуоресцентных ламп злобно сияют на бежевый ковролин. Пустые комнаты и запах отчаяния — это место больше похоже на какой-то заброшенный офис, чем па жилой дом.

Проходя по комнатам, Джули выключает за собой свет. Когда мы добираемся до ее спальни, дом уже погружен во тьму. Здесь она тоже гасит верхний свет и оставляет только настольную лампу. Я делаю шаг внутрь и, медленно кружась на месте, жадно впитываю то, чем живет Джули.

Будь ее разум комнатой, именно так бы он и выглядел.

Стены покрашены в разные цвета. Красная, белая, желтая, черная — и надо всем этим небесно-голубой потолок, увешанный игрушечными самолетиками. Каждая стена посвящена отдельной теме. Красная почти целиком покрыта билетами в кино и музыкальными афишами, выцветшими и пожелтевшими от старости. Белая вся в картинах — от пола, где висит ряд любительских акрилов, до самого потолка, где коллекцию венчают три великолепных холста: спящая девушка, которую вот-вот разорвут тигры, кошмарный Иисус

на геометрическом кресте и сюрреалистический пейзаж с оплавившимися часами.

— Узнаешь? — спрашивает Джули, которую явно распирает от гордости. — Сальвадор Дали. Оригиналы, конечно.

Нора возвращается с балкона и смеется, глядя на меня, чуть ли не носом уткнувшегося в холсты.

— Неплохо, да? Мы с Перри хотели подарить ей "Мону Лизу" на день рождения, потому что она тоже вечно так ухмыляется — вот опять, смотри! — но на своих двоих до Парижа далековато. Приходится обходиться местными выставками.

— У Норы дома целая стена увешана Пикассо, — добавляет Джули. — Если бы хоть кому-нибудь еще было дело до искусства, мы бы уже считались грабителями века.

Сажусь на корточки, чтобы поближе рассмотреть нижний ряд.

— Это Джули рисовала, — сообщает Нора. — Правда, здорово?

Джули раздраженно отводит глаза:

— Нора заставила меня их повесить.

Я внимательно рассматриваю картины, выискивая в неловких мазках секреты их создательницы. Два холста — яркие краски и истерзанная, неровная поверхность. Третья — неумелый портрет женщины со светлыми волосами. Смотрю на черную стену с ее единственным украшением — захватанным поляроидом той же женщины. Джули плюс двадцать лет нелегкой жизни. Заметив, куда я смотрю, Джули переглядывается с Норой.

— Это мама, — говорит она. — Ушла, когда мне было двенадцать лет. — Закашлявшись, Джули отворачивается к окну.

Кивая на неожиданно пустую желтую стену, вопросительно поднимаю брови.

Это... это стена надежд, — объясняет Джули с ноткой смущенной гордости и почти детской невинностью. — Я приготовила ее для того, что ждет меня в будущем.

— Нап... пример?

— Не знаю. Зависит от того, что случится. Надеюсь, что-нибудь хорошее.

Джули пожимает плечами, закрывая тему, и садиться на край кровати. Постукивает пальцами по колену и смотрит на меня. Нора садится рядом. Стульев нет, так что я опускаюсь на пол. Если тут и есть ковер, то его не видно под грудой мятой одежды.

— Ну что ж... Р, — нарушает молчание Нора. — Ты зомби. Как это — быть зомби?

— Я... э-э...

— Как это случилось? Когда ты превратился?

— Не... помню.

— Не вижу на тебе ни старых укусов, ни огнестрельных ран — ничего. Очевидно, ты умер сам. Неужели рядом не нашлось охотников выжрать тебе мозг?

Пожимаю плечами.

— Сколько тебе лет?

Пожимаю плечами.

— На вид меньше тридцати, но может быть и больше — у тебя лицо такое. А почему ты не гниешь? Я даже запаха почти не чувствую.

— Я не... э-э...

— А функции организма у тебя все работают? Ведь нет, так? Я о чем — ты еще можешь... ну... это?

— Господи, Нора, — перебивает Джули и для пущей убедительности тычет ее локтем в бок. — Оставь его в покое. Он не на допрос пришел.

Смотрю на Джули с благодарностью.

— Но у меня тоже есть вопрос, — говорит она. — Как ты сюда *попал*? Там же охрана.

Пожимаю плечами:

— Вошел.

— Ас охраной что?

— Притворился... живым.

— И они тебя пустили? — не унимается она. — *Тед* тебя пустил?

— Он... отвлек... ся.

Джули хлопает себя по лбу:

— Вот это да. Это же... — Тут она замолкает, и на ее лице вдруг появляется недоверчивая улыбка. — Ты выглядишь... по-другому. Р, ты причесался, что ли?

— Он под живого замаскировался! — хохочет Нора. — Вот умора!

— Невероятно. Не понимаю, как тебе удалось. Никогда ни о чем таком и не слышала.

— Думаешь, он сойдет за живого? — говорит Нора. — Что будет, если вывести его на улицу, к людям?

Джули придиричиво меня разглядывает, как фотограф, которому навязывают толстую модель:

— Наверное... *шанс есть*.

Я ерзаю под их испытующими взглядами. Наконец Джули, тяжело вздохнув, встает.

— В общем, пока мы не знаем, что с тобой делать, придется тебе остаться тут как минимум до завтра. Пойду погрею рису. Нора, ты будешь?

— Нет, я утром приняла карбтеин, — отвечает она и с опаской косится на меня. — А ты, Р... не голодный?

Качаю головой:

— Нет, спасибо.

— Потому что я, например, понятия не имею, что нам делать с твоей диетой. То есть делать-то нечего, Джули говорила, что у тебя нет выбора, но все равно тут...

— Правда, — перебиваю я. — Все... нормально.

Она смотрит на меня с недоверием. Я знаю, какие картинки мелькают сейчас у нее перед глазами. Темная комната, залитая кровью. Ее друзья, умирающие на полу. Я, тянущий к Джули окровавленные руки. Даже если Джули и убедила ее, что я особенный, подозрительным взглядам удивляться не стоит. Нора разглядывает меня еще несколько минут. Потом бросает это дело и принимается скручивать косяк.

Когда Джули возвращается с рисом, я с улыбкой беру ложку и кладу немного в рот. Как и все остальное, рис мало чем отличается на вкус от картона. Но все же мне удастся его проглотить. Джули с Норой переглядываются.

— И как тебе? — интересуется Джули.

Корчу противную рожу.

— Все равно! Ты очень давно не ел — и все еще на ногах. Как думаешь, вдруг у тебя когда-нибудь получится совсем отказаться от живой еды?

Криво улыбаюсь:

— Наверное... *шанс есть*.

Джули улыбается до ушей. Отчасти ее смешит мой сарказм, отчасти она радуется скрытой за ним надежде. Я еще ни разу не видел ее такой счастливой, и от всей души надеюсь, что не ошибся. Что это правда. Что я еще не научился врать.

К часу ночи Джули с Норой начинают зевать. В общей комнате есть раскладные койки, но уходить туда никто не хочет. Этот ярко раскрашенный кубик — теплый бункер в ледяной пустоте Антарктиды. Нора ложится на кровать. Я и Джули — на пол. Примерно полчаса Нора пишет что-то в блокнот, потом щелкает лампой и вскоре уже похрапывает, как крошечная, грациозная бензопила. Мы с Джули лежим под толстым одеялом на груди ее одежды, сваленной на жестком полу вместо матраса. Здесь все пропитано ее запахом. Я полностью окружен. Она сверху, и снизу, и рядом. Вся эта комната сделана из нее.

— Р, — шепчет Джули, глядя в потолок. Он весь изрисован и исписан люминесцентной краской.

— Что?

— Я ненавижу это место.

— Знаю.

— Давай сбежим куда-нибудь.

Я молчу и гляжу в потолок. Жаль, что я не могу прочесть, что там написано. Я представляю, что буквы — это звезды. Слова — созвездия.

— Куда... хочешь?

— Не знаю. Далеко. На какой-нибудь затерянный континент, где ничего такого не было. Где все живут в мире.

Я молчу.

— Перри дружил с одним бывшим летчиком... давай запустим твой самолет! Он будет как автофургон с крыльями! Мы куда угодно сможем полететь! — Джули поворачивается ко мне. — Что скажешь, Р? Хоть на край света!

Ее голос исполнен такого восторга, что у меня сводит скулы. Надеюсь, сейчас достаточно темно и она не видит моего мрачного взгляда. Я не знаю наверняка, но в последнее время, стоит мне выйти в город, я чувствую застывшую в воздухе мертвенную тишину, означающую, что время, когда от проблем можно было сбежать, кончилось навсегда. Нет больше ни отпусков, ни путешествий, ни курортов. Чума поглотила весь мир.

— Ты... сказала... — начинаю я, собирая волю в кулак, чтобы выразить сложную мысль. — Ты... сказала... что...

— Давай, — подбадривает Джули. — Ты прекрасно умеешь говорить.

— Ты... сказала... самолет... не целый... мир.

Ее улыбка меркнет.

— Я? Я такое говорила?

— Твой отец... бетонный... ящик... стены... ружья... Бежать... не лучше, чем... прятаться. Может, хуже.

Джули задумывается.

— Знаю, — отвечает наконец она, и мне становится стыдно, что я прервал полет ее фантазии. — Все я знаю. Я уже много лет так говорю: что надежда еще есть, что все еще можно изменить и все такое, и вообще. Просто... в последнее время верить становится все сложнее.

— Знаю, — эхом повторяю я, пытаюсь скрыть трещины в моей искренности. — Но... сдаваться... нельзя.

Она просекает мой блеф. Ее голос мрачнеет.

— Откуда вдруг столько оптимизма? Что ты на самом деле думаешь?

Я молчу, но мои мысли для нее — газетная передовица, из тех, что постепенно уменьшающимся шрифтом сообщали о "Титанике", атомной бомбе и всех мировых войнах.

— Бежать некуда, да? — говорит она.

Едва заметно киваю.

— Весь мир. Неужели весь мир погиб? Весь захвачен?

— Да.

— Откуда ты знаешь?

— Не знаю. Но... чувствую.

Она тяжело вздыхает и принимается рассматривать висящие под потолком игрушечные самолетики.

— И что нам теперь делать?

— Надо все... исправить.

— Что исправлять-то?

— Не знаю. Все.

Джули привстает на локте.

— О чем ты? — Она уже не пытается говорить тихо. Нора поворачивается на бок и прекращает храпеть. — Все исправить? И как ты предлагаешь это сделать? Будь добр, поделись, пожалуйста, если у тебя есть гениальный замысел. А то ведь я *совсем* об этом и не думала. В самом деле, не ломать же над этим голову каждую секунду, с тех пор как мама ушла? Как все исправить? Все так изломано. Люди умирают снова и снова, все страшнее и мучительнее. И что нам делать? Или ты знаешь причину этой чумы?

Я отвечаю не сразу:

— Нет.

Тогда что ты можешь сделать? Р, я правда хочу знать. Как мы можем "все исправить"?

Смотрю в потолок на мерцающие в космической дали созвездия слов, отпускаю разум парить в воображаемом пространстве. Вдруг две звезды начинают меняться. Они кружатся, фокусируются и, наконец, обретают безупречную четкость. Они становятся... *буквами*.

П

Р

— Пр... — шепчу я.

— Что?

— Пр, — повторяю. Это звук. Даже слог. Туманное созвездие превращается в слово.

— Что это? — спрашиваю я и показываю в потолок.

— Что "что"? Цитаты?

Встаю и очерчиваю рукой нужное предложение:

— Вот это.

— Это строчка из "Представь" Леннона.

— Какая?

— "Попробуй, это просто".

Я замираю, глядя в потолок, как отважный покоритель космоса. Потом опять ложусь, подложив руки под голову, широко раскрыв глаза. У меня нет ответов для Джули, но я чувствую, они существуют. Тусклые мерцающие точки в темной дали.

Тихие шаги. Грязь под ботинками. Ни взгляда в сторону. Странные мантры крутятся у меня в голове. Старые, дряхлые мантры из темных переулков. *Куда ты идешь, Перри? Глупый ребенок. Безмозглый мальчишка. Куда?* Каждый день вселенная становится все больше, темнее, холоднее. Замираю у черной двери. В этом железном доме живет девочка. Я ее люблю? Трудно сказать. Но кроме нее ничего не существует. Она — одинокое красное солнце в расширяющейся пустоте.

Я захожу в дом. Она сидит на лестнице, обняв колени. Прикладывает палец к губам.

— Папа, — шепчет она.

Смотрю вверх, в сторону комнаты генерала. Из сумерек доносится его голос:

— Вот и ты, Джули. Водная горка. Помнишь водную горку? Я десять ведер перетаскал, чтобы ты один раз съехала. Двадцать минут работы ради десяти секунд счастья. Стоило того? Я думал, что да. Мне нравилось смотреть на твое лицо, когда ты вылетала из трубы. Даже тогда ты была вылитая мать.

Джули тихо встает и направляется к выходу.

— Ты вся в нее, Джули. *Вся в нее*. От меня в тебе ничего нет. Как она могла?

Открываю дверь и пячусь наружу. Джули неслышными шагами выходит за мной.

— Как можно было быть такой слабой? — продолжает ее отец голосом до слез раскаленной стали. — Бросить нас одних?

Уходим молча. С неба моросит дождик, и мы стряхиваем его с волос, как собаки. Мы идем к полковнику Россо. Его жена открывает дверь, видит лицо Джули — и крепко ее обнимает. Наконец-то мы снова в тепле.

Россо сидит в гостиной, пьет кофе и читает книжку, явно побывавшую где-то в сырости, а потом рассохшуюся. Джули и миссис Россо отправляются на кухню, а я сажусь напротив.

— Привет, Перри, — говорит он.

— Здравствуйте, полковник.

— Как ты, держишься?

— Пока жив.

— Для начала неплохо. Как живется одному?

— Отвратительно.

Некоторое время Россо молчит.

— Что-то не так?

Долго подбираю слова. Кажется, я забыл большую их часть.

— Он мне соврал, — наконец тихо произношу я.

— О чем?

— Сказал, что мы все исправим. Что если не сдаваться, рано или поздно все будет хорошо.

— Он в это верил. По-моему, я тоже верю.

— А потом взял и *погиб*. — Мой голос дрожит. Сжимаю его в тиски. — *Бессмысленно* погиб. Он не был на поле боя, не принес себя в жертву ради великого дела, просто несчастный случай на работе, какой мог случиться с кем угодно и когда угодно в истории.

— Перри...

— Сэр, я не понимаю. Какой смысл восстанавливать мир, если нам и жить-то всего ничего? Зачем столько вкалывать? Рано или поздно все закончится. Без предупреждения. Кирпич по башке — и все.

Россو не отвечает. Мы молчим, и тихие голоса на кухне кажутся громче. Они переходят на шепот, пытаюсь скрыть от полковника то, что он наверняка и без них знает. Наш мир слишком устал, чтобы кого-то волновали преступления вождей.

— Я хочу вступить в войска Обороны, — объявляю я. Мой голос тверд. Мое лицо — камень.

Россو со вздохом откладывает книгу.

— Зачем, Перри?

— Потому что в этом мире нет смысла заниматься чем-то еще.

— Я думал, ты хочешь стать писателем.

— Это никому не нужно.

— Почему?

— Есть множество дел гораздо важнее. Генерал Гриджо говорит, что скоро всему конец. Я не хочу тратить свои последние дни, царапая буквы на бумаге.

— Литература — это не буквы на бумаге. Это общение. Это память.

— Все это больше никому не нужно. Поздно.

Он изучает мое лицо. Снова берет свою книгу и спрашивает:

— Знаешь, о чем она?

— "Гильгамеш"?

— Да. Эпос о Гильгамеше, одна из самых первых книг в истории. Можно даже сказать, дебютный роман человечества. — Россо принимается листать ломкие пожелтевшие страницы. — Любовь, секс, кровь и слезы. Поиски вечной жизни. Бегство от смерти. — Он протягивает книгу мне. — Больше четырех тысяч лет назад она была написана на хрупких каменных табличках людьми, которые пахали землю и редко доживали до сорока. Она пережила войны, катастрофы и эпидемии и до сих пор не потеряла смысла. Вот он я — сижу посреди руин и читаю.

Я смотрю на Россо, но книгу не беру. Мои пальцы впиваются в кожаные подлокотники.

— Породивший эту книгу мир давно погиб, мертвы все, кто имел к ней хоть какое-то отношение. И тем не менее она продолжает влиять на настоящее и будущее, а все потому, что кто-то не поленился сохранить ее. Сказать словами. Запомнить.

Хватаю книгу и открываю посередине. На месте слов, обратившихся в прах, и строк, навсегда утраченных историей, страницы испещрены многоточиями. Я смотрю на них, и все вокруг заполняется точками.

— Не хочу ничего помнить, — говорю я и захлопываю книгу. — Я хочу вступить в войска Обороны. Я хочу рисковать жизнью. Я хочу забыть.

— Что ты говоришь, Перри?

— Ничего.

— А кажется, как будто говоришь.

— Нет. — Столпившиеся в комнате тени забиваются в мельчайшие черточки наших лиц, отнимают цвет у наших глаз. — Ничего, достойного слов, не осталось.

Я оцепенел. Я плыву в черноте его мыслей и вибрирую в унисон его горю, я огромный церковный колокол.

— Перри, что ты делаешь? — шепчу я в пустоту. — Превращаешься? Восстанавливаешь свою жизнь?

Т-с-с-с, — говорит Перри. — *Молчи, а то все испортишь. Мне это нужно.*

Я заплываю в соленую тьму его непролитых слез. Я жду.

Утреннее солнце заливается через балконное окно прямо в комнату. Зеленоватое свечение граффити растворилось в синеве потолочной краски. Девушки все еще спят, я же бодрствовал почти всю ночь, за исключением пары нелегких часов. Не в состоянии и дальше оставаться в неподвижности, я вылезаю из-под одеяла и потягиваюсь, щелкая суставами, подставляя пальцу солнцу то одну, ту другую щеку. Нора бормочет во сне какие-то медицинские словечки, не то "митоз", не то "мейоз"... а может, и "некроз". Рядом лежит потрепанный учебник. С любопытством наклоняюсь над ней и осторожно беру книгу.

Я не могу прочесть заголовков, но обложку узнаю сразу. Умиротворенное спящее лицо с обнаженными венами на шее. "Анатомия" Грея.

Бросив нервный взгляд через плечо, выхожу в коридор и принимаюсь листать. Все органы и кости, вся затейливая архитектура человеческого тела слишком хорошо мне знакома. В этой книге рассеченные тела чисты и совершенны, их черты не запятнаны ни грязью, ни кровью. Тикают минуты, а я сижу над иллюстрациями, как мальчишка-католик с "Плейбоем", терзаясь чувством вины. Подписей я прочесть не могу, но пока изучаю картинки, в голове всплывает несколько латинских слов, наверное, из прежней жизни. Либо я нахватался их на какой-нибудь лекции в колледже, либо насмотрелся документального кино. В моей голове термины кажутся нелепыми, неуместными, но я хватаюсь за них, закрепляю в памяти. Зачем мне это надо? Зачем мне названия и предназначения всех этих безупречно красивых устройств, которые я годами осквернял? Потому что я не заслуживаю их анонимности. Я хочу боли знания, я хочу познать их, а через них и себя, я хочу понимать, кто я такой. Может быть, этот докрасна раскаленный, стерилизованный слезами скальпель сможет вырезать из меня гниль.

Так проходят часы. Рассмотрев каждую страницу и вытащив из памяти каждый слог, который там скрывался, осторожно кладу книгу обратно Норе на кровать и выхожу на балкон, надеясь, что теплое солнце хоть как-то успокоит мою нравственную тошноту.

Опираюсь на поручень и рассматриваю узкие улочки города Джули. Ночью темный и безжизненный, сейчас он гудит, как Таймс-сквер. Интересно, чем они все занимаются? У нас в аэропорту тоже иногда собираются толпы, но на самом деле там ничего не происходит. Мы ничего не делаем, мы ждем, пока что-нибудь случится. Здесь же все утопает в пьянящем дурмане желаний. Мне вдруг хочется спуститься к ним, живым, смешаться с потной, одышливой толпой, задевать прохожих плечами, расталкивать всех на своем пути. Если на мои вопросы и есть ответы, то они сокрыты где-то там, под тяжелыми подошвами грязных ботинок.

Из комнаты до меня доносятся тихие голоса — девушки наконец-то проснулись. Возвращаюсь в дом и залезаю обратно под одеяло рядом с Джули.

— Доброе утро, Р, — неуверенно говорит Нора. Кажется, ей все еще сложно разговаривать со мной как с человеком. Каждый раз, когда приходится таким образом подтверждать мое существование, она едва сдерживает смех. Раздражает, но можно понять.

Я диковина, к которой сразу не привыкнешь.

— Привет, — хрипит Джули, выглядывая из-за подушки. У нее припухли глаза, а на голове вообще творится нечто невообразимое — такой растрепанной я ее еще ни разу не видел. Интересно, хорошо ли ей спалось и что снилось. Жаль, что я не могу загнать в ее сны

с той же легкостью, с какой она навешает мои.

Джули перекачивается на бок и подпирает голову рукой. Прокашливается.

— Итак. Вот ты и здесь. Что теперь?

— Хочу... посмотреть город.

— Зачем? — Она испытующе смотрит на меня.

— Хочу... знать, как вы... живете. Живые.

Она поджигает губы.

— Слишком рискованно. Тебя могут заметить.

— Да ладно тебе, — вмешивается Нора. — Сюда-то он как-то добрался. Давай устроим экскурсию! Припечем его в порядок, переоденем. Если даже Тед его не раскусил, то и в город ему можно! Будет осторожно себя вести — ничего с ним не случится. Р, ты ведь будешь осторожен?

Киваю, не сводя глаз с Джули. Она некоторое время молчит. Наконец откидывается на спину и выпускает вздох, который мы с Норой принимаем за согласие.

— Ура! — радуется Нора.

— погоди радоваться. Р, сначала мы разберемся с твоим внешним видом. Если получится неубедительно, все отменяется. И если кто-нибудь на улице начнет на тебя пялиться, тоже. Согласен?

Киваю.

— Не кивай, говори словами.

— Согласен.

Взъерошенная, Джули вылезает из-под одеяла, забирается на кровать и начинает придирчиво меня рассматривать.

— Ладно, — говорит она. — Попробуем привести тебя в приличный вид.

Жаль, что моя жизнь не кино и о монтаже можно только мечтать. Было бы куда проще выдержать минутную нарезку под пошленький мотивчик, чем два изнурительных часа, которые они тратят, чтобы придать мне более-менее презентабельный вид. Мне моют и стригут волосы. Истирают об мои зубы новую зубную щетку, но в лучшем случае моя улыбка потянет на англичанина-кофемана. Пытаются переодеть меня во что-то неженственное из запасов Джули, но она такая худышка, что ее футболки и рубашки лопаются на мне, как на громадном качке. В конце концов они сдаются, и я сижу голый в ванной и жду, пока они постирают мой официальный костюм.

Решаю принять душ. Я давно позабыл чувство струящейся по телу воды и теперь смакую его как первый глоток вина, как первый поцелуй. Горячие струи смывают с меня месяцы, если не годы грязи и крови — частично моей, но в основном чужой. Вся эта дрянь стекает в водосток, в подземный мир, на тот свет — где ей и место. Из-под грязи проступает моя кожа — светло-серая, вся в порезах, царапинах и дырках от пуля, но чистая.

До сих пор я ни разу не видел своего тела.

Когда моя одежда высохла и Джули подлатала самые заметные дыры, я одеваюсь, наслаждаясь незнакомым чувством чистоты. Рубашка больше не липнет к телу. Штаны больше не трут.

— Хоть галстук сними, — советует Нора. — Этот твой нарядец отстал от моды войн на десять.

— Нет, оставь! — с капризной улыбкой заявляет Джули. — Мне нравится галстук. Без него ты совсем серый.

— Джулс, ему только галстука не хватало. Забыла, как все пялились, когда мы начали носить кроссовки вместо ботинок?

Вот именно. Все и так знают, что мы не носим форму. Пока Р с нами, он может хоть в трениках и цилиндре щеголять, никто и слова не скажет.

— Тоже вариант, — улыбается Нора.

Итак, красное шелковое безобразие восстановлено в правах. Джули помогает мне его

завязать, причесывает и укладывает волосы чем-то липким. Нора тщательно обрызгивает меня мужским дезодорантом.

— Фу, Нора, — фыркает Джули. — Ненавижу эту радость. Он ведь даже не воняет.

— Немножко воняет.

— *Теперь.*

— Пусть лучше пахнет химзаводом, а не трупом, логично? Заодно и собаки к нему не сунутся.

Потом они принимаются обсуждать, не надеть ли на меня солнечные очки, но в итоге решают, что мои неестественно серые глаза будут выглядеть менее подозрительно, чем любые попытки их скрыть.

— Не так это и заметно, — заявляет Джули. — Не играй ни с кем в гляделки — и все.

— Все будет нормально, — добавляет Нора. — Все равно здесь никто ни на кого особо не смотрит.

Завершающая деталь моей маскировки — грим. Сажу перед зеркалом, как голливудская актриса, готовящаяся к крупному плану, а они меня пудрят и румянят — раскрашивают мою черно-белую кожу. Наконец все закончено — и я в изумлении смотрю в зеркало.

Я живой.

Я красивый, молодой, счастливый, успешный, в самом расцвете сил, у меня только что закончилась деловая встреча, и я направляюсь в спортзал. Не выдерживаю и смеюсь. Смотрю на себя в зеркало, и вся нелепость происходящего выплескивается наружу.

Смех. Тоже в первый раз.

— Вот это да! — поражается Нора. Джули только хмыкает, склонив голову. — Да ты красавчик! Джули, одолжи мне его! Только на сегодня!

— Заткнись ты, — смеется Джули и продолжает меня разглядывать. Трогает узкий желобок у меня на лбу, который когда-то оставил ее нож. — Это надо будет прикрыть. Извини, Р. — Наклеивает сверху пластырь и прижимает его рукой. — Вот так. — Снова отступает и смотрит на меня, как художник-перфекционист на новую картину — довольным, но критическим взглядом.

— Убе... дительно?

— Хм-м, — отвечает она.

Растягиваю губы в своем лучшем подобии обаятельной улыбки.

— Господи. Никогда больше так не делай.

— Веди себя естественно, — поддакивает Нора. — Представь себе, что ты в аэропорту, среди друзей. Если вы друг с другом дружите, конечно.

Вспоминаю тепло, которое прилило к моему лицу, когда Джули впервые назвала меня по имени — еще в аэропорту, над лотком тайской лапши и бутылкой пива.

— Вот, другое дело, — одобряет Нора.

Джули кивает и закрывает рот кулаком, как будто пытается сдержать какое-то очень сильное чувство. Головокружительную смесь восторга, гордости и любви.

— Чистота тебе идет, Р.

— Спасибо.

Она делает глубокий, решительный вдох.

— Ну хорошо. — Натягивает на свои кудри вязаную шапочку и застегивает спортивную куртку. — Пошли посмотреть, как изменились люди, с тех пор как ты с ними распрощался.

В прежние времена, отправляясь на охоту, я нередко поднимал глаза на Стадион и представлял себе рай на земле. Стадион был для меня городом-утопией, населенным счастливыми, красивыми, ни в чем не нуждающимися людьми, я завидовал им, как мог, и оттого еще сильнее хотел их всех съесть. А теперь... кто бы мог подумать. Крыши из гофрированного железа, блестящие на солнце. Зудящие мошкаркой загоны, переполненные

беспокойным, накачанным гормонами скотом. Покрытое неотстирываемыми пятнами белье, белыми флагами хлопающее на проводах.

— Добро пожаловать в Город-Стадион! — раскинув руки, восклицает Джули. — Самое большое поселение людей на территории, ранее известной как Америка.

Зачем мы тут остались? — бормочут во мне голоса, пока Джули показывает достопримечательности. — *Что такое город, зачем он нам нужен? Откажись от культуры, торговли, бизнеса и удовольствий — и что от него останется? Пустая. сеть безымянных улиц, населенных безымянными людьми?*

— Нас в этой клетке больше двадцати тысяч, — рассказывает Джули, пока мы проталкиваемся к центральной площади. — Скоро станет так тесно, что мы схлопнемся. И останется от человечества огромная безмозглая амеба.

Почему мы не разъехались? Не поднялись в горы, не пустили корни там, где воздух прозрачнее и вода чище? Что нам нужно друг от друга, зачем мы остаемся в этом душном нагромождении тел?

Я стараюсь смотреть под ноги, не выделяться из толпы и не бросаться в глаза. Украдкой поглядываю на сторожевые вышки, водонапорные башни, новые здания, растущие буквально на глазах, все в искрах электросварки — но в основном смотрю на свои ноги. На асфальт. На грязь и собачье дерьмо, скрадывающие резкие углы улиц.

— Мы выращиваем меньше половины необходимого провианта, — сообщает Джули, когда мы проходим мимо садов — зеленой дымки зелени за ироничными стеклами парников. — Так что вся настоящая еда выдается скудным пайком, а когда его не хватает — догоняемся карбтеином.

Трое подростков в желтых комбинезонах тащат и тележку с апельсинами, и у одного я замечаю на щеке странные пятна, темные сухие вмятины, как на яблоке, как будто клетки просто взяли и усохли.

— О лекарствах я вообще не говорю — их каждый месяц уходит столько, что хватило бы набить целую аптеку. Разведкоманды едва успевают пополнять запасы. Рано или поздно у нас кончится последний пузырек прозака, и мы пойдем войной на соседей.

Или мы просто боялись? — недоумевают голоса. — *Если страх правил нами в лучшие времена, разве справились бы мы с худшими? Конечно нет — мы окружили себя самым высоким забором, какой нашли. Нас становилось все больше. Нас наконец стало больше всех. И мы сделали сильнее всех, и мы выбрали величайших генералов и нашли больше всех оружия, думая, что этот максимализм как-то перекуется в счастье. Но это было бы слишком просто.*

— Самое удивительное, — говорит Нора, с трудом разминувшись с чудовищно раздутым животом беременной женщины, — что всем, похоже, наплевать, сколько у нас проблем, они только и знают, что новых детишек стругать. Давайте, давайте напомним мир нашими копиями, ведь раз когда-то повелось, значит, так и надо жить!

Джули бросает на Нору косой взгляд, хочет что-то сказать, но передумывает.

— И пусть мы скоро передохнем с голоду и нас похоронят под горой обкаканых пеленок, никому не хватает смелости и *заикнуться*, что сейчас не время плодиться и размножаться.

— Да, но... — неожиданно робко возражает Джули. — Тебе не кажется, что... Не знаю... Что в этом есть своя красота? Что мы продолжаем жить и расти вопреки даже тому, что наш мир давно умер? Что мы возрождаемся, сколько бы нас ни погибло?

— И чего такого красивого в этом твоём возрождении? Герпес тогда тоже красивый?

— Да хватит тебе притворяться, Нора, ты же любишь людей. Это Перри у нас был мизантропом.

Нора со смехом пожимает плечами.

— Дело не в поддержании популяции, а в сохранении знаний, передаче их другим поколениям. Только так нам не настанет конец. Эгоизм, конечно, но какой иначе смысл у наших жизней, раз они такие короткие?

— Наверное, — уступает Нора. — Все равно ничего другого нам после себя теперь не оставить.

Вот именно, все угасает. Говорят, в этом январе ря пилилась последняя страна на земле.

— Правда? Какая?

— Не помню. Швеция, что ли.

— То есть политическая карта официально пуста. Какая тоска.

— Ну у тебя хоть какое-то культурное наследие есть. Твой папа был из Эфиопии, да?

— Да какая мне сейчас разница? Он свою родину не помнил, я там никогда не была, а теперь ее вообще не существует. Все, что у меня осталось, — темная кожа, и кому сейчас есть до этого дело? Через год-другой все равно все станем серыми, — говорит Нора и машет в мою сторону рукой.

Они продолжают препираться, а я потихоньку отстаю. Я вижу, как они говорят и жестикулируют, слушаю их голоса и не слышу слов.

Что от нас осталось? — стенают призраки из мрака моего подсознания. — *Ни стран, ни культур, ни войн, ни даже мира. Что у нас в основе? Что шевелит нашими костями, когда на них не осталось мяса?*

К обеду мы выходим на улицу, ранее известную как улица Алмаза. Впереди здания школ — приземистые, самодовольные, — и мой желудок сжимается в кулак. На повороте Джули ненадолго останавливается и бросает печальный взгляд на светлые школьные окна.

— Это учебный центр, — говорит наконец она. — Тебе там не на что смотреть. Пошли дальше.

Я с радостью следую за ней прочь от этой мрачной улицы, но мой взгляд задерживается на ярко-зеленой табличке. Я почти уверен, что первая буква — "Д".

— Как... называется? — спрашиваю я, указывая на знак.

— Улица Джули, — улыбается Джули.

— Раньше тут тоже была картинка, что-то вроде алмаза, — говорит Нора. — Но когда построили школы, ее папа взял и переименовал улицу. Правда, прелесть?

— Да, — кивает Джули. — Иногда и папа на такое способен.

Она ведет нас вдоль стены к противоположной главным воротам стороне. Здесь вход в широкий, темный туннель. Наверное, когда-то, когда тысячи людей еще умели радоваться подобной ерунде, через эти туннели на поле выходили спортивные команды. Раз туннель напротив — вход в мир живых, неудивительно, что этот ведет на кладбище.

Джули машет бейджиком перед охраной, и нам открывают ворота. Мы выходим на огромное холмистое поле, огороженное сеткой-рабицей. Черные кусты боярышника сторожат классические каменные надгробия — кресты, ангелы, святые — и тянут лапы к пестрому серо-золотому небу. Надгробия, наверное, вынесены из какого-нибудь заброшенного похоронного бюро. Эпитафии, похожие на граффити, нанесены на них краской поверх старых резных надписей.

— Здесь мы хороним... то, что от нас остается, — говорит Джули.

Она подходит поближе, а мы с Норой останавливаемся у входа.

Ворота закрыты, и пульс людской жизни сюда не пробивается. Она замешается стоическим молчанием тех, кто умер... навсегда умер. Здесь хоронят обглоданные кучки костей и мертвецов с простреленной головой. Понятно, почему кладбище снаружи оно не только занимает больше места, чем все здешние фермы, вместе взятые, но и боевой дух не поднимает. Куда более мрачное напоминание, чем мирные, залитые солнцем упокойные лужайки старого света и *requiem eternum*. Это напоминание о будущем. Здесь похоронены не люди, с утратой которых можно смириться, а весь человеческий род, вся цивилизация, весь мир.

— Ты уверена, что хочешь сюда сегодня? — ласково спрашивает Нора.

Джули смотрит на холмы, поросшие клочками бурой травы.

— Я хожу сюда каждый день. Сегодня день. Вторник.

— Да, но... Нам тебя подождать?

Джули задумчиво оборачивается ко мне. Качает головой:

— Нет. Пойдемте.

Она шагает вперед, я за ней. Нора неловко плетется позади с молчаливым удивлением на лице. Тут нет дорожек. Джули идет по прямой, переступая надгробия и холмы, некоторые еще совсем свежие. Ее глаза прикованы к высокой стеле, увенчанной мраморным ангелом. Мы с Джули останавливаемся прямо перед ней. Нора все еще где-то поодаль. Я пытаюсь прочесть имя на постаменте, но оно предпочитает остаться скрытым. Мне не даются даже первые несколько букв.

— Это... мама, — говорит Джули. Холодный вечерний ветер задувает волосы ей в лицо, но она не обращает внимания. — Она ушла, когда мне было двенадцать.

Нора несколько секунд маячит у нас за спинами, потом отходит в сторону, притворившись, что заинтересовалась надписями на могилах.

— Наверное, она сошла с ума, — продолжает Джули. — Убежала в город посреди ночи. Одна. Несколько ошметков нашли... но в могиле ничего нет. — У Джули спокойный голос. Мне вспоминается ее лицо, когда она притворялась зомби в аэропорту, — карикатурная маска не толще паутинки. — Она была настоящей вольной птицей. Дикой огненной богиней, презирающей условности. Ей было девятнадцать лет, когда она познакомилась с отцом. Он вскружил ей голову. Даже не верится, что он когда-то был музыкантом, клавишником в рок-группе. И даже неплохим. Они быстро поженились, а потом... не знаю. Мир полетел к чертям, и папа изменился. Все изменилось.

Я пытаюсь заглянуть ей в глаза, но их не видно за волосами. Ее голос начинает дрожать.

Мама старалась. Правда старалась. Наводила порядок, возилась со мной. Всю себя мне отдала. Его ни когда не было дома, так что мы всегда оставались наедине — дикарка и дикареныш. Мы с ней так веселились... Она даже на водяные горки меня водила...

Неожиданно для себя Джули давится словами, всхлипывает и закрывает рот рукой. Из-под грязных прядей, налипших на лоб, на меня умоляюще глядят ее глаза. Ласково убираю ее волосы с лица. Она отрывает от меня взгляд и снова смотрит на могилу.

— Она была не создана для этой убогой дыры, — продолжает Джули, всхлипывая. — Что ей тут было делать? Погибло все, ради чего она жила. Только и осталось, что кривоzubая двенадцатилетка, которой каждую ночь снились кошмары, и она прибегала к мамке. Неудивительно, что ей хотелось сбежать.

— Хватит, — говорю я твердо и разворачиваю ее к себе лицом. — Хватит.

По ее щекам текут ручейки — соленый секрет выстреливает из желез сквозь яркие, пульсирующие клетки и суровые красные волокнца. Вытираю ее слезы и притягиваю к себе.

— Ты... живая, — шепчу ей в волосы. — Ради тебя... стоит... жить.

Прижимаю ее к груди и чувствую, как она содрогается, вцепившись в мою рубашку. Если не считать шелеста ветра, стоит полная тишина. Нора смотрит на нас, накручивая прядь волос на палец. Наши глаза встречаются, и она грустно улыбается, как будто извиняется, что не предупредила меня. Но я не боюсь скелетов в шкафу Джули. С каждым из них я готов познакомиться, посмотреть в глаза и пожать руку крепким, костедробительным рукопожатием.

Я делаю глубокий вдох и пытаюсь петь.

— Ты... удивительна... — хриплю я, отчаянно стараясь поймать мелодию Фрэнка. — Удивительна... и все.

После небольшой паузы в Джули вдруг что-то меняется. Она смеется.

— Ух ты, — хихикает она, поднимая на меня веселые глаза, все еще полные слез. — Здорово, Р, честное слово. Вам с зомби-Синатрой надо дуэты записать. Второй выпуск.

Кашляю.

— Я не... распелся.

Она приглаживает мои волосы. Оглядывается на могилу. Тянется в задний карман и достает увядшую ромашку из аэропорта с четырьмя неосыпавшимися лепестками. Кладет ее прямо на землю перед стелой.

— Прости, мам. Ничего лучше не нашла.

Берет меня за руку.

— Мам, это Р. Он очень хороший, тебе бы понравился. Цветок и от него тоже.

Пусть могила и пуста, я бы не удивился, если бы земля разверзлась и рука ее матери схватила меня за ногу. Все-таки я одна из тех раковых клеток, которые ее убили. Но, судя по Джули, она, наверное, меня бы простила. Они — эти удивительные живые женщины — похоже, не считают, что я причастен к гибели всех, кого они потеряли. Они считают меня исключением, и этот бескорыстный дар повергает меня в ужас. Я хочу его как-то отработать, *заслужить* их прощение. Я хочу восстановить тот мир, который помог разрушить.

Мы отходим от могилы, и Нора снова возвращается к нам. Она гладит Джули по плечу и целует в лоб.

— Ты как?

— Как всегда, — кивает Джули.

— Давай я тебе лучше кое-что хорошее скажу.

— Давай.

— Я видела рядом с домом дикие цветы. В канаве растут.

Джули с улыбкой вытирает последние слезы, но не отвечает.

Мы идем обратно, и я внимательно вглядываюсь в могильные плиты. Многие покосились, остальные установлены наобум — кладбище кажется древним, несмотря даже на десятки свежих могил. Я думаю о смерти. И о том, как кратка по сравнению с ней жизнь. Я не знаю, насколько глубоко это кладбище, сколько гробов поставлено друг на друга и какой процент почвы составляет сгнившая плоть.

Вдруг что-то прерывает мои мрачные мысли. Чувствую толчок в животе — наверное, так же мать чувствует ребенка, который вертится в ее утробе. Замираю, подняв одну ногу, и разворачиваюсь на каблуке. С холма неподалеку на меня смотрит ничем не примечательный прямоугольный камень.

— Стойте, — говорю я девушкам и поднимаюсь наверх.

— Куда это он? — чуть слышно спрашивает Нора. — Это же...

Останавливаюсь перед могилой и гляжу на имя на камне. У меня подкашиваются ноги, как будто передо мной разверзлась бездна, и какая-то темная, неодолимая сила тянет меня внутрь. Еще один толчок в животе, рывок за ствол мозга...

Я падаю.

Я Перри Кельвин, и сегодня последний день моей жизни. Как это странно — проснуться с таким знанием. Всю жизнь я воевал с будильником, снова и снова хлопал ПО кнопке и оттягивал подъем на десять минут, с каждым разом презирая себя все больше, пока наконец стыд не выгонял меня из-под одеяла. Только в самое солнечное утро, в редкий день, полный жизни и смысла, я могу легко проснуться и сразу встать. Как странно, что сегодня такой день.

Выскальзываю из замерзших объятий Джули — она тихо всхлипывает во сне — и встаю. Она подтягивает к себе мою половину одеяла и отворачивается к стене. Джули проспит еще много часов, и ей будут сниться бесконечные пейзажи и новорожденные звезды удивительных и пугающих расцветок. Если бы я сейчас не встал, то, проснувшись, она принялась бы расписывать мне свои сны во всех деталях, со всеми дикими сюжетными поворотами и сюрреалистическими образами, для нее яркими, а для меня бессмысленными. Когда-то я дорожил этими ее рассказами, и ее душевное смятение приносило мне горькую радость, но рано или поздно всему настает конец. Наклоняюсь поцеловать Джули на прощание, но губы сами собой поджимаются, и я отстраняюсь, даже не коснувшись.

Два года назад на папу упала стена, которую он строил, и я остался сиротой. Я тоскую

по нему вот уже семьсот тридцать дней, а по маме — еще дольше. Завтра я уже не буду тосковать. Спускаюсь по круговой лестнице проклятого дома отбросов и выхожу в город. Папа, мама, дедушка, друзья... завтра я ни по кому не буду тосковать.

Еще рано, солнце едва поднялось из-за гор, но город не спит. Улицы кишат рабочими, ремонтниками, мамами с заплечными люльками и приемными мамами, выгуливающими, как скот, целые шеренги ничьих детей.

Вдалеке кто-то играет на кларнете. Утренний воздух дрожит, как будто поют птицы. Я стараюсь не слушать. Не хочу музыку, не хочу розовый восход. Все кругом лжет. Уродство этого мира невыносимо, и редкие ошметки красоты только делают хуже.

Добираюсь до административного здания на улице Острова и сообщаю секретарю, что у меня на семь назначена встреча с генералом Гриджо. Она провожает меня в кабинет и закрывает за мной дверь. Генерал занят с какими-то документами. Не отрывая от них глаз, поднимает указательный палец. Я стою и жду, разглядывая стены. Фото Джули. Фото ее матери. Полинялая фотография генерала с полковником Россо — оба еще молодые, в армейской форме США стоят и курят на фоне затопленного Нью-Йорка. Рядом — та же сцена, но на заднем плане разрушенный Лондон. Тут же и Париж в руинах после бомбежки. Догорающий Рим.

Наконец генерал откладывает бумаги. Снимает очки и поднимает на меня глаза:

— Мистер Кельвин.

— Сэр.

— Ваша первая вылазка во главе группы.

— Да, сэр.

— Вы готовы?

На мгновение запинаясь — перед глазами мелькают кони, виолончелисты, красные губы и красное кино — они пытаются сбить меня с курса, но я прожигаю их, как старую киноплёнку.

— Да, сэр.

— Отлично. Вот ваш пропуск. Полковник Россо ждет вас в клубе с заданием.

— Спасибо, сэр. — Я беру бумаги и поворачиваюсь к выходу, но останавливаюсь на пороге. — Сэр? — Мой голос чуть слышно дрожит, хотя я и клялся себе, что буду держать себя в руках.

— Что, Перри?

— Разрешите задать вопрос, сэр.

— Спрашивай.

Облизываю пересохшие губы.

— Сэр, у всего этого есть смысл?

— О чем ты?

— Есть смысл продолжать все это делать? Ходить на вылазки... и вообще.

— Перри, я боюсь, что не понимаю твоего вопроса. То, что мы приносим с вылазок, помогает нам выжить.

— А зачем мы выживаем? Потому что рано или поздно мир станет лучше? Мы ради этого стараемся?

— Возможно, — отвечает он. Его лицо совершенно бесстрастно.

— А сейчас? — Мой голос униженно дрожит, но я больше не могу его контролировать. — Прямо сейчас? Есть у вас хоть что-нибудь, ради чего стоит жить?

— Перри...

— Пожалуйста, ответьте, сэр. Пожалуйста.

Глаза Гриджо холодны, как мрамор. Какое-то слово формируется у него во рту, но так и не звучит. Он поджимает губы.

— Это неуместная тема для разговора, — говорит он и кладет руку на стол. — Вам уже пора. У вас есть работа.

— Да, сэр, — сглатываю я. — Извините, сэр.

— Полковник Россо ждет вас в клубе с заданием.

— Да, сэр.

Выхожу за дверь и закрываю ее за собой.

В присутствии полковника Россо я веду себя с безупречным профессионализмом. Прошу выдать задание для команды, и он с любовью и гордостью в прищуре близоруких глаз протягивает мне желтый конверт. Он желает мне удачи, я говорю "спасибо", он приглашает меня на ужин, я вежливо отказываюсь. Мой голос идеально ровен. Я не теряю ни капли самообладания.

По пути к выходу бросаю взгляд на спортзал. Из-за стекла на меня смотрит Нора. Как и на всех детишках на волейбольном корте за ее спиной, на ней надеты обтягивающие черные шорты и белая майка. Ее "команда" — жалкая попытка хотя бы на два часа в неделю отвлечь нескольких детей от реальности. Прохожу мимо, даже не кивнув. Уже на выходе слышу шлепанье ее кроссовок о кафельный пол.

— Перри!

Замираю, и двери передо мной захлопываются. Оборачиваюсь.

— Привет.

Она скрестила руки на груди и смотрит на меня твердым взглядом.

— Сегодня твой день, да?

— Наверное.

— Куда пойдешь? Уже все распланировал?

— Старое здание "Пфайзера" на Восьмой авеню.

— Ничего, — быстро кивает она, — хороший план. И к шести уже вернешься, так? Не забыл, что сегодня мы идем в Сад? И не надейся, что мы дадим тебе прохандрить весь день в одиночестве, как в прошлом году.

Смотрю на детей в спортзале. Они бьют, атакуют, валяют дурака, смеются и ругаются.

— Не уверен, что у меня получится. Эта вылазка может продлиться дольше обычного.

Нора продолжает кивать:

— Ага. Ясно. Потому что здание перекошено, полно трещин и тупиков и там надо ходить очень осторожно, да?

— Да.

— Ясно. Уже изучил? — спрашивает она, указывая на конверт у меня в руках.

— Еще нет.

— Наверное, стоит все-таки прочитать бумаги, Перри. — Нора стучит ногой по полу, все ее тело дрожит от едва сдерживаемой злости. — Тебе же надо знать, какие у твоих подчиненных сильные и слабые стороны, ну и вообще. Например, у меня. Потому что я в команде.

— Что? — невыразительно переспрашиваю я.

— Что-что, что слышал. Россо сам меня вчера включил. Так ты знаешь мои сильные и слабые стороны? Ты не задумал ничего такого, что окажется для меня слишком сложным? Мне очень не хотелось бы подвергать опасности твою первую вылазку во главе группы.

Отрываю край конверта и начинаю просматривать имена.

— Джули тебе говорила, что она тоже записалась? Мои глаза скачут со страницы на страницу.

— Да-да, говнюк ты несчастный, или для тебя это проблема? — Ее голос дрожит, она вот-вот расплчется. — Или ты возражаешь?

Распахиваю двери и выбегаю на холодный утренний воздух. Птицы над головой. Безмозглые голуби, крикливые чайки, мухи, жуки, пожирающие дерьмо, — дар полета растрочен на самых бесполезных и бессмысленных тварей. Что, если бы он был мой? Эта безграничная, совершенная, невесомая свобода. Ни заборов, ни стен, ни границ; я летал бы где угодно — над океанами и континентами, над горами, и джунглями, и бескрайними равнинами, и где-то там, где-то далеко-далеко я нашел бы смысл.

Я тону в воспоминаниях Перри. Я глубоко в черной земле. Где-то высоко у меня над головой — сплетение корней и червей, перевернутое кладбище, где гробы вместо надгробий, а памятники, закопанные глубоко в небесную пустоту, прячут все имена и эпитафии, оставляя мне лишь гниль.

Чувствую шевеление в земле. Ко мне прорывается рука и хватает за плечо.

— Привет, мертвяк.

Мы в "боинге". Мои сувениры аккуратно разложены в стопочки. Проход устелен восточными коврами. Проигрыватель тихо мурлычет голосом Дина Мартина.

— Перри?

Он в кабине, в кресле пилота, руки на штурвале. Он в форме — белая рубашка заляпана кровью. Улыбается мне и указывает на иллюминаторы, где мимо пролетают слоистые облака.

— Мы приближаемся к высоте крейсерского полета. Можете отстегнуть ремни.

Медленными, осторожными движениями я встаю и захожу в кабину. Тревожно смотрю на него. Он ухмыляется. Провожу пальцем по знакомой пыли на приборах.

— Это ведь не твое воспоминание.

— Нет. Твое. Я хотел, чтобы тебе было спокойнее.

— Я сейчас стою на твоей могиле, да?

Он пожимает плечами:

— Наверное. В лучшем случае там мой пустой череп. Вы с друзьями почти все с собой унесли, помнишь?

Начинаю извиняться, но он закрывает глаза и отмахивается.

— Не надо. Это давно в прошлом. К тому же это не ты меня убил. Я сам себя убил — я, старый и мудрый. Ты, кажется, больше общаешься с другой моей версией — молодой, наивной и сочиняющей роман "Призраки против оборотней". Я бы сейчас предпочел не вспоминать, что умер.

Бросаю на него неуверенный взгляд.

— Ты гораздо веселее, чем в воспоминаниях.

— Тут другой масштаб. Сложно принимать свою жизнь всерьез, когда видишь ее целиком.

Смотрю на него с сомнением. Он выглядит очень убедительно — даже прыщики на месте.

— Ты... это правда ты?

— И как это понимать?

— Ты, с кем я все время разговариваю. Это правда ты? Или... объедки твоего мозга?

— Какая разница? — смеется он.

— Ты душа Перри?

— Может быть. Типа того. Называй как хочешь.

— Ты... в раю?

Он с хохотом дергает себя за окровавленную рубашку.

— Не совсем. Я в тебе, Р. Вот попал, да? — снова хохочет он, глядя на мое переменившееся лицо. — Но знаешь, Я-Старый-И-Мудрый расстался с жизнью довольно мрачным образом. Тебе стоит с ним пообщаться и понять, что происходит, пока не начнется... ну ты знаешь. Что бы ни началось.

Я поворачиваюсь к окну. Не видно ни моря, ни и, только шелковые призрачные горы внизу и груды облаков наверху.

— Куда мы летим?

— Куда глаза глядят. — Он с ехидством воздевает глаза к небесам, потом улыбается. — Ты сможешь мне туда добраться, а я помогу тебе.

Самолет трясется в воздушных потоках, и внутри у меня все сжимается.

— Зачем тебе мне помогать? Ты же из-за меня погиб.

— Да ладно, Р, ты что, до сих пор не понял? — Кажется, мой вопрос его расстроил. Он смотрит на меня с лихорадочной напряженностью во взгляде. — Мы с тобой жертвы одной и той же болезни. Мы воюем на одной стороне, просто на разных фронтах. К тому же мы с тобой давно слились воедино — поздновато мне тебя ненавидеть. Моя душа — твое сознание. Все, что осталось от меня, слилось с тем, что осталось от тебя, переплелось и перемешалось. — Он от души хлопает меня по плечу, так что даже больно.

— Мы с тобой, мертвячок, влипли вместе.

Самолет дрожит. Штурвал перед ним дергается, но Перри не обращает на него внимания. Не знаю, что сказать, и говорю просто "ладно".

— Ладно, — кивает он.

Пол снова дрожит под ногами, как отголосок далеких взрывов.

— Вот что, — говорит он, — Бог сделал нас партнерами. Надо бы обсудить, что делать. — Он глядит на меня и со вздохом чешет подбородок. — В последнее время у нас в голове жужжит целый рой вдохновенных мыслей. По-моему, ты не догоняешь, в какую бурю мы с тобой летим.

В салоне мигают красные огни. Откуда-то снаружи доносится скрежет.

— Мне чего-то не хватает?

— Стратегии, например. А то мы мечемся по этому городу как котята на псарне. Ты только болтаешь о том, как переменить мир, и вылизываешь лапы, а питбули медленно сжимают кольцо. Ну, что планируешь делать, киска?

Облачная вата за окном наливается свинцом. Свет начинает мигать, стопки моих сувениров погромыхивают.

— Пока не знаю.

— И когда узнаешь? Все меняется. Ты, твои мертвые приятели — мир готов к чуду. Чего мы ждем?

Самолет дергается — и пикирует вниз. Падаю в кресло второго пилота. Мой желудок поднимается куда-то в горло.

— Я не жду. Я действую.

— Что? И что же ты делаешь?

— Стараюсь, — отвечаю я, хватаясь за сиденье своего кресла. Самолет пикирует с ревом. — Хочу перемен. Заставляю себя о них думать.

Перри кривится, но молчит.

— Это ведь уже что-то — первый шаг, так? — ору я во всю мочь, пытаюсь перекрыть рев моторов. — С этого все и должно начинаться.

Самолет снова дергается, и все мои сувенирные стопки рушатся — картины, диски, тарелки, куклы, любовные записки разлетаются по всему салону. В кабине мигают огоньки, радио щелкает голосами.

Р! Ответь! Что с тобой?

Лицо Перри застыло, в нем не осталось ни намека на веселье.

— Нам еще много дерьма предстоит разгрести. В маентности, кое-что случится прямо за воротами кладбища. Ты прав, хотеть перемен — это первый шаг. Но второй — это добиваться их. А то смотри, Все на свете проспихишь! А ведь с тобой теперь моя девочка.

Слушай, я сейчас испугаюсь! Очнись!

— Я знаю, я ее не заслуживал, — продолжает Перри. Его тихий голос без труда заглушает все вокруг. — Она подарила мне все — а я что сделал? А я все проспал. Настала твоя очередь, Р. Береги ее. Она гораздо раннее, чем кажется.

Очнись уже, придурок! Очнись немедленно, или я тебя пристрелю!

Киваю. Перри тоже кивает, затем поворачивается к окну, сложив руки на груди. Штурвал дергается, как ненормальный. Облака расступаются, мы мчимся к земле, прямо на Стадион. Вот и они, печально знаменитые Р и Дж, сидят на одеяле на промокшей от дождя крыше. Р поднимает глаза, видит нас, его глаза распахиваются все шире, а мы...

Мои глаза распахиваются. Я пытаюсь проморгаться, чтобы реальность пришла в фокус. Я стою перед небольшой могилой на импровизированном кладбище. Рука Джули на моем плече.

— Ты снова с нами? — спрашивает она. — Что это было?

Озираюсь и прокашливаюсь.

— Извини. Замечтался.

— Странный ты. Пошли, не хочу здесь больше оставаться.

Она быстро шагает к выходу. Мы с Норой направляемся за ней. Нора старается идти вровень и бросает на меня косые взгляды:

— Замечтался?

Киваю.

— Ты говорил сам с собой.

Молча смотрю на нее.

— Громкие слова говорил. Кажется, я разобрала "чудо".

Пожимаю плечами.

Шум города водопадом льется в уши, стоит охраннику впустить нас на порог Стадиона. Не успели за нами закрыться ворота, я снова чувствую шевеление в животе. *Ну вот, Р, началось. Готов?*

— Черт возьми, — вполголоса бормочет Джули. Из-за угла прямо перед нами появляется генерал Гриджо, ее отец. В сопровождении еще двух военных офицеров он направляется прямо к нам. Их форма, впрочем, далека от традиционной. Они одеты в простые светло-серые рубашки и рабочие штаны — ни нашивок, ни погон, ничего. Карманы, пояса для инструментов и ламинированные бейджики. Крупнокалиберные пистолеты поблескивают в поясных кобурах.

— Спокойно, Р, — шепчет Джули. — Ничего не говори, притворись... что стесняешься.

— Джули! — неловко выкрикивает генерал с довольно большого расстояния.

— Привет, пап, — говорит Джули.

Генерал и его свита останавливаются перед нами. Он легонько сжимает ее плечо:

— Как дела?

— Нормально. Ходила к маме.

У генерала сводит скулы, но он молчит. Смотрит на Нору, кивает ей, переводит взгляд на меня. Вглядывается повнимательнее. Достает рацию.

— Тед. Тот тип, который вчера мимо тебя проскользнул. Молодой человек в красном галстуке? Высокий, худой, бледный?

— Пап, — вмешивается Джули.

Рация трещит в ответ. Генерал убирает ее и достает наручники.

— Вы задержаны за несанкционированный доступ на территорию Стадиона, — сообщает мне он. — Вас препроводят...

— Господи, пап! — не выдерживает Джули и отталкивает его от меня. — Да что с тобой такое? Он же не *преступник* какой, он из Купола Голдмэн! И по пути его чуть не сожрали! Может, все-таки не надо на него собак спускать?

— Кто он? — сурово спрашивает генерал.

Джули вклинивается между нами, как будто пытается заставить меня молчать.

— Его зовут... Арчи... Правильно, ты Арчи? — Бросает на меня быстрый взгляд, я киваю. — Это новый бойфренд Норы. Я его сегодня вообще в первый раз вижу.

— Видели, какой модник? — жизнерадостно встречает Нора, хватая меня за локоть. — Я и не знала, что на свете остались парни, которые умеют носить галстук.

Помешкав, генерал натянуто улыбается и убирает наручники.

— Приятно познакомиться, Арчи. Вы, наверное, в курсе, что если собираетесь задержаться у нас дольше чем на три дня, придется зарегистрироваться в иммиграционной службе.

Киваю, стараясь не встретиться с ним взглядом. Но его лицо так и притягивает. Тот неловкий совместный ужин, свидетелем которого меня сделало видение, произошел пару лет назад, не раньше. Но сейчас генерал выглядит на десять лет старше. У него острые скулы. Зеленоватые вены просвечивают на лбу.

Один из офицеров откашливается.

— Я слышал про Перри, мисс Каберне. Мои соболезнования. Нам будет его очень не хватать.

Полковник Россо старше Гриджо, но сохранился гораздо лучше. Он невысокий и коренастый, с сильными руками и широченными плечами, нависающими над неизбежным стариковским брюшком. Волосы у него белые и пушистые, за толстыми очками — большие, влажные голубые глаза. Джули искренне улыбается ему:

— Спасибо, Рози. Мне тоже.

Их диалог почему-то звучит фальшиво, хотя ничего такого в нем нет. Как будто они плещутся на поверхности, когда под ними километры воды. Скорее всего, они уже успели все обсудить в куда менее формальной обстановке, подальше от официозного взгляда Гриджо.

— Мы понимаем, что вы расстроены, полковник Россо, — встревает тот. — Однако я буду очень благодарен, если вы не станете обращаться к моей дочери иначе как по ее настоящему имени, что бы она там про себя ни сочиняла.

Полковник выпрямляется:

— Прошу прощения, сэр. Не хотел вас задеть.

— Это же просто прозвище, — говорит Нора. — Мы с Перри всегда думали, что она скорее каберне, чем...

Под тяжелым взглядом Гриджо она замолкает. Генерал медленно поворачивается ко мне. Я избегаю его взгляда.

— Нам пора, — сообщает он вдруг. — Приятно познакомиться, Арчи. Сегодня у меня весь вечер встречи, а утром отправляюсь в Голдмэн на переговоры о слиянии. Буду дома через несколько дней.

Джули кивает. Генерал со свитой уходят без лишних слов. Джули смотрит в землю, ее мысли витают далеко-далеко.

Первой не выдерживает Нора:

— Вот это стрем так стрем!

— Пошли в Сад, — говорит Джули. — Мне надо выпить.

Я все еще смотрю вслед ее отцу. Перед тем как исчезнуть за углом, он оборачивается, и у меня по коже бегут мурашки. О каком потоке говорил Перри? Что нас ждет — нежные очищающие волны? Или... Чувствую слабый толчок под ногами, как будто глубоко в земле гремят кости каждого погребенного в ней человека, расшатывая земную кору, взбалтывая магму.

Как выясняется, Сад не имеет никакого отношения к местному фермерскому хозяйству. Это единственный на весь Стадион бар, точнее, самое близкое его подобие, какому дозволено существовать в этом оплоте воздержания. Чтобы добраться ко входу на верхнем уровне Стадиона, нужно преодолеть эшеровскую полосу препятствий. Сначала мы поднимаемся на четвертый этаж шаткой башенки, жители которой бросают на нас из-за дверей неприветливые взгляды. Затем головокружительный переход в соседнее здание по шаткому мостику из арматурной сетки, натянутому между поддерживающими дома тросами. Внизу мальчишки задирают головы, пытаюсь что-нибудь разглядеть у Норы под юбкой. Еще три этажа вверх — и наконец мы выходим на открытую всем ветрам террасу высоко над землей. Из двери на другой стороне — широкой дубовой доски, украшенной деревом, нарисованным желтой краской, — доносится гул голосов.

Я неуклюже обгоняю Джули и открываю перед ней дверь. Она лишь качает головой. Нора смеется. Захожу за ними внутрь.

Народу битком, но атмосфера в Саду удручающе мрачная. Никто не кричит, не веселится, не выпрашивает ни у кого по пьяни телефончик. Несмотря на то что бар, очевидно, подпольный, спиртные напитки здесь не подают.

— Вот скажите, — говорит Джули, пока мы проталкиваемся через унылую толпу, — военные и строители, которые топят печали на дне графина с соком, — разве это не маразм? Хоть с собой принести можно, и то хорошо.

Сад — первое для меня место в этом городе, у которого есть хоть какое-то лицо. Все питейное снаряжение на месте — тут и бильярдные столы, и доски для дротики, и плоский телевизор с футбольным матчем. Поначалу телевизор меня поражает: неужели развлечения до сих пор существуют? Кто-то, несмотря ни на что, тратит свое время на такую ерунду? Но вдруг на десятой минуте периода картинка переплывает одна в другую, как на кассете, — и на экране уже другая игра. Команды и счет поменялись на середине схватки. Пять минут спустя повторяется то же самое, смену игры знаменует лишь секундная заминка. Футбольные фанаты и внимания на это не обращают.

Пустыми глазами они смотрят эти урезанные, бесконечно заикленные соревнования и потягивают сок из пивных кружек, как актеры исторической реконструкции.

Отвожу глаза — некоторые уже заметили, что я глазею. Но взгляд как будто сам возвращается. Картинка впечатывается в мозг. В голове проявляется мысль, как призрак на поляроидном снимке.

— Три грейпфрутовых, — говорит Джули бармену, и тот с едва заметным смущением принимается выжимать соки. Садимся у стойки, девушки начинают болтать о своем. Музыка их голосов заглушает бречание музыкального автомата — но затем и она уходит на задний план. Я смотрю на телевизор. Я смотрю на людей. Их угловатые кости просвечивают сквозь мышцы. Чуть не рвут туго натянутую кожу. Я вижу их скелеты, и меня осеняет: это зародыши Костей. Это прообраз их извращенных, высохших умов.

Вселенная сжимается. Память, потенциал — все опивается до минимальных объемов, превращается в мельчайшие крупички, пока и с них не облетает последняя частичка плоти. Центр черной дыры, бездна вечной неизменности — таков мир Костей, этих мертвоглазых паспортных фотографий, запечатленных в тот самый миг, когда они окончательно отказались от человечности. В тот беспросветный миг, когда они оторвали от себя последнее волоконец и зашвырнули его в пропасть. Теперь не осталось ничего. Ни мысли, ни чувства, ни прошлого, ни будущего. Ничего, кроме отчаянной нужды *сохранить все как есть, как было всегда*. У них нет выбора. Или вечный замкнутый круг — или погиб-путь во взрыве цвета и звука, исчезнуть в необъятности небес.

И вот мысль гудит в моей голове, шепотом бежит по нервам, как по телефонным проводам: а что, если столкнуть их с накатанного пути? Чуть пошатнув их устои, мы уже добились слепой ярости. Вдруг можно создать что-то настолько новое и невероятное, что они *ломаются*? Сдадутся? Рассыплются в прах и развеются по ветру?

— Р, — окликает Джули, ткнув меня в плечо, — ты где? Опять замечтался?

С улыбкой пожимаю плечами. Мой словарный запас снова меня подводит. Я должен как-то поделиться тем, что думаю, и чем скорее, тем лучше. Что делать, я пока и сам не знаю, но в одиночку у меня нет никаких шансов.

Бармен приносит наши соки. Мы с Норой с сомнением изучаем светло-желтое содержимое трех коктейльных стаканов. Джули, глядя на нас, ухмыляется:

— А помните, в детстве чистый грейпфрутовый сок считался напитком для самых крутых? Типа виски для детей.

— Ага, — смеется Нора. — А яблочный и всякие там смеси — это для слабаков.

— За нашего нового друга Арчи. — Джули поднимает стакан. Приподнимаю свой, девушки об него чокаются. Пьем. Я не то чтобы чувствую вкус, но сок находит старые ранки во рту, укусы, о которых я и не помню, и жжется.

Джули требует повторить, и когда заказ приносят, вешает сумку на плечо и встает.

— Сейчас вернусь, — сообщает она и уносит стаканы в туалет.

— Что она... делает?

— Не знаю. Ворует наш сок?

Мы сидим в неловкой тишине — друзья друзей, — отсутствием Джули лишённые всего, что между нами было общего. Через пару минут Нора наклоняется ко мне:

— Ты понял, почему она сказала, что ты мой парень, да?

Дергаю плечом:

— Ага.

— Это ничего не значит, просто Джули хотела отвлечь от тебя внимание. Если бы она сказала, что ты *ее* парень, или друг, или просто знакомый, Гриджо бы из тебя последнюю жилу вытянул. И вообще, если бы он всерьёз принял *тебя разглядывать*... грим все-таки не идеальный.

— Я пони... маю.

— Кстати, чтобы ты знал. Когда она повела тебя к своей маме, я чуть с ума не сошла.

Вопросительно поднимаю брови.

— Она ни с кем о ней не говорит. Даже *Перри* только через три года рассказала. Не знаю, что все это для нее значит... в общем, такого, как сегодня, ни разу не было.

Я смущенно рассматриваю барную стойку. На лице Норы появляется до странного нежная улыбка.

— Знаешь, ты немного похож на Перри. Замираю, снова чувствуя, как в горле закипает стыд.

— Не знаю чем. Ты, конечно, не такое трепло, но в тебе есть что-то... та же *искра*, что ли. Когда мы только познакомились, он был такой же.

Мой рот давно пора зашить. Честность еще ни разу не приносила мне ничего хорошего. Но больше я не могу молчать. Слова неудержимы, я будто не говорю, а чихаю.

— Я его убил. Съел... мозг.

Нора поджимает губы и кивает:

— Угу. Я так и думала.

Я теряюсь.

— Что?

— Я ничего не видела, но два и два сложить нетрудно. Это логично.

Я замираю, парализованный шоком.

— Джули... знает?

— Вряд ли. А если бы и знала, это бы ничего не изменило, — отвечает Нора, сочувственно коснувшись моей руки. — Ты можешь ей сказать, Р. Она тебя простит.

— *Почему?*

— Потому же, почему и я тебя прощаю.

— *Почему?*

— Потому что ты не виноват. Виновата чума.

Я жду продолжения. Она уставилась в телевизор, ее лицо осветилось бледной зеленью.

— Джули тебе не рассказывала, как Перри ей однажды изменил?

Нерешительно киваю.

— Ну вот... это он со мной.

Бросаю взгляд на дверь туалета, но Норе, похоже, нечего скрывать.

— Я тогда всего неделю здесь провела, — продолжает она. — С Джули еще не познакомилась. Собственно, так мы и встретились. Я трахнула ее бой-френда, она меня возненавидела, прошло время, мы стали лучшими подругами. С ума сойти, да? — Она опрокидывает свой стакан, чтобы поймать ртом последние капельки, и отставляет его в сторону. — Понимаешь, мир дерьмо, конечно, но это еще не значит, что мы обязаны в нем купаться. Мои в хлам обкуренные родители бросили меня посреди трущоб, кишящих зомби, — мне было всего шестнадцать. Я несколько лет бродила одна, пока не нашла Стадион. У меня пальцев на руках не хватит, чтобы сосчитать, сколько раз я чуть не погибла. — Она поднимает левую руку и хвастается обрубком пальца, как невеста

кольцом. — Понимаешь, когда на тебя столько всего давит, надо на все смотреть масштабно. Иначе долго не протянешь.

Смотрю ей в глаза, но ничего в них прочесть не могу. Неграмотный.

— И как это... масштабно? Я убил Перри.

— Слушай, Р, — говорит она, отвешивая мне шутливый подзатыльник, — ты же зомби. Ты жертва чумы. Точнее, был ей, когда убил Перри. И даже если ты изменился — а я *очень* на это надеюсь, — раньше у тебя не было выбора. Это не преступление и не убийство. Это нечто совсем глубинное, неизбежное. Короче, мы с Джули сечем, понял? — Она стучит пальцем по виску. — Есть такая буддистская пословица. "Ни хвалы, ни вины — все так, как есть". Нам неинтересно искать виноватых, мы просто хотим найти лекарство.

Джули наконец возвращается из туалета и с заговорщическим видом ставит стаканы на стойку.

— Иногда и грейпфрут бывает слабоват, — заявляет она.

Нора пробует содержимое своего стакана и отворачивается, прикрыв рот.

— Вот... черт! Сколько ты туда бухнула? — спрашивает она, откашлявшись.

— Всего пару стопок водки, — с детской невинностью шепчет Джули. — Скажи спасибо нашему другу Арчи и "Загробным Авиалиниям".

— *Арчи*, зашибись!

Я качаю головой:

— Пожалуйста... хватит... звать...

— Ладно-ладно, больше никаких Арчи. За что пьем? Ты решай, Р, выпивка-то твоя.

Держу стакан перед собой. Нюхаю и мысленно убеждаю себя, что я все еще целый, все еще человек, все еще могу чувствовать запахи помимо зловония смерти и потенциальной смерти. Цитрусовый аромат щиплет мои ноздри. Роскошные летние сады Флориды. Кажется, пошлее того тоста, который пришел мне в голову, не бывает. Ну и ладно.

— За... жизнь.

— Ты серьезно? — фыркает Нора.

Джули пожимает плечами:

— Пошлятина, конечно, ну и пусть.

Поднимает бокал и чокается со мной:

— За жизнь, мистер зомби.

— Лехаим! — кричит Нора и пьет до дна.

Джули пьет до дна.

Я пью до дна.

Водка ударяет в голову, как картечь. На этот раз об эффекте плацебо и думать смешно. Я чувствую, что напиток крепкий. *Чувствую*. Разве это возможно?

Джули набодяживает нам еще. Раз спиртное здесь под запретом, я предполагал, что девушки опьянеют так же быстро, как и я. Но теперь начинаю понимать, что, должно быть, заглянуть в магазин спиртного на вылазке — обычное дело. Пока я смакую свой второй стакан, наслаждаясь удивительным чувством, разлившимся по всему телу, они меня уже обогнали. Весь посторонний шум стихает, и я просто смотрю на Джули — центральный элемент моги размытой картины. Она беззаботно смеется, свободно откинув голову, смех льется из нее ручьем. Кажется, такой я ее еще не видел.

Они с Норой вспоминают что-то смешное. Джули поворачивается ко мне и что-то говорит — целится шуткой при помощи слов и ослепительной улыбки, — но я молчу. Просто смотрю на нее, опершись на барную стойку, и улыбаюсь.

Блаженство. Неужели это оно?

Допиваю и чувствую тяжесть внизу. Мне надо отлить. Мертвые не пьют, так что и мочиться нам обычно не приходится. Надеюсь, я еще помню, как это делается.

Иду в туалет и упираюсь лбом в стену над писсуаром. Расстегиваю ширинку и смотрю вниз — вот и он. Волшебный инструмент жизни и смерти и еб-ли-на-первой-свиданке-на-заднем-сиденье. Висит, обмякший, бесполезный, и молча

укоряет меня за плохое обращение. Вспоминаю жену и ее нового любовника, с которым они хлопались друг о друга, как куры на упаковочной линии. Вспоминаю анонимные кляксы из прошлой жизни. Наверное, все они давно мертвы. Или мертвы. Наконец — Джули, свернувшаяся рядом со мной в огромной кровати. Мне вспоминается ее тело в дурацком белье несочетаемых расцветок, ее дыхание у моих глаз, пока я рассматриваю каждую черточку на ее лице, гадая, какие загадки таятся в сияющем ядре каждой клетки ее тела.

В общественном сортире, провонявшем дерьмом и мочой, я стою и думаю: неужели слишком поздно? Или из скрежещущей пасти небес все-таки можно вырвать последний шанс? Я хочу новое прошлое, новые воспоминания, новое знакомство с новой первой любовью. Я хочу начать заново во всем.

Выхожу из туалета, едва держась на ногах. Слышу голоса, они звучат неразборчиво. Джули и Нора увлеклись разговором, перешептываются и смеются. К ним подходит парень лет тридцати и говорит Джули какую-то сальность. Нора бросает на него злобный взгляд и что-то отвечает, кажется, с сарказмом, а Джули велит оставить их в покое. Пожав плечами, тот возвращается к бильярдному столу, где его ждет приятель. Тут Джули выкрикивает какое-то оскорбление, и пока второй смеется, первый с жестокой улыбкой выкрикивает ответ. На секунду Джули замирает. Потом они с Норой поворачиваются к бильярдному столу спиной, и Нора принимается ей что-то нашептывать.

— Что... случилось? — спрашиваю я, подойдя поближе. Оба типа у бильярда смотрят мне в спину.

— Ничего, — отвечает Джули дрожащим голосом. — Все нормально.

— Р, ты не выйдешь на минутку? — просит Нора.

Смотрю на одну, потом на другую. Они ждут. Выхожу из бара на воздух. Меня переполняют чувства. Приваливаюсь к ограде — до улицы семь головокружительных этажей. Почти во всех окнах темно, и только фонари на обочинах мерцают и пульсируют, как живые. Диктофон Джули настойчиво оттягивает мой карман. Достаяю и смотрю на него. Не стоит, конечно... но я... сейчас мне это нужно...

Закрываю глаза. Пошатнувшись, опираюсь одной рукой на перила. Чуть-чуть перематываю назад и включаю.

...безумие... а впрочем, почему? Только потому, что он... такой, какой он есть? И вообще, "зомби" — дурацкое слово...

Снова мотаю назад. В голове почему-то крутится, что в пробеле между началом этой записи и концом предыдущей сосредоточилось все то время, что я знаю Джули.

Весь смысл моей жизни в паре секунд шипения ленты.

Жму на "стоп", включаю.

...думает, что никто не знает, хотя все всё знают. Они просто боятся с ним связываться. Чем дальше, тем хуже. Сегодня он заявил, что любит меня. Вот прямо так и сказал. Что я красивая, что во мне заключено все, что он так любил в маме, и если со мной что-нибудь случится, он с ума сойдет. И все это правда. Я знаю, глубоко внутри он именно такой... но чтобы это прорвалось, нужно было напиться до зеленых чертей... Так противно... Тошно.

На пленке долгая пауза. Оглядываюсь на дверь бара, мне стыдно, но я не могу удержаться. Здесь все личное. Знание, которое я должен заслужить месяцами терпеливой близости. Но... мне очень хочется дослушать.

Я думала заявить на него. Явиться в клуб и заставить Розу его арестовать. Я не против выпивки, наоборот, только за, но папа... с ним все по-другому. Для него это не праздник, а, наоборот, что-то мучительное, страшное, он как будто готовится к какой-то чудовищной средневековой хирургической операции. И... да... я знаю почему. Я сама делала вещи и похуже, но он... он просто... — Ее голос прерывается, она шмыгает носом, будто сама себя упрекает. — *Господи,* — всхлипывает она. — *Вот черт.*

Еще несколько секунд шипения. Я прислушиваюсь. Вдруг распаивается дверь. Разворачиваюсь и швыряю диктофон в темноту. Но это не Джули. Это те двое, которые

играли в бильярд. Толкаясь, они вываливаются наружу и с кривыми усмешками зажигают по сигарете.

— Эй, ты, — выкрикивает тот, который подходил к Джули. Он высокий и смазливый, мускулистые руки покрыты татуировками — змеи, скелеты и логотипы давно почивших рок-групп. Оба направляются ко мне.

— Здорово, чувак. Так ты что, новый парень Норы?

Пауза. Пожимаю плечами. Оба хохочут, как будто я отпустил неприличную шутку.

— Ага, правильно, с ней хрен разберешь! — Ткнув своего приятеля в грудь кулаком, первый подходит еще ближе. — А Джули знаешь, чувак? Вы друзья или что?

Киваю.

— И давно?

Пожимаю плечами. Внутри сжимается пружина. В паре футов от меня он опирается на стену и затягивается.

— Она тоже та еще дикая штучка была. Я ее стрельбе учил.

Надо уходить. Прямо сейчас. Повернуться и уйти.

— Вся такая непорочная заделалась, когда замутила с этим ее Кельвином, а когда-то так гуляла — все ходуном ходило! Сотка тогда уже и на пачку сигарет не тянула, но с этой сучкой ее хватало надолго.

Я раскалываю его череп о стену. Это очень просто — один бросок, удар ладонью по лицу — и затылок отлетает прямо в стену. Не знаю, убил ли я его, все равно. Когда на меня бросается его приятель, и с ним делаю то же самое. В алюминиевом сайдинге Сада появились две крупные вмятины. Оба сползают на землю. Шаркаю вниз по лестнице, выхожу на мостик. На меня пялятся какие-то подростки, которые курят травку прямо на мостике, держась за тросы. Проталкиваюсь мимо, пытаюсь сказать "Извините", но не нахожу звуков. Спускаюсь еще на четыре этажа, выхожу на улицу Феи, Волшебницы, или как там ее. Мне надо уйти от людей, собраться с мыслями. Я так хочу есть. Я умираю с голоду.

Побродив несколько минут, я окончательно заблудился. Я один на темной незнакомой улочке, с неба моросит слабый дождик. Черный асфальт влажно поблескивает под корявыми уличными фонарями. Прямо по курсу пара караульных — мальчишки, изо всех сил старающиеся казаться мужчинами, — прикидываются друг перед другом крутыми.

— ...всю прошлую неделю в Коридоре-2 заливали фундамент. До Голдмэна меньше мили, но людей почти не осталось. Гриджо почти всех перебросил со стройки в Оборону.

— А Голдмэн что? Как с их стороны идет?

— Голдмэн — говно. Они едва за ворота вышли. Говорят, благодаря тому, какой у нас Гриджо политик, слиянию все равно не бывать. Может, ему вообще больше *не хочется* никакого слияния, учитывая, что стало с Коридором-1. Не удивлюсь, если он сам и организовал обвал.

— Бред собачий. Сплетни-то не распускай.

— Ну да, так или иначе, с тех пор, как этот Кельвин скопытился, стройка зависла. Копаем ямы — закапываем ямы. И все.

— Ну и пусть! Все равно, я бы лучше что-нибудь строил, чем играть тут в живых солдатиков. Тебе хоть раз пострелять довелось?

— Раз пара трупиков вышла из кустов. Пиф-паф, игра окончена.

— Даже Костей не видел?

— Больше года не видел. Они теперь из гнезд не высовываются. Полный отстой.

— Тебе что, *нравятся* эти уроды?

— А чего, они прикольные. Хоть бегать умеют, не то что трупы.

— Прикольные! Ну ты гонишь! Эти уроды — они же неправильные! В них и стрелять-то противно.

— Вот почему ты попадаешь один раз из двадцати!

— Они уже и на человеческие скелеты не похожи, понимаешь? Пришельцы какие-то. Пиздец какую жуть нагоняют.

— А все почему? Потому что ты нюня.

— Отвали. Пойду отолью.

Караульный исчезает в ночи. Его напарник ежится в свете фонаря, глубже зарываясь в куртку от дождя. Я иду вперед. Мне не интересны эти мальчишки, я просто ищу какой-нибудь тихий угол, куда можно забиться и собраться с мыслями. Но стоит выйти на свет, караульный меня замечает. У меня проблема. Я *пьян*. Моя ровная, вышколенная Походка сменилась жалким шарканьем.

Я выгляжу как... именно то, что я и есть.

— Стоять! — кричит караульный.

Стою.

Он подходит поближе.

— Сэр, выйдите на свет, пожалуйста.

Выхожу на самый край желтого круга. Пытаюсь стоять как можно ровнее и неподвижнее. Но тут до меня доходит кое-что еще. С моих волос капает вода. Вода льется по моему лицу. Вода смыла весь грим и обнажила бледную сероватую кожу. Отшатываюсь из-под фонаря назад.

От караульного до меня примерно пять футов. Его рука уже на пистолете. Он подходит ближе и щурит глаза:

— Сэр, вы сегодня пили спиртное?

Открываю рот и хочу сказать: *нет, сэр, как можно, мы с моей подругой Джули Каберне пропустили несколько стаканчиков грейпфрутового сока, он, как вы знаете, очень полезен для сердца*. Но слова ко мне не приходят. Мой язык мертв, не слушается, и все, что мне удастся сказать: "Ы-ы-ы".

— Что за нах!.. — испуганно вскрикивает он, выхватывает фонарик и направляет его в мое серо-полосатое лицо. У меня не остается выбора. Прыгаю на него из тени, выбиваю пистолет и кусаю в горло. Его жизненная сила льется в мое оголодавшее тело, в мой мозг, и терзания моего мерзкого голода отступают. Пока в нем еще пульсирует кровь, я вгрызаюсь в плечевые мышцы, в нежное мясо брюшины... и останавливаюсь.

Джули стоит на пороге спальни и нерешительно улыбается.

Закрываю глаза и стискиваю зубы. *Нет!* — мысленно рычу я. — *Нет!*

Бросаю тело на землю и пячусь назад. Теперь я точно знаю: выбор есть. И я выбираю измениться во что бы то ни стало. Если я цветущая ветвь на древе смерти — пусть мои листья облетят. Если, чтобы уморить его кривые корни, потребуется заморить себя голодом, так я и сделаю.

Эмбрион опять пинается у меня в животе. Я слышу спокойный, утешительный голос Перри. *Р, ты не заморишь себя голодом. Я наломал немало дров только потому, что думал, что так надо. Но отец был прав: к жизни не прилагается инструкция. Все в голове, в нашем коллективном сознании. Если и есть какие-то правила, то лишь те, которые мы выдумываем сами. И, если хочется, их можно изменить.*

Перри снова пинается, и меня выворачивает. Я избавляюсь от всего. От мяса, от крови, от водки. Выпрямляюсь и вытираю рот я уже трезвый. Мой разум чист, как новенькая сверкающая пластинка.

Тело караульного медленно поднимается. Как будто невидимые руки тянут его вверх за плечи. Все остальное, обвисшее, тянется следом. Его надо убить. Я знаю, я должен, но не могу. Я принес клятву. Одна мысль о том, что мне снова придется впиться в него зубами, ощутить вкус его теплой крови, вгоняет меня в дикий ужас. Он трясется, кашляет, давится, скребет ногтями землю, корчится, его выпученные глаза постепенно наливаются серым свинцом новой смерти. Он жалобно мычит. Я больше не могу на это смотреть. Я бегу прочь. В минуту наивысшей храбрости я так и остался трусом.

Дождь льет вовсю. Я плюхаю по дороге, покрывая свежим слоем грязи недавно выстиранную одежду. Волосы налипли на лицо, как водоросли. Останавливаюсь перед

большим алюминиевым строением с фанерным крестом на крыше, падаю на колени в лужу и умываю лицо. Полощу рот помоями из канавы, пока не отшибаю себе чувство вкуса. Смотрю на нависший надо мной фанерный крест и гадаю, найдется ли хоть когда-нибудь у Бога — кем бы и чем бы он ни был — причина меня любить.

Перри, ты с ним уже познакомился? Как он — жив, здоров? Скажи, что он не просто разинутая пасть небес. Скажи, что из этого пустого лазоревого черепа на нас что-то взирает.

Мудрый Перри предпочитает промолчать. Я соглашаюсь с тишиной, поднимаюсь и бегу прочь.

Наконец, в обход фонарей, я добираюсь до дома Джули. Скрючиваюсь у стены под символическим укрытием балкона и жду, а дождь барабанит по железной крыше. Проходят, кажется, часы, и вот издалека доносятся голоса Джули и Норы. Но на этот раз они не вызывают во мне радости. Мелодия их голосов минорная, заунывная.

Они бегут к двери. Нора накрыла голову джинсовой курткой, Джули натянула капюшон своей красной толстовки. Нора, не останавливаясь, забегаёт в дом. Джули замирает. Не знаю, заметила ли она меня или учуяла мой гнилостный запах, но что-то подсказывает ей заглянуть за дом. Там я. Я жмусь к стене, как побитый щенок. Она медленно подходит ко мне, замерзшая, руки в карманах. Опускается на корточки и смотрит на меня в окошко своего утянутого капюшона:

— У тебя все в порядке? Вру одним кивком.

Джули садится рядом на крошечный пяточок сухой земли, привалившись спиной к дому. Стаскивает капюшон и шапку, убирает назад волосы, налипшие на лицо, и надевает все обратно.

— Ты меня напугал. Исчез — и даже не предупредил.

Смотрю на нее жалобно, ничего не говорю.

— Не хочешь рассказать, что произошло?

Качаю головой.

— Это ты... вырубил Тима и его друга?

Киваю.

На ее лице появляется смущенная улыбка, как будто я явился к ней с огромным идиотским букетом роз или посвятил корявый сонет.

— Очень... мило с твоей стороны, — говорит наконец она, подавляя смех. Еще минуту мы сидим в тишине. Потом она легонько касается моего колена. — А неплохо мы сегодня повеселились, да? Пусть кое-что и не совсем гладко прошло.

Киваю — улыбнуться мне не удастся.

— Я до сих пор под градусом. А ты?

Качаю головой.

— Жаль. Это прикольно. — Ее улыбка сияет все ярче, глаза смотрят вдаль. — Знаешь, когда я в первый раз выпила, мне было всего восемь. Папа считал себя большим знатоком, так что когда он возвращался с очередной войны, мама устраивала дегустации вин. Они собирали друзей, доставали какую-нибудь редкую бутылочку — ну и напивались, конечно. А я сидела с ними, посередине дивана, потягивала разрешенные мне полбокала и смотрела, как взрослые становятся все глупее. Розы так уносило! Он с одного бокала в Санта-Клауса какого-то превращался. Однажды они с папой решили помериться силами на кофейном столике и в итоге разбили лампу. Здорово было.

Она принимается рисовать закорючки в грязи. Грустно улыбается своим мыслям.

— Знаешь, Р, не всегда все было так плохо. И папа бывал на высоте, и даже когда окончательно настал конец света, временами мы еще веселились. Ходили в семейные вылазки, собирали самые невероятные вина, какие только можно вообразить.

Тысячедолларовые бутылки "Дом Романе Конти" девяносто седьмого года на полу в заброшенном подвале. — Джули усмехается. — Когда-то папа пищал бы от восторга. Но когда мы сюда переехали, он свой энтузиазм уже... подрастерял, что ли. Но чего только мы

не пили!

Я наблюдаю, как она говорит. Ее челюсть шевелится, одно за другим слова льются с губ. Я не заслуживаю их — этих теплых, живых воспоминаний. Я нарисовал бы их на голой стене моей души, но, что бы я ни тронул кистью, краска осыпается вместе со штукатуркой.

— А потом мама сбежала, — продолжает Джули, разглядывая в грязи результат своих трудов. Она нарисовала дом. Простенький домик с дымом из трубы и солнцем, озаряющим крышу. — Папа думает, мама была пьяна, отсюда и сухой закон. Но я ее видела. Она была трезвой. Трезвее не бывает.

Джули все еще улыбается своим воспоминаниям, как будто они для нее приятные безделки, но улыбка стала холодной и безжизненной.

— Она зашла той ночью ко мне в комнату. Стояла на пороге и смотрела. Я притворилась спящей. Хотела вскочить и заорать: "Бу!" Но она вышла.

Джули тянется к рисунку, чтобы затереть его, но я останавливаю ее руку. Смотрю на нее и качаю головой. С минуту она молча меня разглядывает. Потом вдруг вскакивает и оказывается напротив.

— Слушай, Р, — говорит она. — Если я тебя поцелую, я умру?

У нее твердый взгляд. Она *почти* трезва.

— Ты же говорил, что нет, правильно? Что я не заражусь? Потому что сейчас мне очень хочется тебя поцеловать. — Она переминается с ноги на ногу. — А даже если ты меня чем-то и заразишь, это не обязательно будет что-то плохое. Ты ведь теперь совсем другой, да? Ты не *зомби*. Ты... ты что-то новое.

Ее лицо очень близко к моему. Ее улыбка тает.

— Ну что, Р?

Я смотрю ей в глаза и тону в их ледяных волнах, как потерпевший крушение моряк, из последних сил цепляющийся за плот. Только у меня нет плота.

— Джули, — говорю я. — Надо... кое-что... тебе показать.

Она с любопытством склоняет голову набок:

— Что?

Встаю. Беру ее за руку и веду за собой. За исключением первобытной дробы дождя, кругом очень тихо. Дождь напитывает водой грязь и пленкой растекается по асфальту, тени расплываются на ней глянцевыми черными чернилами. Я держусь узких улочек и неосвященных дорог. Джули шагает чуть приотстав, с удивлением глядя на меня.

— Куда мы идем? — спрашивает она.

Замираю на перекрестке, листая атлас краденых воспоминаний, пытаюсь узнать местность, в которой никогда раньше не был.

— Почти... пришли.

Несколько осторожных взглядов из-за угла, несколько осторожных перебежек через перекрестки — и мы на месте. Перед нами пятиэтажный дом, высокий, узкий и серый, как и все дома в этом скелетном городе. Окна настороженно мерцают желтым и как будто смотрят на нас.

— Р, что это значит? — шепчет Джули, глядя на дом. — Это же...

Я тащу ее за собой на крыльцо, и мы останавливаемся под навесом. Дождь стучит по крыше, как военный барабанщик.

— Одожди... шапку, — прошу я, не глядя на нее. Помедлив, она стягивает шапку и отдает мне.

Синяя шерсть с красной полосочкой по краю...

Эту шапку связала для Джули миссис Россо на ее семнадцатый день рождения. Перри считал, что в ней она похожа на эльфа, и стоило Джули ее надеть, разговаривал с ней только на языках профессора. Джули обзывала его задротом, Перри соглашался, но продолжал целовать ее в шею и...

Натянув шапку на глаза и опустив взгляд, как застенчивый мальчишка, я выстукиваю на двери медленный вальс. Она приоткрывается. С порога на нас смотрит женщина средних

лет в тренировочных штанах. Лицо у нее одутловатое и в морщинах, под распухшими красными глазами мешки.

— Мисс Гриджо? — говорит она.

Джули бросает на меня быстрый взгляд.

— Здрасьте, миссис Грау. Э-э...

— Что вы делаете на улице в такое время? Нора с вами? Уже комендантский час.

— Я знаю, мы... мы немножко заплутали по дороге из Сада. Нора сегодня ночует у меня... Можно нам зайти на минутку? Мне нужно с ребятами поговорить.

Пока миссис Грау без особого интереса меня разглядывает, я не поднимаю глаз. Наконец она с раздраженным вздохом распахивает дверь.

— И не думайте, что я пушу вас переночевать. Тут вам не ночлежка, а сиротский дом, а приятель ваш, барышня, староват, чтобы записываться в мои подопечные.

— Я знаю, знаю, извините, мы... — Она снова оглядывается на меня. — Мы на минутку.

Я больше не могу терпеть эти формальности. Проскальзываю в дом мимо хозяйки. С порога одной из спален на меня уставился маленький ребенок.

— Я кому сказала? — рявкает миссис Грау с суровым видом. — Марш в постель!

Мальчик исчезает в тени. Я веду Джули вверх по лестнице.

Второй этаж точно такой же, как и первый, только тут рядами разложены матрасы, на которых спят дети постарше. Их очень много. Родители исчезают, поглощенные чумой, а новые сиротские дома возникают тут и там, как нефтеперерабатывающие заводы. По дороге к лестнице наверх мы переступаем через несколько спящих, и одна девочка вяло хватается Джули за лодыжку.

— Мне приснился плохой сон, — шепчет она.

— Ничего, малышка, — шепчет в ответ Джули. — Теперь все хорошо, ты в безопасности.

Девочка снова закрывает глаза. Мы поднимаемся выше.

На третьем этаже еще не спят. Подростки всех возрастов сидят за столами на раскладных стульях, пишут в тетради, листают учебники. Некоторые похрапывают на двухэтажных койках в тесных спальнях. Все двери, кроме одной, открыты. Несколько мальчишек постарше поднимают на нас удивленные взгляды.

— Ой, Джули. Здорово. Как дела? Держишься?

— Привет. Я... — Тут она замолкает, и многоточие в конце концов превращается в точку. Она косится на закрытую комнату. Смотрит на меня. Я за руку тащу ее внутрь и закрываю за нами дверь.

Здесь темно, единственное освещение — тускло-желтое сияние фонарей за окном. Из мебели только фанерный комод и костяк кровати, прямо на потолке над которой наклеено несколько фотографий Джули. Воздух затхлый. Тут гораздо холоднее, чем во всем остальном доме.

— Р, твою мать, — страшным, дрожащим голосом говорит Джули. — Что мы тут делаем?

Наконец я поднимаю на нее глаза. В тускло-желтых сумерках мы похожи на актеров выцветшей кинодрамы.

— Джули. Эта... теория... о том, что мы... едим мозг... — Джули отчаянно трясет головой. — Все правда.

Я смотрю в ее наполняющиеся слезами глаза, потом наконец опускаюсь на колени и открываю нижний ящик комода. Под горками старых марок, микроскопом, армией оловянных солдатиков лежит стопка бумаги, перевязанная красной бечевкой. Достаю ее и протягиваю Джули. Станным, удивительным образом мне кажется, что рукопись моя. Я как будто протянул ей собственное истекающее кровью сердце на тарелке. Я готов к тому, что сейчас она изорвет его на клочки.

Джули берет рукопись. Развязывает бечевку. Чуть не всхлипывая, целую минуту

смотрит на первую страницу. Наконец вытирает глаза и прокашливается.

— "Красные зубы", — читает она вслух. — Перри Кельвин. — Переводит взгляд ниже. — Посвящается Джули Каберне, последней, кто еще светится в ном мире.

Она опускает рукопись и ненадолго отворачивается, пытаясь скрыть, что у нее перехватило горло. Затем берет себя в руки и переворачивает страницу. Читает — и из-за слез проглядывает робкая улыбка.

— Вот это да, — говорит она, всхлипнув и вытерев нос рукой. — А ведь... это и правда... неплохо. Раньше он писал какую-то скучную, бесстрастную муру. А это... попсовато... но в хорошем смысле. Больше похоже на то, каким он был на самом деле. — Джули снова смотрит на обложку. — Начал меньше года назад. Я и не знала, что он не бросил. — Открывает последнюю страницу. — Не закончил. Все обрывается на середине предложения. "Врагов было больше, они были лучше вооружены, и смерть была неминуема, но он продолжал сражаться, потому что..."

Она проводит пальцем по бумаге, исследует ее на ощупь. Зарывается в нее лицом и вдыхает. Наконец закрывает глаза, складывает рукопись и завязывает бечевку. Поднимает взгляд на меня. Я выше ее почти на фут и тяжелее, наверное, фунтов на шестьдесят, но сейчас я чувствую себя крошечным, невесомым. Мои руки безвольно обвисли. Она может сбить меня с ног, раздавить одним-единственным словом.

Но Джули молчит. Она кладет рукопись обратно в ящик и закрывает его. Выпрямляется, вытирает лицо рукавом и обнимает меня, приложив ухо к груди.

— Тук-тук, — шепчет она. — Тук-тук. Тук-тук.

— Прости, — говорю я.

Не открывая глаз, не поднимая лица от моей рубашки, она отвечает:

— Я тебя прощаю.

Легонько касаюсь ее золотистых волос:

— Спасибо.

Эти три фразы, такие простые, примитивные, никогда еще не были такими совершенными. Такими верными своему исконному смыслу. Ее щека, прижатая к моей груди, шевелится — большая скуловая мышца растягивает ее губы в слабой улыбке.

Мы молча закрываем за собой дверь в комнату Перри Кельвина и уходим. Спускаемся вниз по лестнице мимо взволнованных подростков, толкающихся детей, давно уснувших младенцев и выходим на улицу. Чувствую очередной пинок, но не в животе, а в груди — ближе к сердцу, чем к желудку. В голове раздается тихий голос.

Спасибо, — говорит Перри.

Было бы хорошо тут все и закончить. Отредактировать собственную жизнь. Замолчать на середине предложения, отложить все куда-нибудь в ящик комода, отдаться на волю амнезии и забыть обо всем, что произошло, происходит или вот-вот произойдет. Закрыть глаза и уснуть и видеть счастливые сны.

Но нет, "Р". Никаких тебе блаженных сновидений. Они не для тебя. Или ты забыл? У тебя руки в крови. У тебя губы в крови. У тебя зубы в крови. Улыбнись, тебя снимают.

— Джули... — начинаю я, решившись признаться и в последнем своем грехе. — Я должен... сказать...

БУМ

Поле Стадиона залито галогеновым светом, за одно мгновение полночь превращается в полдень. Мне видны мельчайшие поры на лице Джули.

— Что за хрень? — ахает она, озираясь.

Пронзительный вой тревоги окончательно разбивает ночную тишину. На наших глазах загорается сохранившийся с предапокалиптических времен гигантский телеэкран. Он висит на тросах под открытой крышей, как скрижаль, спустившаяся с небес. На экране появляется грубо нарисованный мультик: квотербек бежит от кого-то, преследующего его с вытянутыми

руками, видимо, от зомби. Мультик перемежается текстом — одним словом во весь экран. Думаю, там написано:

ТРЕВОГА

— Р, — в ужасе спрашивает Джули, — ты кого-то съел?

Смотрю на нее с отчаянием.

Не... не б... б... было в... вы... вы... бора, — заикаюсь я, в панике растеряв все свое умение говорить! — Он... оста... новил. Я... не... хотел.

Поджав губы, она пронзает меня взглядом, но затем трясет головой, будто избавляется от одной мысли, чтобы посвятить себя другой.

— Ладно. Тогда нам нужно в дом. Черт, Р. Забегаем в дом, она захлопывает дверь. Нора встречает нас на лестнице.

— Где вас носило? Что там происходит?

— Тревога, — отвечает Джули. — Зомби в Стадионе.

— Он, что ли?

В глазах Норы такое разочарование, что скулы сводит.

— И да и нет.

Вбегаем в комнату Джули и выключаем свет. Садимся на кучи одежды на полу и молчим. Сидим и прислушиваемся к звукам. К охранникам, которые бегают и кричат. К выстрелам. К нашему тяжелому дыханию.

— Не волнуйся, — шепчет Джули Норе. Но на самом деле ее слова предназначаются мне. — Много народу не пострадает. Слышишь выстрелы? Его, наверное, уже пристрелили.

— Значит, все нормально? — спрашивает Нора. — С Р ничего не будет?

Джули мрачно смотрит на меня.

— Даже если допустить, что у кого-то был сердечный приступ, сам себя он бы не покусал. Так что очевидно, что в городе есть еще как минимум один зомби.

Нора переводит взгляд с Джули на меня. Мне кажется, что я краснею.

— Твоих рук дело? — спрашивает она, с трудом принуждая себя к беспристрастности.

— Не... хотел. Он... бы... убил.

Нора молчит. На ее лице ничего невозможно прочитать.

Смотрю ей в глаза и надеюсь, что она почувствует, какой жгучий стыд меня гложет.

— Мой последний, — говорю я, с трудом заставляя свой убогий язык шевелиться. — Зарекся. Поклялся... пасти небес.

Несколько невыносимых секунд спустя Нора кивает и говорит Джули:

— Надо его отсюда вывести.

— На время тревоги все перекрыто. Ворота заперты и под охраной. Может, даже крышу закроют, если как следует перепугаются.

— Ну и что нам теперь делать?

Джули пожимает плечами. В ее исполнении этот жест выглядит нелепо, неправильно. Смотрит на меня и отвечает:

— Не знаю. Опять я ничего не знаю.

Джули и Нора не один час воюют со сном, пытаюсь придумать, как меня спасти, но в конце концов сдаются и засыпают. Я лежу на куче штанов и таращусь на зеленовато-звездный потолок. Что пробуй, что не пробуй, мистер Леннон. Не так-то все просто.

Сейчас это кажется ерундой, тонкой серебристой каемкой вокруг огромного грозового облака, но, кажется, я учусь читать. Я смотрю на фосфоресцирующие созвездия, и буквы собираются в слова. Стыковать их в предложения пока трудно, но все равно. Крошечные символы склеиваются вместе и врываются смыслом, как мыльные пузыри, — и это наслаждение. Если я когда-нибудь снова увижу свою жену... Хотя бы смогу прочитать ее имя.

Ползут часы. Уже давно за полночь, но снаружи светло, как в полдень. Галогенные

прожекторы таранят дом своим белым светом, пробиваются в щели между шторами. Мои уши вбирают в себя все, что происходит вокруг. Девушки тихо дышат. Ворочаются во сне. Потом, где-то в четыре утра, звонит телефон.

Джули просыпается и приподнимается на локте. Откуда-то из другой комнаты снова раздается звонок. Она откидывает одеяло и встает. Странно видеть ее с такого ракурса — Джули, такая маленькая, впервые возвышается надо мной. Теперь она защищает меня. Одна ошибка, одно секундное помутнение моего новообретенного рассудка — и все полетит в тартарары. Какая же это чудовищная ответственность — руководствоваться моралью.

Телефон звонит и звонит. Джули выходит из спальни, я топаю за ней. Каждый мой шаг эхом разносится по пустому дому.

Заходим в комнату, оборудованную под кабинет. Рабочий стол завален бумагами и чертежами, а к стенам прикручены телефоны всех сортов — каждым из своей эпохи.

— Телефонную систему перенастроили. Она теперь больше похожа на интерком. В самые важные места у нас прямые линии.

Под каждым телефоном закреплена табличка с названием. *Привет, меня зовут:*

САДЫ

КУХНИ

СКЛАД

ГАРАЖ

АРСЕНАЛ

КОРИДОР-2

КУПОЛ голдмэн

АРЕНА

ПОЛЕ ЛЕМАН

И так далее.

Звенит зеленый пыльный дисковый аппарат с подписью ГОРОД.

Джули смотрит на телефон. Смотрит на меня.

— Странно. Эта линия из заброшенных районов. Ей сто лет никто не пользовался, у нас у всех рации.

Телефон упорно продолжает надрываться. Удивительно, как Нора до сих пор спит.

Джули нерешительно поднимает трубку и прикладывает к уху.

— Алло? — Пауза. — Что? Не понимаю... — Она сосредоточенно хмурит лоб. Вдруг ее брови ползут вверх. — А. — Она сердито щурится. — Ты. Да, это Джули, что ты... — Пауза. — Ладно. Да, он здесь. — Она протягивает мне трубку. — Это тебя.

Недоверчиво смотрю на телефон:

— Что?

— Твой приятель. Тот жирный ублюдок из аэропорта.

Хватаю трубку. Прикладываю динамиком ко рту. Джули качает головой и помогает перевернуть ее как надо. В полном ошарашивании выдыхаю в трубку:

— М?

В ухе рокошет его низкий голос:

— Эй... Казанова!

— Что... Где ты?

— В... городе. Не знал... что будет... с теле... фоном. Попробовал. Ты как?

— Нормально... но заперт. Стадион... Тревога.

— Жопа.

— Что... происходит? У вас там?

Секунду он молчит.

— Р. Мертвые... приходят. Еще. Из... аэропорта. Из других... мест. Нас много.

Я не отвечаю. Рука с трубкой постепенно опускается. Джули смотрит на меня, ничего не понимая.

— Алло? — говорит М.

— Извини. Я здесь.

— Ну... и мы *здесь*. Все. Что теперь? Что нам... делать?

Опускаю трубку на плечо и смотрю на стену, в пустоту. Смотрю на бумаги, разбросанные по столу генерала Гриджо. Все его планы для меня — галиматья. Все это, конечно, важно — провиант, строительство, распределение вооружения, тактические боевые задачи. Он пытается сохранить всем жизнь, и это хорошо. Это фундамент. Но, как уже сказала Джули, должно быть и что-то большее. *Земля под фундаментом*. Без которой все будет рушиться снова и снова, сколько бы кирпичей он ни положил. Вот что мне важно. Земля под кирпичами.

— Что происходит? — не выдерживает Джули. — Что он говорит?

Я смотрю в ее взволнованное лицо, и чувствую судорогу в животе, и слышу молодой, взволнованный голос.

Началось, мертвячок. Вы с Джули запустили машину, и теперь она движется сама по себе. Античума! Вирус жизни! Ты хоть сам-то понимаешь, образина ты тупая? Он в тебе! Его надо разносить. Ты должен выбираться из этих стен.

Я отворачиваю трубку от уха, чтобы и Джули могла послушать. Она прислоняется к ней ухом.

— М.

— Чего?

— Скажи Джули.

— Что?

— Скажи Джули... что... происходит.

Пауза.

— Меняемся. Нас много... таких. Как Р.

Джули смотрит на меня, и я почти слышу, как у нее поднимаются волоски на шее.

— Так ты что, не один такой? — говорит она, отодвинувшись от трубки. — Вы... оживаете? — Она похожа на маленькую девочку, высунувшую голову из бомбоубежища после того, как провела всю жизнь во тьме. Ее голос, тихий и нерешительный, чуть не дрожит полупридушенной надеждой. — Что же это... чума проходит?

Я киваю.

— Мы — лекарство.

— Но *как*?

— Не знаю. Но надо... продолжать. Там. Где М. Снаружи.

Ее восторг тут же угасает.

— То есть нам надо уйти.

Я киваю.

— Обоим.

— Обоим, — подтверждает М голосом подслушивающей мамы. — Джули... часть... лекарства.

— То есть вы хотите, чтобы я, — говорит она, глядя на меня с явным сомнением, — сублинная живая девчонка, сбежала в дикие городские джунгли с бандой зомби?

Киваю.

— Ты хоть понимаешь, какое это безумие?

Киваю.

Некоторое время она молчит, глядя в пол.

— Ты уверен, что сможешь меня защитить? Когда мы останемся с ними одни.

Неизлечимая честность побуждает меня задуматься. Джули хмурится.

— Да! — отчаянно вмешивается М. — Может! Я... помогу.

Я поспешно киваю:

— М поможет. Остальные... помогут. Да и тебе... палец в рот...

Она небрежно дергает плечом:

— Знаю. Я хотела послушать, что ты скажешь.

— Так ты?..

— Я иду с тобой.

— Уверена?

Ее жесткий взгляд направлен куда-то вдаль.

— Мне пришлось похоронить пустое мамино платье. Я очень давно этого ждала.

Киваю. Вздыхаю.

— С вашим планом только одна проблема, — продолжает Джули. — Ты, кажется, не учишься, что вчера кого-то покусал, так что Стадион будет запечатан, пока тебя не найдут и не уничтожат.

— Нам... напасть? Вытащить... вас?

Прижимаю трубку к уху:

— Нет.

— Армия... есть. Где... война?

— Не знаю. Не здесь. Здесь... люди.

— Ну и?..

Смотрю на Джули. Она потирает лоб, уставившись в пол.

— Ждите, — говорю я в трубку.

— Ждать?

— Еще... немного. Мы... придумаем... что-нибудь.

— До того... как... тебя... того?

— Надеюсь.

Долгая, растерянная тишина. Потом:

— Давай... скорее.

Мы с Джули еще долго не спим. Сидим на холодном полу гостиной и молчим. В конце концов мои глаза закрываются, и в этой странной тишине, в мои, возможно, последние часы на земле, мой разум рождает сон. Яркий, ясный, живой, полноцветный — он раскрывается передо мной, как роза в замедленной съемке на сверкающем черном фоне.

В этом — *моем* — сне я плыву по реке на отломанном киле моего самолета. Лежу на спине в синеве ночи и смотрю, как надо мной дрейфуют звезды. Этой реки нет на картах даже сейчас, в век спутников. Не знаю, куда вода несет меня. Ночной воздух тихий и теплый. Со мной только две вещи — коробочка тайской лапши и рукопись Перри. Толстая. Древняя. Переплетенная в кожу. Открываю ее на середине. Обрывок предложения на каком-то незнакомом языке, а дальше пустота. Толстая книга чистых страниц — белых, ждущих. Закрываю ее и опукаю голову на холодную сталь. Острый, сладкий запах тайской лапши щекочет ноздри. Река становится все шире, ее течение убыстряется.

Я слышу рев водопада.

— Р.

Открываю глаза и поднимаюсь. Джули сидит рядом, скрестив ноги, и наблюдает за мной в мрачном изумлении.

— Хорошо выпался?

— Не... уверен, — бормочу я, потирая глаза.

— А решение нашей маленькой проблемки тебе, случайно, не приснилось?

Качаю головой.

— Вот и мне тоже. — Бросив взгляд на стенные часы, она горестно поджимает губы. — Мне через пару часов надо быть в клубе, я там читаю книжки детям. Дэвид и Мэри всегда плачут, если я не прихожу.

Дэвид и Мэри. Я мысленно повторяю эти имена, смакую их контуры. Я бы с радостью отдал Трине хоть целую ногу за шанс снова их увидеть. Услышать перед смертью, как они неуклюже спотыкаются о собственные слова.

— Что ты... им читаешь?

Она смотрит в окно на город, где каждая трещинка, каждый изъян до сих пор залит слепящим светом прожекторов.

— Пытаюсь увлечь их "Рэдволлом". Думала, все эти песни-пляски и отважные мыши-воины хоть немножко отвлекут их от того кошмара, в котором мы живем. А Мэри все требует книжек про зомби. Я объясняю, что мне разрешают читать только художественную литературу, но... — Заметив выражение моего лица, она умолкает.

— Ты чего? Все в порядке?

Киваю.

— Думаешь о своих детях в аэропорту?

Секунду медлю, потом киваю. Глаза опять щиплет.

Она кладет руку мне на колено и заглядывает в глаза:

— Р. Перспективы у нас сейчас, конечно, не фонтан, но... слушай. Сдаваться нельзя. Пока ты дышишь... извини. Пока ты *еще можешь двигаться*, это не конец. Понял?

Киваю.

— Понял? Твою мать, Р, скажи словами.

— Понял.

Она улыбается.

— ДВА. ВОСЕМЬ. ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ.

Мы отшатываемся друг от друга. Громкоговоритель и, под потолком выплевывает последовательность чисел и раздражается пронзительным воем тревоги.

— *Внимание всем жителям Стадиона, говорит полковник Россо,* — сообщает громкоговоритель. — *В настоящий момент ситуация находится под контролем. Инфицированный офицер обезврежен, информации о дальнейших случаях заражения не поступало.*

Ипускаю вздох облегчения.

— *Однако...*

— Черт, — шепчет Джули.

— *...источник заражения все еще не обнаружен. Патрули сейчас начнут обход и обыск всех домов в Стадионе. Поскольку мы не знаем, где прячется эта тварь, всем предписано выйти из дома в зоны общественного пользования. Не закрывайтесь в тесных помещениях.* — Россо откашливается. — *Вы уж извините. Мы обо всем позаботимся, вы только... держитесь.*

Щелчок — громкоговоритель стихает.

Джули вскакивает и бежит в спальню. Раздвигает шторы — комната взрывается в свете прожекторов.

— Проснись и пой, мисс Грин! Наше время вышло! Помнишь старые ходы в стенных туннелях? Там где-то был пожарный выход рядом с вип-ложей, правильно? Р, ты уже научился лазать по лестнице?

— Стой, стой! — стонет Нора, продирая глаза. — Что происходит?

— Если верить приятелю Р, вполне возможно, вот-вот наступит конец этому мертвому говномиру. Если нас, конечно, не убьют.

— А можно все сначала? — просит Нора, наконец проснувшись.

— Потом расскажу. Только что объявили зачистку. У нас десять минут максимум. Надо найти...

Ее голос гаснет. Я смотрю на движения ее губ. Губы очерчивают каждое слово, язык трепещет меж влажных зубов. Она все еще цепляется за надежду, когда я почти уже сорвался в пропасть. Джули накручивает на палец золотистый локон спутанных, слипшихся волос.

Пряный запах шампуня — цветы, травы и корица, смешавшиеся с маслами ее кожи. Она так и не призналась, чем моет голову. Ей нравилось пахнуть загадкой.

— Р!

Джули и Нора выжидательно на меня смотрят. Я открываю рот, но не нахожу слов. А затем хлопает входная дверь — так резко, что дрожат металлические стены. По лестнице

поднимаются тяжелые шаги.

— Господи, — испуганно шепчет Джули. Заталкивает нас в ванну в коридоре, шипит Норе: — Быстро гримируй его, — и захлопывает за нами дверь.

Нора возится со своей косметичкой и пытается заново нарумянить мою облезшую после дождя физиономию. Я прислушиваюсь к разговору внизу.

— Пап, что происходит? Зомби уже нашли?

— Еще нет, но найдут. Ты ничего не видела?

— Нет, я тут была.

— Ты одна?

— Да, со вчерашнего вечера.

— Почему в ванной свет?

К нам направляются шаги.

— Папа, подожди! Стой! Там Нора с Арчи, — говорит она, понизив голос.

— Тогда почему ты сказала, что одна? Сейчас не время для игр, Джули. Оставь прятки на другой раз.

— Они там... ну ты понимаешь.

На мгновение он все-таки запинаятся. Потом:

— Нора и Арчи! — кричит он так, что содрогаются стены. — Как вы уже слышали по интеркому, в Стадионе объявлена тревога. Представить себе не могу худшее время для секса. Немедленно выходите.

Нора припирает меня к раковине и прижимает мою голову к своему декольте. Гриджо распахивает дверь.

— Папа! — пищит Джули, глядя на Нору, которая тут же от меня отпрыгивает.

— Немедленно выходите, — повторяет Гриджо. Мы выходим из ванной. Нора оправляет одежду, приглаживает волосы и в целом неплохо притворяется пристыженной. Я просто смотрю на Гриджо, на его угловатое, туго натянутое на череп лицо, и разминаю свою дикцию перед ее первой и, наверное, последней серьезной проверкой. Он смотрит мне в глаза. Между нами нет и двух футов.

— Привет, Арчи, — говорит он.

— Здравсьте, сэр.

— Вы с мисс Грин влюблены друг в друга?

— Да, сэр.

— Чудесно. А о женитьбе уже говорили?

— Еще нет.

— Чего тянуть? Зачем раздумывать? Мы живем последние дни. Где ты живешь, Арчи?

— В Поле... Голдмэн.

— В Куполе Голдмэн?

— Да, сэр. Извините.

— И кем ты там работаешь?

— Я садовник.

— Тебе хватает, чтобы прокормить ваших с Норой детей?

— У нас нет детей, сэр.

— Когда мы умираем, дети приходят нам на смену. Когда у вас будут дети, их придется кормить. Говорят, в Куполе Голдмэн дела идут не лучшим образом. Говорят, у вас все на исходе. В дурном мире мы живем, согласен?

— Иногда. Не всегда.

— Мы вынуждены обходиться тем, что нам дает Господь. Если Он подает нам камни, когда мы просим хлеба, мы заточим зубы и будем есть камни.

— Или испечем... хлеб сами. Гриджо улыбается:

— Арчи, ты что, накрашен? Гриджо бьет меня ножом.

Я даже не заметил, когда нож выскочил из ножен. Пятидюймовое лезвие пришилило мое плечо к стене. Я ничего не чувствую и не дергаюсь. Рана не кровит.

— Джули! — бешено ревет Гриджо. Отступив на Шаг, он достает пистолет из кобуры. — Ты привела мертвого в мой город?! В мой дом?! Ты позволила мертвому тебя коснуться?!

— Папа, послушай, — говорит Джули, протягивая к нему руки. — Р другой! Он *меняется!*

— Мертвые не меняются, Джули! У них нет ни разума, ни души!

— Откуда нам это знать? Раз они с нами не общаются и ничего нам о своей жизни не рассказывают, раз мы не понимаем, о чем они думают, значит, они и не думают?

— Мы проводили испытания! Никакой эмоциональной реакции, ни единого признака того, что они понимают, что с ними происходит!

— Тогда ты *тоже* мертвый, папа! Господи! Р спас мне жизнь! Он защищал меня, помог мне вернуться домой! Он *человек!* И он не один такой!

— Нет, — отвечает Гриджо со внезапным спокойствием. Больше он не размахивает руками. Пистолет застыл прямо у меня перед носом, до него всего пара дюймов.

— Папа, да ты послушай! Пожалуйста! — Джули делает к нам нерешительный шаг. Пытается сохранять хладнокровие, но я вижу: она в панике. — Когда я была в аэропорту, что-то случилось. Мы что-то породили, и теперь это что-то распространяется. Мертвые оживают, бросают свои гнезда и пытаются изменить свою природу. Мы должны помочь! Представь только, папа, вдруг мы сможем победить чуму! Вдруг мы разгребем весь этот бардак и сможем начать заново!

Гриджо качает головой. Видно, как под его пергаментной кожей напрягаются челюстные мышцы.

— Джули, ты слишком юна. Ты еще не понимаешь наш мир. Мы можем выживать, можем убивать тех, кто хочет убить нас, но панацеи нет. Мы годами искали ее и не нашли. Время вышло. Нашему миру конец. Его нельзя исцелить, восстановить или спасти.

— Нет, *можно!* — визжит Джули, теряя все свое самообладание. Кто решил, что он должен быть кошмаром? Кто выдумал это идиотское правило? Мы все можем исправить! К тому же этого мы еще не пробовали!

Гриджо скрипит зубами.

— Ты мечтательница. Дитя. Вся в мать.

— Папа, *послушай!*

— Нет.

Он взводит курок и приставляет пистолет точно к пластырю, который Джули налепила мне на лоб. Ну вот. Здравствуй, вездесущая ирония М. Неизбежная смерть, пренебрегавшая мной все те годы, что я призывал ее, явилась, когда я решил жить вечно. Закрываю глаза и готовлюсь к нашей встрече.

Мое лицо согревают брызги крови. Но кровь не моя. Едва успеваю открыть глаза, чтобы увидеть: нож Джули царапает руку отца. Он роняет пистолет — тот падает на пол и стреляет еще и еще, прыгая на силе отдачи меж стенами этого узкого коридора, как мяч-попрыгунчик. Все падают на пол и закрывают голову руками. Наконец пистолет прилетает под ноги Норе и, в оглушительной тишине, замирает. Огромными, испуганными глазами Нора смотрит вниз, затем переводит взгляд на генерала. Поджав раненую руку, он бросается к ней. Нора хватает пистолет и целится ему в лицо. Он замирает. Сжимает зубы и осторожно придвигается. Как будто все равно сейчас на меня прыгнет. Но тут, одним ловким движением, не сводя с него глаз, Норм выщелкивает пустую обойму, выхватывает из сумочки новую, заряжает, досылает патрон в патронник. Гриджо делает шаг назад.

— Идите, — говорит Нора Джули. — Попробуйте выбраться. Попробуйте.

Джули хватается за руку. Мы пятимся прочь, а Гриджо стоит и дрожит от ярости.

— Прощай, папа, — тихо говорит Джули. Мы поворачиваемся и бросаемся вниз по лестнице.

— *Джули!* — воет Гриджо, и его голос так напоминает мне совсем другой звук — пустой рев сломанного охотничьего рога, — что я не могу сдержать дрожь.

Мы бежим. Джули ведет нас по лабиринту тесных улочек, я несусь следом. Со стороны ее дома все еще доносятся злобные крики. Потом треск раций. Мы бежим, за нами гонятся. Джули не уверена в маршруте. Мы описываем петли, возвращаемся к пропущенным перекресткам. Мы — крысы, мечущиеся по клетке. Мы бежим, а над нами крутятся крыши. Мы упираемся в стену. Отвесная бетонная стена, изукрашенная лесами, лестницами, мостиками в никуда. Ни одной лавки не осталось, все подмости давно разобраны, но одна лестница зависла в воздухе, как лестница Иакова, упираясь наверху в манящий темный коридор. Бежим наверх.

Когда мы почти уже добрались до площадки, снизу доносится крик:

— Мисс Гриджо!

Оборачиваемся. Смотрим вниз. Внизу полковник Россо с группой солдат Обороны. У него одного нет в руке оружия.

— Остановитесь! Пожалуйста!

Джули толкает меня к коридору, и мы исчезаем во тьме.

Это место, очевидно, пытались перестроить, но оно мало изменилось с тех пор, как его забросили. Сосисочные лотки, сувенирные ларьки, киоски с кренделями по восемь долларов — все пустые и безжизненные — расставлены по темным углам. Эхо доносит до нас крики солдат Обороны. Вот-вот мы упремся в тупик, и придется обернуться навстречу неизбежному.

— Р! — кричит Джули на бегу. — Мы *выберемся*, понял? Не смей сдаваться! — Ее голос дрожит, она вот-вот упадет от усталости или расплачется. У меня нет сил отвечать. Вот и конец коридора. Тусклый свет, пробивающийся через трещины в бетоне, озаряет табличку:

АВАРИЙНЫЙ ВЫХОД

Джули прибавляет ходу и тащит меня за собой. Мы врезаемся в дверь, она распахивается, и...

— Ой, бя... — ахает она и цепляется за дверной проем, повиснув одной ногой над многоэтажной пропастью.

Снаружи, где из стены торчат обломки сорванной пожарной лестницы, задувает ветер.

Мимо летят птицы. Внизу огромным кладбищем с небоскребами-надгробиями раскинулся город.

— Мисс Гриджо!

Россо с солдатами замирают где-то в десятке Петров от нас. Россо стоит, опершись на колени, и тяжело дышит — он слишком стар для таких гонок.

Смотрю вниз на землю. Смотрю на Джули. Снова вниз — снова на Джули.

— Джули, — говорю я.

— Что?

— Ты уверена... что *хочешь* со мной?

Джули силится дышать, несмотря на быстро сокращающиеся бронхиальные трубы. Ее глаза полны вопросов, а может, сомнений, а может, страхов. Она кивает:

— Да.

— Остановитесь, пожалуйста, — чуть не стонет Россо. — Нельзя же так.

— Я должна.

— Мисс Каберне. *Джули*. Не бросай отца. Кроме тебя у него ничего не осталось.

Она закусывает нижнюю губу и одаривает его стальным взглядом:

— Пап уже мертв, Розы. Просто еще гнить не начал.

Джули хватается за ладонь, которую я когда-то разбил о лицо М, и сжимает ее так, что в ней вот-вот переломаются последние целые кости. Смотрит на меня:

— Ну что, Р?

Я притягиваю ее к себе. Обнимаю и прижимаю к груди так крепко, что нашим генам ничего не стоит смешаться. Мы стоим лицом к лицу. Я тянусь поцеловать ее, но вместо поцелуя делаю два шага назад, и мы валимся в дверной проем.

Мы падаем, как подстреленная птица. Я обнимаю ее руками и ногами, укутываю ее крошечное тело собой.

Мы пробиваем крышу навеса. Мне в ногу вбивается балка. Голова ударяется о перекладину. На нас наматывается баннер с рекламой какого-то мобильного телефона — и рвется. Наконец мы ударяемся о землю. Все мое тело приветствует ее хором хрустов и щелчков, вес Джули проминает мне грудную клетку. Джули скатывается в сторону, задыхаясь, а я лежу и смотрю в небо. Вот мы и выбрались.

Поднявшись на колени и опершись на землю одной рукой, Джули нашаривает в сумке ингалятор и делает торопливый вдох. Когда способность дышать к ней возвращается, она с ужасом в глазах подползает ко мне. Туманное солнце исчезает за ее лицом.

— Р! — шепчет она.

— Привет.

Медленно, неловко, как будто только что из свежей могилы, я поднимаюсь на ноги. По всему телу скрежещут и хрустят кости. Улыбаюсь и своим глуховатым, немелодичным тенором пою:

— "Рядом с тобой... я такой молодой..."

Она с хохотом кидается мне на шею. Под ее весом несколько суставов встает на место.

Джули поднимает глаза на открытую дверь. Россо смотрит на нас вниз, как из картинной рамы. Джули машет ему рукой. Он исчезает с такой скоростью, что нам ясно — погоня продолжается. Я стараюсь не судить его слишком строго, ведь в его мире приказ — это приказ.

И вот мы с Джули бежим в город. С каждым шагом мое тело все больше приходит в норму — кости соединяются, ткани стягиваются вокруг трещин. Не дают мне развалиться. Никогда ничего подобного не чувствовал. Что это — *исцеление*?

Мы бежим по пустым улицам, мимо бесчисленных ржавых машин, мимо куч опавших листьев и мусора. Мы нарушаем одностороннее движение. Мы попираем знаки "стоп". Впереди: высокий, поросший травой холм, окраина, где город исторгает из себя автостраду, уходящую куда-то вдаль. Позади: рев боевых машин, высыпавших из ворот Стадиона. *Этому не бывать!* — щерятся стальные пасти вершителей закона. — *Найти этих проклятых светочей и притушить их!*

Преследуемые этими завываниями, мы взбегаем на вершину холма.

Перед нами армия.

Они стоят на заросшем поле у обочины. Их сотни. Они бесцельно слоняются туда-сюда, смотрят — кто в небо, кто в никуда. На их серых лицах со впалыми щеками странное умиротворение. Но стоит ближайшим нас заметить, они разворачиваются в нашу сторону и замирают. По толпе проходит волна, и вскоре вся толпа стоит перед нами по стойке "смирно". Джули бросает на меня изумленный взгляд, как будто хочет сказать: "*Да ну?*" Тут кто-то нарушает стройные ряды, и вперед проталкивается дородный, лысый зомби под два метра ростом.

— М, — говорю я.

— Р, — говорит он и кивает Джули. — Джули.

— Привет, — настороженно отвечает она, прижимаясь ко мне.

Скрежет шин по асфальту, рев моторов — наши преследователи очень близко. М поднимается на вершину холма, и армия зомби следует за ним. Джули жметесь ко мне, а они огибают нас, принимая в свою пахучую армию, в свои вонючие ряды. Наверное, это игра воображения, но М кажется мне не таким серым, как раньше. Остатки его губ гораздо подвижнее, чем прежде. Впервые за все время нашего знакомства его аккуратная борода не заляпана кровью.

Машины все еще несутся на нас, но стоит показаться армии мертвых, как они притормаживают и вскоре останавливаются. Их всего четыре. Два "хаммера", "шевроле тахо" и "кадиллак эскалэйд" — все раскрашенные в тоскливую военную маскировку. Отсюда они кажутся маленькими и жалкими.

Наконец открывается дверь "тахо", и выходит полковник Россо. Сжимая винтовку, он озирается, перебирая в уме планы действий и шансы на их успех. Испуганный взгляд толстых линз пробегает по рядам чуть покачивающихся тел. Сглотнув, Россо опускает винтовку.

— Прости, Роза! — кричит ему Джули и указывает на Стадион. — Но я так больше не могу! Все вранье. Мы там якобы выживаем — все это *неправда!*

Россو вглядывается в лица ближайших зомби. Он стар и, наверное, застал то время, когда все только началось. Он слишком хорошо знает, как должны выглядеть мертвые, чтобы не заметить отличий — какими бы минимальными они ни казались на первый взгляд.

— Ты не спасешь мир в одиночку! — кричит он. — Вернись, мы все обсудим!

— Я не одна, — отвечает Джули, указывая на колышущийся вокруг нее лес зомби. — Я с ними.

Россо измученно кривится, запрыгивает обратно в машину и разворачивается к Стадиону. Остальные отступают за ним. Это небольшая отсрочка, короткая передышка, ведь они не сдадутся, *не могут* сдаться. Теперь они подтянут новые войска, новое вооружение и непоколебимую решимость грубой силы. И еще бы они этого не сделали. Посмотрите на нас. Хрупкая девчонка и несколько сотен чудовищ, с огнем в глазах выстроившихся на границе своего города. Далеко-далеко у нас под ногами земля затаила дыхание, и погребенные в ней кости бесчисленных поколений ждут, что будет дальше.

Мы столпились у выезда на автостраду. За нами город. Перед нами — поросшие ольхой угловатые холмы и живописная магистраль, ведущая в аэропорт. Джули стоит рядом со мной, и вид у нее гораздо менее уверенный, чем только что, когда она демонстрировала Россо свой революционный пыл. Опускаю руку на ее плечо и кричу:

— Джули! — По толпе пробегает дрожь. Пара зомби клацает зубами. Я повышаю голос: — *Джули!* Защищаем Джули!

Нескольким, похоже, все-таки хочется попробовать ее на вкус, но в глазах большинства я вижу не голод, а то же восхищение, с каким нас провожали в аэропорту. Яркое. Многократно усиленное. Они не просто смотрят, они ее рассматривают. Впитывают. Каждые несколько секунд их тела содрогаются странными спазмами.

М смотрит на нее совсем другим взглядом. Щелкаю пальцами у него перед носом.

— Да ладно! — хмыкает он, как будто я слишком много от него требую.

Сажусь на бетон дорожного ограждения и думаю. Вдалеке все еще ревут машины Россо. На меня смотрят все. Нетерпеливые взгляды отовсюду. Они как бы говорят: *ну?* И я хочу заорать: *что "ну"?! Я не генерал, не полковник и не градостроитель. Я просто труп, который не хочет быть трупом.*

Джули садится рядом и кладет руку мне на колено. Я наконец-то замечаю все синяки и царапины, которыми она обзавелась во время нашего беспарашютного прыжка. Даже на щеке есть порез — неглубокий, но, улыбнувшись, она тут же морщится. Как я все это ненавижу.

— Ты ранена.

— Да нет.

Как мне противно, что она ранена. Как противно, что все мы только и делали, что ранили ее. Всю жизнь. Я едва помню, что такое боль. Но стоит увидеть, что Джули больно, и я заражаюсь этой болью, усиленной стократ. Она сочится в мои глаза и жжет их.

— Зачем ты... пришла?

— Чтобы помочь, забыл? И чтобы тебя защитить.

— Но зачем?

Она ласково мне улыбается, и порез на ее щеке окрашивается свежей кровью.

— Потому что ты мне нравишься, мистер зомби. — Она вытирает кровь ладонью, смотрит на нее и размазывает по моей шее. — Вот так. Теперь мы в расчете.

Смотрю на нее — этого белокурого, голубоглазого ангела среди распутивших слюни

мертвецов, эту хрупкую девушку, окровавленными губами улыбающуюся крайне сомнительному будущему, — и что-то во мне переворачивается. В глазах мутнеет, по щеке ползет что-то мокрое. Резь в глазах стихает.

Джули касается моей щеки и смотрит на свои пальцы. Ее взгляд полон такого восторга, что я не могу поднять на нее глаза. Вместо этого встаю и заявляю:

— Мы идем в аэропорт.

— Зачем? — спрашивает М.

— Потому что там... мы живем. Там мы... начнем.

— Начнем... что? Войну? С Костями?

— Не войну. Не... такую войну.

— Тогда что?

Пока я пытаюсь ответить, пытаюсь сформулировать тот водоворот образов, которые крутятся у меня в голове — музыка в темных залах аэропорта, мои дети, выходящие из потайных углов и стряхивающие пыль с розовеющей кожи, движение перемен, — пока я стою и мечтаю, притихший город разражается криком. Отчаянным, захлебывающимся криком, воем, какой издает на бойне обезумевшая от боли корова.

По шоссе кто-то идет. Даже бежит — но по неловким движениям понятно, что он мертвый. М бросается навстречу. Они разговаривают. Новичок машет руками и жестикулирует так, что у меня появляется нехорошее предчувствие. Нет никаких сомнений: он принес дурные вести. В конце концов он смешивается с толпой, а М медленно, качая головой, возвращается к нам.

— Что? — спрашиваю я.

— Домой... нельзя.

— Почему?

— Кости... сбрендили. Приходят... отовсюду. Убивают всех... не таких.

Смотрю на нашего новобранца. Сначала мне показалось, что он на поздней стадии гниения, но на самом деле он жестоко искусан и искромсан когтями. Вдалеке появляются новые и новые зомби. Некоторые на шоссе, другие бредут в грязи по обочинам — их сотни, они везде.

— Мы... убегаем, — продолжает М. — А Кости... гонятся.

Не успел он договорить, как появляются документалисты смерти собственной персоной. Одна, две, пять, шесть белесых поджарых фигур выпрыгивают из-за деревьев и кидаются на пару бегущих. На наших глазах они швыряют их на землю и разбивают головы об асфальт. Топчут их выпавшие мозги, как гнилые фрукты. Насколько хватает глаз — все новые и новые скелеты прыгают с деревьев на дорогу и собираются в единый громохочущий строй.

— Ой, бя... — шепчет Джули.

— Новый план? — с показным спокойствием спрашивает М.

Я пребываю в трансе нерешительности. Я снова в комнате Джули. Лежу на кипе ее одежды. Она спрашивает: "Бежать некуда, да?" А я мрачно качаю головой и говорю, что весь мир погряз в смерти. Где-то на краю моего сознания режут моторы — теперь их больше четырех. Они мчатся к нам по главной улице, чтобы погасить меня, как свечу, и уволочь Джули в бетонную гробницу, забальзамировать, как принцессу, и навсегда похоронить в хрустальном гробу.

Вот так. Мы застряли между колыбелью и могилой, и ни там, и ни там нам больше нет места.

— Новый план! — заявляет М, возвращая меня к реальности. — Идем... в город.

— Что мы там забыли? — спрашивает Джули.

— Приведем... Кости... за собой. Пусть живые... разбираются.

— Плохой план! — восклицает Джули. — Войскам Обороны никакой разницы — по вам стрелять или по Костям! Они всех перебьют.

— А мы... спрячемся, — говорит М и указывает вниз на вереницы одноэтажных

домиков и заросших палисадников, южная окраина города, пыльная сказка, где жили-были и мы с Джули, и даже однажды остановились здесь переночевать.

— Просто попрячемся и будем надеяться, что Оборона и Кости друг друга перебьют?

М кивает.

Пару секунд Джули думает.

— Ужасный план. Ладно, пошли.

Джули собирается бежать вперед, но М кладет руку ей на плечо. Она стряхивает ее и резко оборачивается:

— Ты что делаешь? Нечего меня лапать!

— Ты... иди с Р.

— Что? — спрашиваю я, весь внимание. Он переводит на меня свой сухой, свинцовый взгляд и с видимым напряжением подыскивает слова:

— Мы заманим... их туда. Ты води ее... сюда.

— Я прошу прощения! — возмущенно визжит Джули. — Никуда он меня не ведет! Какого хрена нам еще разделяться?

М показывает пальцем на синяки и ссадины у нее на руках, потом на порез на щеке.

— Потому что... ты... хрупкая, — объясняет он с неожиданной нежностью в голосе. — И ты... нам нужна.

Джули смотрит на М и молчит. Вскоре нас с ней как-то выносит на край толпы. Все глаза устремлены на нас. Кости подобралась уже так близко, что мы их слышим — шарканье их ломких стоп и низкое гудение их темной энергии. Пронзительной черной слизи, кипящей в их костях.

Киваю М, он кивает мне. Беру Джули за руку. Ее взгляд прикован к толпе. Сначала она упирается, но наконец и мы бросаемся бежать. М с остальными исчезают из виду, а мы спускаемся с автострады и бежим по улицам города. Мои старые призраки просыпаются и бегут рядом, подбадривая нас возгласами.

Неведомое, незнакомое, новое. Память не может победить настоящее. У истории есть пределы. Неужели мы всего лишь средневековые знахари, помешавшиеся на своих пиявках? Мы жаждем высшей науки. Мы хотим, чтобы нас опровергли.

Через несколько минут до нас доносится шум битвы. Автоматные очереди эхом катятся по пустым ущельям улиц. Глухие взрывы отдаются в груди, как ноты далекого контрабаса. То и дело какой-нибудь скелет издает визг — такой резкий и пронзительный, что он разносится по воздуху, как электричество по воде.

— Может, где-нибудь тут переждем? — предлагает Джули, указывая на несколько башен из кирпича и стали. — Как думаешь?

Киваю, но внутрь меня почему-то не тянет. Не знаю почему. Как будто у нас есть другой выбор, кроме как прятаться.

Джули кидается к ближайшему дому. Дергает ручку.

— Заперто! — Перебегает через дорогу к многоквартирному дому. — И тут тоже! — Стучит в дверь старого таунхауса. — Кажется, тут можно...

У нее над головой разбивается стекло. Скелет по-паучьи скатывается вниз по стене и прыгает ей на спину. Со всех ног подбегаю и хватаю его за голый позвоночник — пытаюсь оторвать, — но острые пальцы скелета держат крепко, как крючья. Обеими руками хватаю его за череп и тяну на себя, пока он не впился Джули в шею. Тварь невероятно сильна, несмотря даже на иссохшие шейные сухожилия. Клацая зубами, она продолжает тянуться к Джули.

— Об стену! — выплевываю я. Джули всем своим весом роняет скелет на кирпичи. Его хватка ослабевает ровно настолько, чтобы я успел оторвать череп от шеи и жакнуть им об оконный карниз. Череп трескается. Зажатое в моих ладонях безликое лицо смотрит прямо на меня. И пусть на нем застыла неизменная ухмылка, моя голова полна возмущенных воплей:

ПРЕКРАТИ. ПРЕКРАТИ. МЫ — ЦЕЛЬ ТВОЕГО БЫТИЯ.

Снова бью его о кирпич. Трещина в черепе становится больше, хватка твари ослабевает.

ТЫ СТАНЕШЬ ОДНИМ ИЗ НАС. МЫ ПОБЕДИМ. МЫ ПОБЕЖДАЛИ ВСЕГДА. МЫ...

Пригибаю тварь к земле и пробиваю череп каблуком. Кости дергаются и замирают. Гул стихает.

Хватаю Джули за руку, чтобы спрятаться с ней в таунхаусе, но тут происходит еще кое-что. Череп под моей ногой дергается, раздавленный мозг рассыпается в прах, а челюсти вдруг открываются и издают тоскливый, жалобный зов — клич подбитой птицы, ничуть не похожий ни на костяной гул, ни на рык сломанного рога. Меня охватывает ужас при мысли, что, наверное, мы стали свидетелями последнего вздоха наконец растворяющейся в небытии иссушенной души этого существа, когда-то давным-давно тоже бывшего человеком. Джули вздрагивает. Будто в ответ на этот зов вдалеке со всех сторон раздается странный лязг и скрежет. Краем глаза замечаю движение и смотрю вверх. Все окна наполнены безгубыми лицами — они зловеще ухмыляются нам, как суд присяжных из какого-нибудь кошмара.

— Что происходит? — устало спрашивает Джули. Я не хочу отвечать. Я боюсь, что она уже на грани, а мой ответ не подарит ей надежды. Но изо всех окон на нас пялятся безглазые черепа, и никакого другого объяснения я не вижу.

— Кажется... им нужны мы, — говорю я. — Мы с тобой. Они знают... кто мы.

— Кто мы?

— Те, кто... это начал.

— Ты издеваешься? — взрывается она, бешено озираясь вокруг. Грохот костяных ног становится все громче. — Они еще и *злопамятные*? И охотятся на нас, потому что мы случайно устроили в их дурацком аэропорту-призраке маленькую заварушку?

Джули, Джули, — шепчет у меня в голове Перри. Я слышу, он улыбается. — Посмотри на меня, детка. Посмотри на Р, и ты сама все поймешь. Эти твари слишком практичны, чтобы вынашивать планы мести. Им нужны только вы. И не потому, что вы подняли эту смуту, а потому, что доведете дело до конца, и они это знают.

Паника на лице Джули сменяется внезапным пониманием.

— Боже мой, — шепчет она. Я киваю.

— Они нас *боятся*?

— Да.

На секунду она задумывается, глядя в землю, потом, резко кивнув и прикусив губу, снова оглядывается.

— Ладно-ладно, я поняла. Пошли.

Джули хватает меня за руку и тащит за собой. Прямо туда, откуда к нам несется грохот костей.

— Что ты... делаешь? — выдыхаю я, едва за ней поспевая.

— Мы на главной улице, — объясняет она. — Тут совсем рядом меня встретили папины войска, когда я уехала домой. Тут за углом...

Он там. Старый красный "мерседес", ждущий поперек дороги, как верный шофер. А в трех кварталах — авангард Костей; они мчатся к нам с безоговорочным, непоколебимым упорством. Прыгаем в машину. Джули заводит мотор, резко разворачивается и принимается лавировать между останками автомобилей, сгрудившихся в последнюю пробку в городе. Кости не сдаются, скачут вперед с упрямством самой смерти, но постепенно отстают.

— Куда мы... едем? — спрашиваю я, клацая зубами на ухабах.

— Обратно в Стадион.

— Что? — удивляюсь я.

— Если им нужны только мы с тобой, значит, они за нами погонятся. Бросят всех твоих зомби и помчатся за нами. Мы можем привести их прямо к воротам.

— А... потом?

— Спрячемся внутри, а с ними разберется Оборона. Им никогда не прорваться в

Стадион, разве что они летать умеют. — Она бросает на меня быстрый взгляд. — Ведь не умеют, да?

Я держусь за приборную панель и смотрю сквозь лобовое стекло, а Джули на сумасшедшей скорости гонит машину вперед.

— В Стадион, — повторяю я.

— Да знаю я, что ты думаешь. Что для тебя это чистое самоубийство. А по-моему, все обойдется.

— Как? Твой...

— Папа хочет тебя убить, да-да. Просто он... ничего уже не видит. Зато Роза, возможно, нас поймет. Я его с детства знаю, он мне всю жизнь был вместо дедушки... он не слепой, хоть и в очках. Кажется, Роза догадывается, что происходит.

Оторвавшись от Костей в извилистых переулках, мы возвращаемся на главную улицу и въезжаем в незаконченный участок Коридора-1. Между бетонными стенами ведущая прямо к Стадиону улица расчищена и от машин, и от мусора. Джули сбрасывает передачу и разгоняется так, что антикварный мотор заходится ревом. На горизонте нарастает крыша Стадиона, вздыбившегося, как огромный каменный зверь. *Давайте, детишки, заходите ко мне в рот. Зубы? А что зубы? Не обращайтесь внимания.*

За нами гонится верная смерть, и мы несемся от нее через сердце города навстречу смерти чуть менее неизбежной. Вскоре так хорошо знакомый рев моторов и лопающийся попкорн автоматных выстрелов становятся ближе — их больше не глушит расстояние. Бетонные стены сменяются пустыми блоками арматуры, и перед нами открывается панорама битвы.

Город-Стадион осажден. Как будто предвидя наш план, вереницы Костей мчатся со всех сторон к его стенам, перепрыгивают машинные остовы, как кошачьи скелеты на четырех лапах. Пули и гранаты бьют витрины, опрокидывают светофоры, но со всех сторон набегают все новые и новые Кости. Они не нуждаются в том подкреплении, которое мы им ведем. Мне вдруг вспоминается наша последняя поездка. Фрэнк и Ава, с ветерком мчащиеся по несбыточной мечте золотого века, теплая рябь цветов и птичьего пения, улыбающиеся глаза сочного синего цвета. Неужели все это время лишь розовые очки отделяли нас от крошечного ада и бесчисленных демонов, отчаянно скребущихся в стекло?

Так быть не должно. Не должно. Я смотрю на растущую орду скелетов, как будто никогда раньше не видел ходячего трупа. Откуда их столько? Все мои знания о процессе разложения не объясняют их количество. Чтобы плоть окончательно отсохла, обычно требуются *годы*. Даже если Кости сбежали из соседних городов на какой-то призыв к оружию... все равно их слишком много.

Или перемишка песочных часов расширяется и это новое лицо чумы? Сильное, жестокое, набирающее мощь и скорость?

Джули смотрит на меня с внезапным страхом:

— Как ты думаешь...

— Нет, — говорю я. — Едем. Поздно... менять план.

Она гонит дальше. Виляет между свежими кратерами на мостовой, прыгает через бордюры, мчится по тротуару, как заправский алкаш, сбивая Костей-пешеходов. Элегантный "мерседес" постепенно превращается в мятую помоечную развалину.

— Смотри! — кричит Джули. — Вот он!

Она гонит к воротам, трубя в гудок. Мы подъезжаем ближе, и я узнаю полковника Россо. Он стоит у ворот за баррикадой из бронированных джипов и выкрикивает команды. У самой баррикады Джули резко бьет по тормозам и выпрыгивает из машины.

— Роза! — вскрикивает она на ходу. Я едва успеваю за ней к воротам. — Пусти нас, пусти нас внутрь!

Солдаты поднимают винтовки и переводит взгляд с меня на Россо. Я готовлюсь к пуле в мозг, которая закончит все раз и навсегда. Но полковник машет рукой, и нас пропускают. Добегаем до ворот, солдаты смыкаются у нас за спинами и целятся в наших преследователей.

— Мисс Каберне, — недоумевает Россо. — Ну как, уже спасли мир?
— Еще нет, — отвечает Джули. — Мы столкнулись с непредвиденными обстоятельствами.
— Я заметил, — отвечает полковник, глядя на надвигающуюся костяную армию.
— Вы ведь с ними справитесь?
— Думаю, да, — говорит он, указывая на солдат. Они скашивают первую волну, а затем неловко перезаряжаются и чуть не опаздывают ко второй. — Надеюсь, что да.
— Пожалуйста, не говори папе, что мы здесь.
— Джули... что ты творишь?
Джули сжимает его жилистую руку:
— Я ведь уже сказала.
Россо чуть-чуть приоткрывает тяжелые ворота.
— Насчет твоего отца ничего не могу обещать. Он теперь... совсем не тот человек, которого я знал когда-то.
— От судьбы не уйдешь. Спасибо, Роза. Джули целует Россо в щеку и проскальзывает в щель.

Я замираю на пороге. Россо придерживает дверь одной рукой и смотрит на меня с непроницаемым выражением лица. Смотрю на него в ответ. Он молча распахивает дверь и отступает. Киваю ему и следую за Джули.

Мы снова в крысином лабиринте Стадиона. И здесь мы тоже вне закона. Джули решительно шагает вперед, быстро корректирует маршрут по дорожным знакам, делает резкие повороты. Тяжело дышит, но ингалятор не достает. Мы никогда еще не были такой идеальной парой: в грязной, окровавленной, изорванной одежде, теперь мы еще и пыхтим хором.

— Куда ты... идешь? — спрашиваю я.

Она тычет пальцем в телеэкран. На экране мелькает то лицо Нора, то надпись:

НОРА ГРИН

ОБВИНЯЕТСЯ В ВООРУЖЕННОМ НАПАДЕНИИ

ПОДЛЕЖИТ НЕМЕДЛЕННОМУ АРЕСТУ

— Она нам нужна, — объясняет Джули. — Что бы ни случилось дальше, я хочу, чтобы она была с нами, а не торчала где-нибудь в карцере.

Поднимаю глаза на огромное, зернистое изображение Нора, улыбающейся с высоты радостно — и как-то нелепо, учитывая обстоятельства.

— Мы за этим... вернулись? — спрашиваю у затылка Джули. — За ней?

— В том числе.

— У тебя... есть план, — хитрым тоном говорю я со слабой улыбкой. — Ты не просто... спасаешься.

— Вот честное слово, я была уверена, что никогда не вернусь, — отвечает Джули, не замедляя шаг. Больше мы к этой теме не возвращаемся.

Держась стены, мы обходим город по периметру. Дома скрипят и покачиваются на ветру, а протянутые высоко над головой страховочные кабели гудят, как лазерные лучи из какого-нибудь научно-фантастического фильма. Грязные улицы пусты. Видимо, пока войска Обороны брошены на борьбу с Костями, гражданские жмутся по своим шатким домикам и ждут, когда все закончится. Уже ранний вечер. Высоко в оранжевом небе солнце рассечено перьевыми облаками. Картина почти что мирная, если бы не шум битвы, доносящийся из-за стены, как свара невоспитанных соседей.

— Я знаю, где она может прятаться, — говорит Джули, остановившись у темной двери. — Раньше мы с ней все время тусовались в стенах. Сидели в vip-помещениях и прикидывались знаменитостями. Конец света тогда почти уже настал, так что было забавно воображать, будто нами еще кто-то интересуется.

Карабкаемся по лестнице на самый верхний уровень. Большая часть дверей запечатана,

но на них Джули и не смотрит — она лезет в узкий проем в стене, прикрытый строительной пленкой. Я с трудом протискиваюсь за ней.

Мы в роскошной ложе для почетных гостей. Вокруг разбитых стеклянных столов валяются дорогие, обтянутые кожей стулья. На серебряных подносах кучки засохшей плесени. На барной стойке — забытые сумочки, а рядом — бокалы для martinis, как верные ухажеры, дожидаящиеся своих отлучившихся попудрить носик возлюбленных, не зная, что те никогда не вернуться.

Нора сидит перед огромным окном, нависающим над далекой ареной стадиона, пьет вино прямо из бутылки и приветливо нам улыбается.

— Смотрите, — говорит она, указывая на гигантский экран, — меня по телику показывают.

Джули бросается к ней обниматься. Расчувствовавшись, они проливают часть вина на пол.

— Как ты тут?

— Нормально. А вы чего вернулись?

— Знаешь, что творится снаружи?

Как по заказу, где-то вдалеке рвется граната.

— Толпа скелетов?

— Ага. Это они нас с Р сюда загнали. Хотят убить.

Нора машет мне рукой:

— Привет, Р.

— Привет.

— Хочешь вина? "Мутон Ротшильд" восемьдесят шестого года. Я бы сказала, что вкус ничего такой, с нотками самого цимеса.

— Нет, спасибо.

Она пожимает плечами и снова поворачивается к Джули:

— Зачем скелетам вас убивать?

— Кажется, они знают, что мы собираемся сделать.

Пауза.

— А что вы собираетесь сделать?

— Сама не знаю. Изменить мир, наверное.

Нора слушает с таким же лицом, какое вчера было у Джули, когда М рассказывал ей то, что она никогда не надеялась услышать.

— Правда? — переспрашивает она, едва держа бутылку за горлышко.

— Ага.

— А как?

— Мы и сами пока не знаем. Но попробуем. А как... В процессе пойдем.

Тут гигантский экран гаснет и с треском оживают огромные стадионные громкоговорители под крышей. С неба гремит знакомый голос — голос обезумевшего бога.

— *Джули. Я знаю, что ты здесь. Я не позволю тебе превратиться в мать. Мягкая плоть всегда поддается твердым зубам. Она умерла, потому что отказалась стать тверже.*

Несколько оставшихся внутри солдат вздергивают головы к громкоговорителям и тревожно переглядываются. Они слышат по голосу: с их командиром что-то не так.

— *Наш мир под угрозой, и, возможно, до конца осталось всего несколько дней. Но ты для меня важнее всего, Джули. Я тебя вижу.*

Не успели эти слова отзвучать в громкоговорителе, я чувствую спиной взгляд и поворачиваюсь. За стеклом радиорубки на противоположном конце стадиона едва различима фигура человека с микрофоном в руках. Джули смотрит на него с унынием.

— *Если исчезает все, то остается голый принцип — и я от него не отступлюсь. Я все верну на свои места. Жди меня, Джули. Я иду к тебе.*

Громкоговорители замолкают.

Нора протягивает Джули бутылку:

— Лехаим.

Джули отпивает глоток и передает бутылку мне. Делаю глоток. Красные винные духи пускаются в моем животе в пляс, им и невдомек, какая безрадостная тишина царит вокруг.

— И что теперь?..

— Не знаю! — огрызается Джули, не дав Норе даже договорить. — Не знаю. — Она хватает из моих рук бутылку и пьет еще.

Я стою у панорамного окна и смотрю вниз, на крыши и улицы, на микроскопическую пародию на городской рай. Я так устал от этого места, от этих тесных комнат и узких коридоров. Мне нужен воздух.

— Пошли на крышу, — говорю я.

Девушки смотрят на меня.

— Зачем? — спрашивает Джули.

— Потому что... больше некуда. И мне там нравится.

— Ты там никогда не был.

Я смотрю ей в глаза:

— Нет, был.

Долгая пауза.

— Наверх так вверх, — заявляет Нора, неуверенно переводя взгляд с меня на Джули. — По крайней мере, выиграем время... туда они ползут в последнюю очередь.

Джули кивает, все еще не сводя с меня глаз. Мы идем по темным коридорам, и чем дальше, тем менее они предназначены для общественного пользования и тем более техническими становятся помещения. Наконец мы добираемся до лестницы. Сверху на нас льется белый свет.

— Сможешь залезть? — спрашивает Нора. Хватаюсь за холодную стальную перекладину и пробую подтянуться. Руки дрожат, но в остальном никаких проблем. Поднимаюсь еще на ступень и смотрю вниз:

— Да.

Я как будто в сотый раз лезу на онемелых руках к солнечному свету. Меня охватывает безумное, пьянящее чувство — это лучше, чем кататься на эскалаторе. Девушки поднимаются за мной.

Выбираемся через люк на крышу. Гладкие белоснежные щиты сверкают в заходящем солнце. Строительные балки скульптурно изгибаются дугой. Вот и одеяло — немножко отсыревшее и заплесневелое после многих недель под открытым небом, но все на том же месте — красное пятно на белых стальных щитах.

— Боже мой... — шепчет Нора, глядя на то, что творится снаружи. Все вокруг кишит скелетами, их уже в несколько раз больше, чем войск Обороны. Неужели мы что-то не учли? Где-то ошиблись? Мысленно вижу, как они выламывают двери, перемахивают через стены, чтобы убить всех до последнего, и слышу, как злорадствует Гриджо. *Мечтатели. Глупые дети. Беззаботно пляшущие ебанаики. Вот ваше счастливое будущее. Ваши сахариновые надежды. Как они вам на вкус, сцеженные из вен всех, кто вам дорог?*

Перри! — мысленно взываю я. — *Где ты? Что нам делать?*

Мой голос отдается эхом, как молитва в темном соборе.

Перри молчит.

Смотрю, как скелеты убивают и пожирают очередного солдата. Отворачиваюсь. Мысленно заглушаю доносящиеся снизу крики, взрывы и сгустки снайперских выстрелов. Заглушаю гул скелетов, обретший уже небывалую мощь и разносящийся практически отовсюду. Заглушаю все — и сажусь на красное одеяло.

Нора ходит туда-сюда и наблюдает за битвой, а Джули медленно подходит ко мне и опускается рядом на одеяло, подтянув колени к груди. Мы сидим и смотрим на горизонт. Отсюда видны горы — синие, как океан. Очень красивые.

— Эта чума... — тихо-тихо говорит Джули. — Это проклятие... Кажется, я знаю,

откуда оно взялось.

Над нами плывут полупрозрачные розовые облака, растекшиеся по всему небу тонкой филигранной рябью. Мы щурим глаза в ледящем ветре.

— Никакое это не колдовство, не вирус и не нуклонные лучи. По-моему, все гораздо серьезнее. Мы сами виноваты.

Наши плечи прижаты друг к другу. У нее прохладная кожа. Тепло ее тела будто втягивает голову в панцирь, прячась от злого ветра.

— Мы давили себя веками. Зарывались в жадность, ненависть и все остальные грехи, какие только могли придумать, пока наши души не очутились на самом дне. И это дно мы тоже проскребли... и попали куда-то... во тьму.

Где-то внизу на карнизах курлычут голуби. Вдали на горизонте мелькают скворцы, и им нет никакого дела до краха нашей дурацкой цивилизации.

— Мы сами во всем виноваты. Мы копались в земле, пока не брызнула нефть, и не перекрасила нас в черный цвет, и не обнажила все наши болячки. А теперь сидим в этом засохшем трупке прежнего мира и гнием. И будем гнить, пока не останутся одни кости и жужжание мух.

Крыша под нами дрожит. С низким, гнетущим рокотом вся стальная конструкция приходит в движение, складываясь воедино, закрывая прячущихся внутри людей от мелкой стычки, быстро переросшей в полноценное наступление. Стоит крыше сомкнуться, как от лестницы доносится грохот — кто-то поднимается. Нора выхватывает из сумки пистолет Гриджо и бежит к люку.

— Р, что нам делать? — спрашивает Джули, наконец поднимая на меня глаза. У нее влажные ресницы и дрожит голос, но она не дает воли слезам. — Или мы такие глупые, что нам море по колено? Ты вселил в меня надежду... и вот к чему это привело. По-моему, нас скоро убьют. Что делать будем?

Я смотрю на ее лицо. Вглядываюсь в каждую пору, каждую веснушку, каждый прозрачный волосок. И все слои, что под ними. Плоть и кости, кровь и мозг, вплоть до той непознаваемой силы в глубине, силы жизни, души, пульсирующей в каждой клеточке, склеивающей их — миллионы, — чтобы в итоге получилась *она*, Джули, полная огня, не просто кусок мяса, а нечто гораздо большее. Кто она такая? Кто? Она — всё. В химии ее тела записана история всей жизни. В боли, счастье и печали, ненависти, дурных привычках, мыслях о Боге, прошлом-настоящем-будущем, в памяти, чувствах, надеждах — в ее разуме сокрыта история вселенной.

— Что делать? — повторяет Джули, зачаровывая меня безбрежными океанами радужек. — Что нам остается?

У меня нет ответа. Но я смотрю на ее лицо, на ее бледные щеки и красные губы, налитые жизнью, нежные, как у младенца, и понимаю, что люблю ее. И если она — это все, может, в этом и заключается ответ.

Притягиваю Джули к себе и целую.

Я притягиваю ее к себе. Я прижимаю ее губы к моим. Она обвивает руками мою шею и сдавливает меня в объятиях. Мы целуемся с открытыми глазами, вглядываясь друг другу в зрачки и сокрытые за ними глубины. Языки пробуют друг друга на вкус, слюна смешивается, Джули прокусывает мою губу и слизывает капельки крови. Во мне пробуждается смерть, антижизнь. Она тянется к сиянию Джули, хочет его замарать. Но я *останавливаю* тьму, стоит ей коснуться Джули. Хватаю ее за хвост и давлю — и Джули делает то же самое. Мы зажимаем эту тварь между нами и обрушиваемся на нее всей нашей силой, всей нашей яростью. И что-то происходит. Тварь меняется. Она вертится, корчится, выворачивается наизнанку — превращается. Превращается во что-то новое. Меня пронизывает смесь испуганного восторга и боли, мы отпускаем друг друга и падаем, хватая ртами воздух. Мои глаза терзает какая-то резкая, скручивающаяся боль. Я смотрю на Джули — ее радужки мерцают. Волоконца дрожат и меняют свой цвет. Ярко-голубой наливаются свинцово-серым, который нерешительно дрожит, мерцает — и вдруг вспыхивает золотом.

Ярким и солнечным, какого я не видел ни у одного человека. В это же мгновение мои ноздри заполняются новым запахом. Он похож на запах жизни, но в то же время совершенно другой. Это запах Джули — это мой запах. Он бьет из нас как фонтан феромонов, такой мощный, что я почти вижу струи.

— Что... — шепчет Джули, приоткрыв рот от изумления. — Что это?

Впервые с тех пор, как мы сели на одеяло, я оглядываюсь по сторонам. Внизу что-то изменилось. Костяная армия остановила наступление. Скелеты стоят в полной неподвижности. Издалека не видно, но, кажется, все они смотрят на нас.

— Джули!

Неземная тишина разбивается. Над люком возвышается Гриджо, из люка, тяжело дыша и не сводя глаз со своего генерала, поднимается Россо. Нора лежит рядом, прикованная наручниками к лестнице, голыми ногами прямо на холодной стальной крыше. Ее пистолет валяется у ног генерала, чуть дальше того места, куда она могла бы дотянуться.

У Гриджо так сжаты зубы, что кажется, будто его голова вот-вот взорвется. Стоит Джули посмотреть на него, а ему — увидеть новый цвет ее глаз, все его тело словно твердеет. Я слышу, как скрежещут его зубы.

— Полковник Россо, — предельно сухо говорит он, — пристрелите их.

Его лицо мертвенно-бледно, кожа сухая и облезлая.

— Папа, — говорит Джули.

— Пристрелите их.

Россو переводит взгляд с Джули на ее отца:

— Сэр, но она не заражена.

— Пристрелите.

— Она не заражена, сэр. Я даже не уверен, что мальчишка заражен. Вы посмотрите, какие у них глаза, они...

— Они *заражены!* — рявкает Гриджо. Под тонкими губами проступают контуры его зубов. — Так эта зараза и передается! Так все и бывает! Нет никакого... — Слова застревают у него в горле. Как будто он уже сказал все, что хотел.

Генерал достает пистолет и направляет на собственную дочь.

— Джон! Нет! — кричит Россо и повисает на его руке. Отточенным армейским приемом Гриджо выкручивает полковнику руку до щелчка, а затем бьет по ребрам. Старик падает на колени.

— Папа, прекрати! — кричит Джули, на что Гриджо снова взводит курок и целится. Его лицо абсолютно бесстрастно. Кожа, натянутая на череп.

Россо втыкает ему в ногу нож.

Гриджо никак не реагирует, даже не вскрикивает, но нога подкашивается, он валится на спину и соскальзывает вниз, к краю крыши. Он извивается, переворачивается и, наконец, хватается пальцами за гладкую сталь. Его пистолет скользит мимо, вниз. Гриджо чуть не летит следом — но нет. Он висит на самом краю крыши, цепляясь одними пальцами. Мне видны только их белые костяшки и его лицо — напряженное от усилий, но все еще пугающе бесстрастное.

Джули бросается к нему, но чуть сама не соскальзывает вниз. Опустившись на корточки, она смотрит на отца, бессильная помочь.

Затем происходит удивительное. Рядом с тонкими пальцами Гриджо появляются другие — костяные. Сухие кости, пожелтевшие, побуревшие от пыли и старости и крови древних убийств. Они впиваются в сталь. На крышу выползает гудящий, ухмыляющийся скелет.

Он не торопится. Ни на кого не бросается, никуда не бежит. Он двигается почти лениво, без намека на ту ненасытную, кровожадную решимость, с какой его собратья гнали нас по городу. Несмотря на то, как отчаянно они пытались до нас добраться, этому, похоже, нет дела ни до меня, ни до Джули. Нас он будто и не видит. Скелет тянется вниз, цепляет Гриджо за рубашку и вытаскивает вверх. Гриджо поднимается на ноги — скелет помогает

ему.

Они стоят и смотрят друг на друга, между ними от силы несколько дюймов.

— Роза! — кричит Джули. — Да стреляй же!

Россо поджимает руку. Он едва дышит, не в силах пошевелиться. Он смотрит на Джули взглядом, умоляющим простить его — не только за эту неудачу, а и за все предыдущие, которые к ней привели. За годы понимания и бездействия.

Скелет медленно, ласково берет Гриджо за руку, как будто приглашает на танец. Притягивает к себе, смотрит ему в глаза и откусывает кусок с его плеча.

Джули визжит от ужаса, остальные слишком потрясены и молчат. Гриджо не сопротивляется. У него воспаленные, широко открытые глаза, но лицо его — бесстрастная маска. Медленно, почти чувственно, тварь наносит укус за укусом. Один за другим куски мяса проваливаются через пустую челюсть и падают на крышу.

Бесконечный ужас будто приковывает меня к месту, пока я пытаюсь понять, что происходит. Они стоят на самом краю крыши, на фоне неба, тлеющего розовыми облаками и оранжевым туманом, и в этом потустороннем свете их силуэты неразличимы.

Кости пожирают кости.

Джули бросается к люку. Хватает пистолет Норы и целится скелету в голову. Наконец он смотрит на нее, словно впервые замечает наше присутствие. Откинув череп, он издает крик, пронзительный, как рев иерихонских труб, надтреснутый, проржавленный и насквозь фальшивый.

Джули стреляет. Первые несколько выстрелов уходят в молоко, но потом пуля откалывает ребро, царапает ключицу, дробит бедренную кость.

— Папа, оттолкни его! *Борись!*

Гриджо закрывает глаза и говорит:

— Нет.

Скелет ухмыляется Джули и выедает ее отцу горло.

Со всей болью и яростью, скопившимися в ее измученном юном сердце, Джули стреляет еще раз. Череп твари разлетается взрывом пыли и мелких осколков. У скелета подкашиваются ноги, и, так и не отпустив Гриджо, он заваливается назад и падает с крыши.

Гриджо летит за ним.

Они так и падают вместе, в сплетении конечностей. Гриджо дрожит, сотрясается в конвульсиях. Превращается. Остатки его плоти разлетаются по ветру — сухие ошметки праха, — и под ними обнажаются белые кости — и слова, которые я теперь могу прочитать. Предостережение, вытравленное на каждой кости его тела, вплоть до мельчайшей пястной косточки:

Это чума. Это проклятие. Оно так сильно, оно кроется так глубоко, оно так жаждет новых душ, что больше не согласно дожидаться смерти. Теперь оно берет, что пожелает.

Но сегодня мы приняли решение. Нас ему не ограбить. Как бы оно ни тщилося, свое мы не отдадим.

Армия Костей смотрит, как останки Гриджо пикируют вниз и разбиваются. Скелеты рассматривают крошечные, бессмысленные осколки. И вдруг, безвольные и бесцельные... разбредаются. Одни кружатся на месте, другие сталкиваются... но понемногу все исчезают в домах и на деревьях. Меня охватывает нервная дрожь. Что за сигнал они получили? Появилось ли хоть что-то новое в их пустых черепах после пролившегося на них дождя из костей и праха, после того как прямо здесь, на этой крыше, вырвалась на свободу радиоволна новой энергии? Например, понимание, что их время ушло?

Джули роняет пистолет. Подползает к краю крыши и смотрит вниз, на распростершиеся на земле кости. Ее глаза покраснели, но слез нет. Единственное, что нарушает сейчас тишину, — это ветер, теребящий лохмотья изорванных в клочья флагов страны и штата. Некоторое время Россо смотрит на Джули, потом снимает с Норы наручники и помогает ей встать. Нора потирает запястья. Они обмениваются взглядом, после

которого отпадает необходимость в словах.

Неловкой, полуобморочной походкой Джули возвращается к нам.

— Джули, мне очень жаль, — говорит Россо, коснувшись ее плеча.

— Все в порядке, — шмыгает носом она, уставившись себе под ноги. Голос у нее такой же, как и глаза, — болезненный и выжатый до предела. Теперь, научившись, я хочу плакать за нее. Джули осталась сиротой, но она не просто несчастный ребенок. Рано или поздно горе возьмет свое, но пока она еще здесь, с нами, и с ней все хорошо.

Россو гладит ее левой рукой по голове и заправляет за ухо непослушную прядь. Джули прижимает его мозолистую ладонь к щеке и слабо улыбается.

Полковник поворачивается ко мне и вглядывается в мои глаза:

— Ты Арчи, да?

— Просто Р.

Он протягивает руку, и, преодолев секундное замешательство, я протягиваю свою. С перекошенным лицом он терпит рукопожатие, стоически игнорируя боль в запястье.

— Сам не знаю почему, — говорит он, — но я счастлив познакомиться, Р.

И поворачивается к люку.

— У нас будет завтра общее собрание? — спрашивает Нора.

— Объявлю, как только спущусь. У нас теперь куча дел. К тому же, — добавляет он, бросив взгляд на отступающее костяное воинство, — мне очень интересна ваша точка зрения на то, что сегодня произошло.

— У нас найдется пара теорий, — обнадеживает его Нора.

Россо спускается вниз, осторожно опираясь только на левую руку. Нора смотрит на Джули. Джули кивает. Улыбнувшись нам по очереди, Нора исчезает вслед за Россо. Мы на крыше одни. Прищурившись, Джули рассматривает меня, как будто видит в первый раз. Вдруг в ее взгляде появляется удивление.

— Боже мой, — ахает она. — Р, у тебя... — Протянув руку, она отрывает мне пластырь со лба и щупает то место, куда воткнула нож в день нашего знакомства. Ее палец окрашивается красным. — Р, у тебя *кровь идет!*

Стоит ей это сказать, как я замечаю и другое. Острые уколы по всему телу. Все *болит*. Ощупываю себя и обнаруживаю, что одежда в крови — не мертвой и черной, засорявшей когда-то мои вены, а настоящей, яркой, живой и красной.

Джули давит мне на грудь ладонью, так сильно, как будто испытывает какой-то прием кун-фу. И, под давлением ее руки, я чувствую. Шевеление глубоко внутри. Пульс.

— Р! — чуть не визжит Джули. — Да ведь ты... *живой!*

Она бросается мне на шею и обнимает крепко-крепко, до треска якобы сросшихся костей. Снова целует и слизывает соленую кровь с моей нижней губы. Ее тепло просачивается в мое тело, и наконец мое собственное тепло дает отпор. Джули вдруг замирает. Чуть отстранившись, она смотрит вниз. На ее лице появляется задумчивая улыбка.

Тоже смотрю вниз, хотя в этом и нет нужды. Я все чувствую. Горячая кровь пульсирует по моему телу, переполняет капилляры, зажигает каждую клеточку, как салют в День независимости. Я чувствую все мои атомы, они переполнены восторгом и благодарностью за второй шанс, на который они не смели и надеяться. Шанс начать заново, шанс жить и любить по-настоящему, вечно гореть в огне, а не лежать в грязной могиле. Целую Джули, чтобы она не заметила, как я краснею. Мое лицо ярко-красное и такое горячее, что растопит даже сталь.

Ну что, мертвяк, — произносит голос в моей голове, и в животе снова что-то шевелится, но это скорее тихий толчок, чем пинок. — *Мне пора. Ты уж извини, что не останусь на твою войну. Но у меня тут своя. Мы ведь и так победили, правда? Я чувствую. Наши ноги дрожат, как будто земля ускоряется и сходит с предначертанной орбиты. Страшиновато, а? Как будто на этом свете есть хоть что-то стоящее, что не казалось поначалу страшным. Не знаю, что ждет тебя впереди, но что бы ни ждало меня, я своего не упущу. Не заклюю носом на середине предложения и не спрячу книгу в ящик. Не в этот*

раз. Сбрось пыльные одеяла апатии, отращения и иссохшего цинизма. Я хочу эту жизнь во всем ее дурацком, прилипчивом несовершенстве.

Ну что ж.

Ну что ж, Р.

Началось.

ШАГ ТРЕТИЙ

Живу

Нора Грин и генерал Россо стоят перед огромной толпой на площади у главных ворот. Нора волнуется. Жалеет, что не покурила с утра, но тогда ей это показалось неуместным. Она хотела сохранить ясную голову.

— Значит, так, — во всю мощь своего голоса начинает Россо, пытаясь докричаться до самых дальних рядов — тех, кому не хватило места на площади и пришлось толпиться на ближайших улицах. — Как мы вас ни пытались подготовить, поначалу, конечно, вам может стать... неудобно.

Здесь собрались не все, а только те, кто хотел прийти. Остальные прячутся за закрытыми дверями с винтовками в обнимку. Нора надеется, что рано или поздно и они выйдут посмотреть, что происходит.

— Я лишь повторю, что вы в полной безопасности, — продолжает Россо. — Все изменилось.

Он смотрит на Нору и кивает.

Солдат открывает ворота, и Нора кричит:

— Заходите, ребята!

Один за другим, все еще неловкими шагами, но более-менее по прямой, они заходят в Стадион. Полу-мертвые. Почти-живые. Под взволнованный ропот толпы зомби выстраиваются у ворот.

— На самом деле их гораздо больше, — объясняет Нора. — И становится больше с каждым днем. Они пытаются исцелиться. Они пытаются уничтожить чуму. И мы должны им помочь.

— Как? — выкрикивает кто-то.

— Мы будем ее исследовать. Зажмем ее в угол и так надавим, что рано или поздно добьемся ответов. Этого маловато, конечно, но нужно же с чего-то начинать.

— Поговорите с ними, — добавляет Нора. — Поначалу будет страшно, но все равно — посмотрите им в глаза. Представьте и спросите, как их зовут.

— Не бойтесь, — говорит Россо. — Каждого из них будет постоянно сопровождать солдат. Но попытайтесь поверить, что они не причинят вам вреда. Нужно хотя бы попробовать поверить, что это сработает.

Нора отступает в сторону. Живые осторожно приближаются к зомби. Солдаты опасно держат винтовки наготове. Зомби во всей этой неловкой ситуации держатся с удивительным терпением. Просто стоят и ждут, не обращая внимания на красные точки, дрожащие у них на лбах. Некоторые даже пытаются добродушно улыбаться. С надеждой скрестив пальцы за спиной, Нора присоединяется к остальным.

— Привет.

Она поворачивает голову. На нее смотрит один из зомби. У него белесая бородка и тонкие, искромсанные губы. Как и все прочие его раны, они, похоже, заживают. Зомби делает шаг в ее сторону и улыбается.

— Э-э, привет, — отвечает Нора, задрав голову, чтобы встретиться с ним взглядом. В нем, наверное, метра два. Он чуть-чуть грузноват, но под футболкой играют мышцы. Его затылок совершенно лыс и блестит, как сероватая жемчужина. — Я Нора, — представляется она, накручивая на палец прядь волос.

— А я М... М-маркус, — сообщает зомби бархатным баритоном. — А ты самая... красивая женщина... из всех... что я встречал.

Нора хихикает и нервно дергает себя за волосы.

— Вот это да. — Она протягивает зомби руку. — Приятно познакомиться... Маркус.

Мальчик бежит по аэропорту. В коридорах темно, но ему не страшно. Он мчится через ресторанный дворик, мимо темных вывесок и сгнивших обедов, недопитых банок пива и недоеденной тайской лапши. Из соседнего коридора до него доносится костяной лязг. Даже не притормозив, он быстро сворачивает в другой коридор. Кости теперь стали очень медленными. С ними что-то произошло, когда папа впервые привел в аэропорт приемную маму. Теперь они только и делают, что бесцельно бродят по коридором, как пчелы в разгар зимы. Или стоят неподвижно, как устаревшие механизмы, ждущие замены.

Мальчик несет коробку. Пустую, но тем не менее руки у него заняты. Забежав в соседний коридор, он останавливается передохнуть.

— Алекс!

Перед ним возникает его сестра. У нее тоже коробка, а пальцы облеплены скотчем.

— Ты все, Джоан?

— Ага!

— Ладно, давай еще сбегает!

Они бросаются по коридору. Стоит ступить на пешеходную ленту, включается электричество, и пол вздрагивает у них под ногами. Мальчик и девочка бегут босиком со скоростью света, скачут вперед, как олени, а позади плывет утреннее солнце. В конце коридора они чуть не сталкиваются с другой группой детей с коробками.

— Закончили, — сообщают дети.

— Круто, — отвечает Алекс. Дальше они бегут вместе. Некоторые до сих пор одеты в лохмотья. Некоторые все еще серого цвета. Но большинство живые. У детей не так много условных инстинктов, как у взрослых. Их всему надо учить. Как убивать, чтобы получалось легко, как бродить без всякой цели, как покачиваться, мычать и гнить с полагающейся скоростью. Но теперь школа закрыта, и они оживают без посторонней помощи, как иссохшие за зиму многолетние луковицы.

Над головой мерцают флуоресцентные лампы, и в динамиках раздается шорох проигрывателя. Какой-то хитрец взломал систему громкой связи.

Сумерки заполняются нежными, ласковыми аккордами, и одинокий голос Фрэнсиса Альберта Синатры эхом отдается в пустых коридорах.

Летом случается чудо... когда небо в лазурной тиши...

Динамики шипят и трещат, искажают звук и иногда гложут. Игла прыгает. И все же впервые за многие годы застывший воздух аэропорта полон музыки.

На пути к залу прилета, где их ждут новые коробки и новые мотки скотча, дети пробегают мимо бледной фигуры, ковыляющей по коридору. Она бросает взгляд на живых детей, но не пускается в погоню. В последнее время ее все меньше терзает голод. Совсем не так, как когда-то.

Она провожает детей взглядом, пока те не поворачивают за угол, и бредет дальше. Сама не знает, куда и зачем, но в конце коридора ее ждет какое-то белое свечение. Очень красивое. Она ковыляет вперед.

Летом случается чудо... ты сияешь в свете луны... ты влюбляешься, ты влюбляешься... ты хочешь рассказать всему миру...

Она выходит в зал ожидания у выхода номер 12. Здесь все залито утренним солнцем. Что-то не так, как всегда. Стекло, смотрящее на взлетную полосу, заклеено маленькими фотографиями. Кто-то наклеил их скотчем в пять рядов — длинная полоса бежит от стены до стены.

Летом случается чудо... но не с каждым. Но если оно случится... да, если оно случится.

Зомби с опаской приближается к фотографиям и замирает перед ними, слегка разинув рот.

Девочка лезет на яблоню. Мальчишка поливает брата из шланга. Женщина играет на скрипке. Пожилая пара нежно обнимается. Мальчик с собакой. Плачущий мальчик. Крошечный спящий младенец. Одна фотография мятая и затертая — семья в аквапарке. Мужчина, женщина и маленькая белокурая девочка, с улыбкой шурящиеся на солнце.

Зомби смотрит на этот загадочный коллаж. Ее бейджик так ярко блестит на солнце, что болят глаза. Много часов она стоит неподвижно. Потом медленно делает вдох. Первый вдох за многие месяцы. Ее обмякшие пальцы подрагивают в такт музыке.

— Р.

Открываю глаза. Я лежу на спине на красном одеяле, подложив руки под голову, и смотрю в ясное летнее небо.

— Что?

Джули пододвигается поближе.

— Как тебе кажется, мы еще увидим летающие самолеты?

Некоторое время я молча думаю, пытаюсь поймать в фокус крошечные молекулы, плавающие в моих глазах.

— Да.

— Правда?

— Может, не мы. Но наши дети — обязательно.

— Думаешь, мы многое сможем сделать?

— В смысле?

— В смысле, что мы сможем вернуть? Ведь даже если совсем избавиться от чумы... думаешь, когда-нибудь мы сможем восстановить все, как было?

По небу мечется одинокий скворец, и я представляю, что за ним тянется белая полоса — затейливый росчерк на любовной записке.

— Надеюсь, что нет.

Некоторое время мы молчим. Мы лежим на траве. Неподалеку нас терпеливо дожидается старый помятый "мерседес", тихонько бормоча остывающим мотором. Джули зовет его Мерсиком. Кто эта женщина, лежащая рядом? Настолько полная жизни, что способна поделиться ею с автомобилем?

— Р, — говорит она.

— Да.

— Ты уже вспомнил свое имя?

Мы лежим на склоне холма на обочине разбитого шоссе, а птицы и насекомые исполняют камерные вариации на тему шума дорожного движения. Я слушаю эту ностальгическую симфонию и качаю головой:

— Нет.

— Ты ведь можешь придумать себе новое. Выбирай любое. Какое хочешь?

Я обдумываю эту возможность. Мысленно листаю справочник имен. Запутанные этимологии, мертвые языки, устаревшие значения — все это по традиции передавалось из поколения в поколение. Но я — новая глава. Чистый холст. Я могу положить в основание моего будущего любую версию истории — и я выбираю самую свежую.

— Меня зовут Р, — говорю я, дергая плечом.

Джули разворачивается ко мне. Я чувствую пронзительный взгляд ее солнечных глаз, они будто пытаются процарапать мне в ухо и изучить, что творится внутри.

— Ты не хочешь вернуть прежнюю жизнь?

— Нет, — отвечаю я. Сажусь, обняв колени, и гляжу вниз. — Мне нравится эта.

Джули улыбается и садится рядом. Перед ней открывается та же картина, что вижу я.

Под нами, как брошенная перчатка, как вызов на дуэль, распростерся аэропорт. После капитуляции скелетов никакого всемирного превращения не произошло. Кто-то

возвращается к жизни, кто-то остается мертвым. Мертвые так и бродят по аэропорту, другим городам, странам, континентам — и ждут. Но аэропорт — хорошее место, чтобы начать лечение болезни, поразившей весь мир.

У нас большие планы. Очень большие. И пусть мы идем вслепую — зато не стоим на месте. Все заняты делом, и лишь из-за чудесной погоды мы с Джули решили устроить небольшой перекур и полюбоваться видом. Небо голубое. Трава зеленая. Солнце греет кожу. Мы улыбаемся — ведь именно так мы и спасаем мир. Мы не позволим ему превратиться в гробницу, в братскую могилу, вращающуюся в бескрайней пустоте космоса. Мы эксгумируем себя. Мы сразимся с проклятием, и мы победим. Мы будем истекать слезами и кровью, терзаться любовью и похотью — и мы исцелим смерть. Мы станем лекарством. Потому что мы этого хотим.

От автора

Спасибо Кори Штерн, откопавшей мои рассказы на дне интернет-болота и убедившей меня написать эту книгу, изменившую мою жизнь. Спасибо Лори Уэбб и Бруне Папандреа за то, что они вытолкали ее в свет, и моему гениальному агенту Джо Ригалу, который помог превратить ее в то, чем она стала. Спасибо моему брату Натану Мариону за то, что все эти годы он поддерживал любые мои начинания и верил и в них, и в меня, даже когда все это казалось полным безумием.